

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

Въ «Русской Старинѣ» 1899 года были помѣщены записки графа М. А. Корфа. Въ предисловіи къ нимъ онъ говоритъ, что записки эти «содержать въ себѣ выборку изъ дневника, веденнаго мною съ 1838 по 1825 годъ, и нѣсколькихъ немногихъ замѣтокъ моихъ за предшешіе ему годы».

Имѣя возможность познакомить читателей съ дневникомъ графа, редація считаетъ долгомъ заявить, что печатаетъ тѣ только мѣста дневника, которыя не вошли въ напечатанныя уже записки и другія статьи того же автора: 1) Историческое описаніе перваго дня царствованія императора Николая I, подъ заглавіемъ «14 декабря 1825 г.» ¹⁾ и 2) «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ²⁾.

Р е д.

¹⁾ Напечатано въ 1854 г. отдѣльною книгою (въ 25 экземплярахъ).

²⁾ Напечатано въ Сборникѣ „Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 98.

1838 годъ.

Автобіографическая замѣтка.—Лнца, содѣйствовавшія возвышенію М. А. Корфа по службѣ.—Замѣтки и характеристики С. Ф. Маврина, Витте-нгейма, барона А. Я. Бюллера, Н. П. Дубенскаго, М. Я. Балугьянскаго, Е. Ф. Канкринна, М. М. Сперанскаго, князя В. П. Кочубея.—Вниманіе государя къ Корфу.—Переходъ его въ Государственный Совѣтъ.—Аудіенція въ кабинетъ государя.—Акты, касающіеся вступленія на престолъ императора Николая I.—Составленіе Свода законовъ.—Проектъ о преобразованіи С.-Петербургской полиціи.—Раутъ у графини Разумовской.—Кончина униатскаго митрополита Булгака и архимандрита Фотія.—Чтеніе лекцій наслѣднику.—Великій князь Михаилъ Павловичъ и его мнѣнія о М. М. Сперанскомъ.—Канкринъ и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ.—Кончина предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Новосильцова.—Отъѣздъ ихъ величествъ за границу.—Кончина Родофинкина.—Свиданіе императора Николая съ шведскимъ королемъ.—А. П. Ермоловъ и М. И. Платовъ.—Князь Лобановъ-Ростовскій.—Графъ Васильчиковъ и назначеніе его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.—Графъ Литта.—Болѣзнь М. М. Сперанскаго и его характеристика, сдѣланная М. А. Корфомъ.—Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на товары.—Рескриптъ императора Николая графу В. П. Кочубею.—Баль у графа Левашова.—Обрученіе великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.—Возобновленіе Зимняго двора.

15-го февраля. Какимъ образомъ сдѣлалъ я свою, можно сказать, государственную, и во всякомъ случаѣ блистательную карьеру? Это для меня самого вопросъ неразрѣшимый.

Достоинства въ службѣ могутъ быть многоразличны, но для достиженія высшихъ должностей, а еще болѣе, чтобы въ нихъ поддержатся, нужна общая совокупность всѣхъ этихъ достоинствъ. Познанія мои ограничиваются тѣмъ, что могло быть приобрѣтено при окончаніи курса, хотя и въ первомъ тогда заведеніи нашемъ Царскосельскомъ лицѣѣ, — но на 17-мъ году отъ роду. Чтеніе и послѣдующія почти непрерывныя занятія нѣсколько дополнили это; но глубокихъ познаній я не имѣю ни по одной части. Воображеніе мое очень слабо; умъ довольно дѣятельный, но вовсе не трансцендентальный; особенно нѣтъ у меня *présence d'esprit*, столь важнаго во всѣхъ почти случаяхъ жизни, а природная застѣнчивость, хотя по возможности скрываема и подавляема, отнимаетъ всю возможность гдѣ-нибудь блеснуть или премиривать, что, при извѣстой дерзости, такъ часто удается и людямъ посредственнымъ.

Настоящей и особенно сильной протекціи у меня тоже никогда не было. Батюшка былъ сенаторомъ, когда это еще болѣе значило, чѣмъ теперь; но болѣзни и уединенный образъ жизни удалили его отъ всякихъ связей и отъ всякаго вліянія. Одно только мѣсто и одну только почесть получилъ я по прямому ходатайству покровителей: мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, въ 1818 году дано мнѣ было по просьбѣ бывшаго въ связи съ тогдашнимъ министромъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, барона Андрея Яковлевича Бюллера; почесть—званіе камеръ-юнкера—пожаловано мнѣ въ 1823 году по предстательству покойной

герцогини Виртембергской, которую просилъ о томъ нѣкто Шепингъ (Эрнстъ), курляндецъ, пользовавшійся особеннымъ ея расположеніемъ. Затѣмъ въ томъ же 1823 году я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, вѣроятно, потому, что, меня издавна рекомендовалъ съ хорошей стороны тогдашнему директору Дубенскому Семенъ Филипповичъ Мавринъ; говорю, вѣроятно, потому что при самомъ открытіи вакансіи обо мнѣ между ними рѣчи не было. Наконецъ, назначеніе мое въ 1831 году управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, или по крайней мѣрѣ побужденіе къ этому, могу отчасти приписать всегдашнимъ добрымъ обо мнѣ отзывамъ предъ тогдашнимъ предсѣдателемъ княземъ Кочубеемъ, роднаго его племянника Александра Васильевича Кочубея; другихъ связей у меня никогда не было: всѣ мои начальники любили и отличали меня. Начавъ службу въ половинѣ 1817 г., хотя и въ чинѣ титулярнаго совѣтника, но съ обязанностей простаго писца, и при томъ на 17-мъ году отъ роду, я черезъ шесть лѣтъ (въ 1823 году) былъ уже начальникомъ отдѣленія, а меньше чѣмъ черезъ четырнадцать (въ началѣ 1831 г.) управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, камергеромъ и въ трехъ орденахъ; въ 1832 г. пожалованъ дѣйств. статск. совѣтникомъ, а въ 1834 г. статсъ-секретаремъ и съ того же года, т. е. съ небольшимъ послѣ 16-ти лѣтъ службы и 34 лѣтъ отъ роду, назначенъ въ должность государственнаго секретаря—должность, которую занималъ нѣкогда Сперанскій въ апогеѣ своего величія и изъ которой всѣ мои предшественники переходили прямо въ члены Государственнаго Совѣта. Теперь не минуло еще 21-го года моей службы, нѣтъ мнѣ еще 38 лѣтъ отъ роду, а я при этой должности, при званіи статсъ-секретаря, состою уже болѣе года въ чинѣ тайнаго совѣтника и имѣю двѣ звѣзды, пройдя всѣ постепенности орденовъ. И какъ все это сдѣлалось, безъ особенныхъ достоинствъ и безъ связей? Повторяю опять, что этотъ вопросъ для меня неразрѣшимъ.

16-го февраля. Я часто составляю мысленно въ головѣ своей списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ считаю себя обязаннымъ, а теперь хочется записать ихъ и здѣсь.

Первое мѣсто въ этомъ ряду послѣ моихъ родителей занимаетъ Семенъ Филипповичъ Мавринъ. Нѣжная любовь и попеченіе обо мнѣ съ самаго дѣтства, безчисленныя одолженія, которыхъ цѣна теперь только вполне мнѣ понятна, радушная готовность къ ходатайству за меня вездѣ и всегда, когда представлялся къ тому случай, наконецъ, его привязанность и неограниченное довѣріе—все это вмѣстѣ стяжало ему священные права на мою благодарность,—чувство, которое не угаснетъ во мнѣ и къ его дѣтямъ. Примѣры такой безкорыстной истинно родительской любви въ человѣкѣ постороннемъ едва-ли даже и встрѣчаются.

Отто Виттенгеймъ,—кромя ласковаго вниманія ко мнѣ, когда я еще былъ почти ребенкомъ, а онъ подвигался уже быстрыми шагами на поприщѣ службы, и многихъ дружественныхъ одолженій, — ревностно способствовалъ мнѣ въ переводѣ курляндскихъ статутовъ,—работѣ, которую начались мои успѣхи. Имѣвъ тогда очень мало времени свободнаго, онъ съ настоящимъ самоотверженіемъ посвящалъ цѣлые дни на самый добросовѣстный просмотръ моихъ трудовъ, и ни тогда, ни послѣ, не забывалъ мнѣ, ни самыми даже отдаленными намеками, о своихъ одолженіяхъ.

Барону Андрею Яковлевичу Бюллеру я обязанъ полученіемъ перваго моего штатнаго мѣста — переводчика въ общей канцеляріи министерства юстиціи,—на которое въ то время (въ 1818 г.) было очень много сильно покровительствуемыхъ кандидатовъ.

Ходатайству Эрнста Шепинга у покойной герцогини Виртембергской я обязанъ пожалованіемъ меня въ камеръ-юнкеры, — что тогда (въ 1823 г.) было несравненно труднѣе и важнѣе теперешняго.

Мнѣ не было еще 23 лѣтъ, и я занималъ маловажное мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, какъ вдругъ — не знаю до сихъ поръ, какъ это сдѣлалось, Николай Порфиріевичъ Дубенскій предложилъ мнѣ мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, которымъ онъ тогда управлялъ. — Переходъ былъ быстрый и внезапный, который вдругъ поставилъ меня на одну изъ высшихъ ступеней въ министерскомъ устройствѣ, познакомилъ и сблизилъ съ гр. Канкринымъ, давъ возможность чѣмъ-нибудь отличиться, открылъ путь къ наградамъ. Потомъ, во все трехлѣтнее служеніе мое подъ его начальствомъ, онъ осыпалъ меня всегда ласками, отличалъ меня передъ товарищами и пользовался всякимъ случаемъ дѣлать мнѣ добро; отзывами своими обо мнѣ онъ много содѣйствовалъ установленію моей репутаціи. Теперь онъ въ несчастіи, и я почелъ бы за высокое наслажденіе при измѣнившихся обстоятельствахъ быть ему въ чемъ-нибудь полезнымъ.

Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій любилъ и любить меня, какъ сына. Его отзывы на мой счетъ подкрѣпили и утвердили то, что началъ Дубенскій, и въ этомъ наиболѣе считаю я себя ему обязаннымъ. И теперь дружба этого почтеннаго старца мнѣ драгоцѣнна, хотя мы рѣдко видимся.

Отношенія мои къ графу Канкрину, къ М. М. Сперанскому и къ покойному князю Кочубею были всегда хорошими отношеніями подчиненнаго къ умнымъ начальникамъ. Всѣ три, а особенно два послѣдніе, исчерпывали до дна весь запасъ моего усердія и небольшихъ способностей, но за то и щедро награждали мои труды. Канкрину и Сперанскому я наиболѣе обязанъ за то доброе обо мнѣ мнѣніе, которое они внушили государю. Кн. Кочубей утвердилъ его.

17-го февраля. Я вступилъ въ такъ называемый большой свѣтъ уже поздно. Родители мои имѣли свой особенный ограниченный кругъ знакомства; здоровье батюшки и наклонность матушки къ уединенной жизни удаляли ихъ отъ всякихъ новыхъ связей. И прежде. Лпдея и послѣ выпуска оттуда, живя въ родительскомъ домѣ, я естественно держался того же круга и очень помню, что въ невинности моей не подозрѣвалъ даже, чтобы существовалъ еще какой-нибудь отдѣльный высшій кругъ, отверзтый только своимъ и закрытый для профановъ.

Два или три бала зимою во дворцѣ, на которыхъ я былъ тоже по службѣ; одинъ или два обѣда въ крѣпости у тогдашняго камерданта Сукина, стариннаго знакома моихъ родителей; три или четыре семейныхъ праздниковъ, рожденій и именинъ у моихъ или у меня, гдѣ обѣдало нѣсколько короткихъ друзей и послѣ обѣда изрѣдка танцевали,— вотъ каковы были тогдашнія мои разсѣянія.

Эти воспоминанія болѣе всего относятся къ періоду съ 1827 по 1831 годъ. Я былъ уже тогда женатъ и жилъ въ Коломнѣ, у самой церкви Покрова на площади.

Съ 1831 г., т. е. со времени перехода моего въ Комитетъ министровъ, многое перемѣнилось. Я переѣхалъ ближе къ Зимнему дворцу, въ большую и дорогую квартиру, сталъ выѣзжать въ большой свѣтъ, который сдѣлался уже моимъ свѣтомъ.

Словомъ, мои привычки и образъ жизни совершенно измѣнились: я вступилъ уже болѣе или менѣе на чреду d'un grand seigneur.

Государь издавна меня считаетъ заносчивымъ; теперь можетъ быть меньше прежняго, но все еще это мнѣніе не совсѣмъ въ немъ истребилось. Когда, въ исходѣ 1834 года, меня предлагали въ государственные секретари, онъ отозвался, что подумаетъ еще объ этомъ, но прибавилъ:

— Корфа надобно держать въ рукахъ: онъ заносчивъ.

Это мнѣніе обо мнѣ часто заставляло меня скорбѣть.

Отчего же родилось такое мнѣніе государя? Теперь, повторяя свои дѣйствія до того времени, когда оно мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ (въ 1835 г.), вижу, что отъ причинъ довольно естественныхъ; вижу, что многое въ моихъ поступкахъ могло показаться ему заносчивостью. Они были плодъ или неосторожности или неопытности, или побужденій всегда чистыхъ, но не всегда довольно обдуманыхъ. Но не могу скрыть отъ самого себя, что государю они могли казаться не тѣмъ, что были, а тѣмъ, чѣмъ представлялись.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ государю чрезъ работы во II отдѣленіи собственной канцеляріи по законодательной части, на которыя онъ обращалъ тогда самое заботливое вниманіе. Я первый

разъ представлялся государю въ іюлѣ 1827 года на Елагиномъ острову; съ того времени, послѣ самаго благосклоннаго пріема, онъ не переставалъ меня осыпать ласками и самыми милостивыми привѣтствіями.

Осенью 1833 года случилось, что князь Кочубей, живя въ Царскомъ Селѣ, продержалъ у себя нѣсколько долѣе срока посланный къ его подписанію журналъ Комитета, а оттого и я опоздалъ представленіемъ его государю. По этому случаю кн. Кочубей писалъ мнѣ изъ Царскаго Села 13-го октября:

«Бывъ у его величества, я сознался въ невинномъ упущеніи моемъ по случаю доставленія журнала Комитета министровъ не въ назначенное время. Его величество принять изволилъ милостиво объясненіе мое, и я имѣлъ удовольствіе слышать весьма лестный высочайшій отзывъ на счетъ вашъ; о чемъ вмѣняю въ пріятную для себя обязанность васъ не отлагая увѣдомить». Но въ чемъ именно состоялъ этотъ отзывъ, до меня никогда не дошло: ибо кн. Кочубей ни тогда, ни послѣ, ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, а самъ я считалъ неумѣстнымъ его разспрашивать.

Въ мартѣ 1834 г. я былъ пожалованъ въ статсъ-секретари. Всѣхъ статсъ-секретарей государь всегда принимаетъ въ своемъ кабинетѣ; но я былъ принятъ, при общемъ представленіи, въ числѣ прочихъ. Впрочемъ, государь, какъ бывало и прежде, благодарилъ меня за труды мои и успѣшное движеніе дѣлъ Комитета въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ началѣ іюня 1834 года кн. Кочубей скончался, и Комитетъ цѣлый мѣсяцъ оставался безъ предсѣдателя.

При жизни кн. Кочубея я многократно представлялъ ему, что канцеляріи Комитета необходимъ свой врачъ, сколько для пользованія недостаточныхъ чиновниковъ, столько и для надзора, когда чиновники менѣе надежные сказываются больными; но князь, не отказывая прямо, всегда отклонялъ это подъ разными предлогами. Послѣ кончины князя, когда не было еще предсѣдателя, я послалъ объ этомъ докладную записку государю, основывая ходатайство мое на примѣрѣ всѣхъ министерскихъ департаментовъ. Но записка возвращена мнѣ 24-го іюня съ собственноручной его величества резолюціей: «обстоятельства сіи не могли не быть извѣстны покойному канцлеру (кн. Кочубею); однако, онъ мнѣ о томъ никогда не говорилъ; потому и не вижу достаточной причины вводить новое».

Въ концѣ августа того же года, когда опредѣленъ уже былъ предсѣдателемъ Комитета гр. Новосильцовъ, я представилъ государю о пособіи одному изъ чиновниковъ канцеляріи Комитета, постигнутаго стеченіемъ разныхъ случайныхъ несчастій и потерь. Въ этомъ непосредственномъ докладѣ я руководствовался какъ многократными прежними примѣрами, такъ и инструкціей управляющаго дѣлами Комитета, поста-

вляющею канцелярію въ прямое его подчиненіе, а его—въ прямое по всѣмъ дѣламъ сношеніе съ государемъ. Но докладная записка моя возвратилась съ высочайшей резолюціей: «Представьте на разсмотрѣніе председателя». Это и было исполнено, и хотя чиновникъ тотъ, по докладу гр. Новосильцова, получилъ болѣе еще, нежели я ожидалъ, но государь вѣроятно принялъ этотъ случай въ такомъ смыслѣ, что я отступилъ отъ порядка службы.

Какъ бы то ни было, но когда я узналъ мнѣніе государя о моей заносчивости, многое, чтò прежде мнѣ казалось загадочнымъ, для меня объяснилось. Онъ не бесѣдовалъ со мною, не обращалъ на меня, такъ сказать, никакого вниманія въ публикѣ, для того, чтобы не поддержать или не усилить—моей заносчивости.

4-го декабря 1834 года послѣ присутствія Комитета министровъ и безъ всякаго особаго повода, гр. Чернышевъ сказалъ мнѣ: «Nous avons beaucoup causé aujourd'hui sur vous avec l'Empereur. Dommage que vous n'étiez pas caché dans quelque coin de la chambre pour entendre ce qui s'est dit sur votre compte» ¹⁾).

Дальнѣйшихъ подробностей онъ не прибавилъ, а я не разспрашивалъ, впрочемъ, внутреннее сознаніе говорило мнѣ, что если я навлекъ на себя неудовольствіе государя всѣмъ вышеизложеннымъ, то онъ не можетъ однако не быть сколько-нибудь доволенъ моими трудами и ихъ результатами.

Потомъ, 6-го декабря, въ день именинъ государя, пріѣхавъ во дворецъ къ выходу, я былъ пораженъ совершенно внезапной вѣстью о моемъ перемѣщеніи изъ Комитета въ (Государственный) совѣтъ—перемѣщеніи въ высокой степени мнѣ польстившемъ, но къ которому я такъ мало былъ приготовленъ, что не вѣрилъ, слыша отъ 20-ти, 30-ти человѣкъ, пока не объявилъ мнѣ самъ гр. Новосильцовъ. Никого не просивши, не бывъ ни отъ кого предупрежденъ, я послѣ уже узналъ, что обязанъ этимъ гр. Новосильцову; но что прежде государь долго останавливался и совѣтовался съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ гр. Чернышевымъ (вѣроятно, 4-го декабря). Вечеромъ на балѣ государь подошелъ ко мнѣ и самымъ отрывистымъ тономъ, почти не взглянувъ на меня, сказалъ:

— Поздравляю: мнѣ нужно съ тобой переговорить; зайди ко мнѣ въ воскресенье (это было въ четвергъ).

Въ воскресенье я явился во дворецъ къ обѣднѣ въ комитетскомъ еще мундирѣ. Государь, выходя изъ церкви, подошелъ прямо ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ:

¹⁾ Мы много говорили сегодня о васъ съ императоромъ.—Жаль, что вы не были спрятаны въ какомъ-нибудь углу комнаты, чтобы слышать, что говорилось на вашъ счетъ.

— Ты не успѣлъ еще перемѣнить формы и въ прежнемъ мундирѣ.

— Государь,—сказалъ я,—вашъ указъ завтра только объявится Государственному Совѣту.

Потомъ государь повернулъ меня и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, прибавилъ:

— Знаешь-ли что: мнѣ теперь некогда подробно съ тобой говорить, но пріѣзжай ко мнѣ завтра въ три часа.

Подробности этой первой въ моей жизни аудіенціи въ кабинетѣ государя, къ несчастію, мною тогда не записаны. Она продолжалась около четверти часа, и государь былъ чрезвычайно милостивъ: о заносчивости моей не было и отдаленнаго намека.

Съ этого времени государь вообще сдѣлался ко мнѣ гораздо ласковѣе; сталъ говорить со мной на балахъ, если и не всякій разъ, то по крайней мѣрѣ иногда сталъ принимать не на общихъ представленіяхъ, а въ своемъ кабинетѣ; а я съ моей стороны сдѣлался осторожнѣе: не беспокою его уже ни просьбами, ни безвременными представленіями.

На другой день гр. Новосильцовъ былъ у государя и объявилъ мнѣ, что его величество отзывался ему съ особеннымъ удовольствіемъ обо мнѣ и о нашемъ свиданіи. Графъ сказалъ мнѣ, что особенно радуется перемѣнѣ мыслей государя на счетъ такъ называемой моей заносчивости и что его величество между прочимъ отозвался, что съ удовольствіемъ видитъ, что я сдѣлался солиднѣе.

21-го февраля. До испанской революціи здѣсь былъ испанскимъ посланникомъ Паетъ-де-ла-Кадена, который такъ долго жилъ въ Россіи и такъ сдружился съ нашимъ климатомъ, что всегда почти безошибочно предсказывалъ погоду, не днями и недѣлями, а на цѣлое время года. Это составляло его главную славу въ нашихъ салонахъ. Въ Дрезденѣ, гдѣ онъ теперь живетъ безъ мѣста и безъ дѣла, я встрѣтился съ нимъ въ октябрѣ прошлаго года и, по старой привычкѣ, обратился къ нему съ вопросами о предстоящей погодѣ. Предвѣщаніе его и на этотъ разъ сбылось: онъ предсказалъ мнѣ самую суровую зиму, не только для насъ, но и для всей Европы. На самомъ дѣлѣ Сена, Темза и Рейнъ замерзли, какъ наша Нева; изъ Даніи ходятъ въ Швецію черезъ море лѣшкомъ. Въ Миланѣ было 5° морозу, въ Ліонѣ до 10-ти, въ Женевѣ до 20-ти, и все это, по послѣднимъ извѣстіямъ, продолжалось еще и въ февралѣ. У насъ декабрь, январь и частью февраль были ужасные, и всего не болѣе разу случилась оттепель. Теперь еще дни стоятъ самые ясные, но съ морозомъ въ тѣни отъ 10-ти до 15° и болѣе. Только въ Римѣ и Неаполѣ не было зимы, и всѣ зимніе мѣсяцы продолжалась самая благодатная весна.

22-го февраля. Въ Совѣтъ хранятся чрезвычайно любопытные акты о первыхъ дняхъ, или, лучше сказать, минутахъ, восшествія на престолъ обожаемаго нашего государя.

Не зная, долго-ли еще пробуду въ Совѣтѣ и вообще, что впередъ будетъ, выпишу здѣсь сущность ихъ изъ журналовъ Совѣта, слѣдственно изъ такихъ источниковъ, которыхъ официальность конечно уже неоспорима.

Не думаю, въ совѣсти моей, чтобы нарушилъ этимъ мои обязанности: во-1-хъ, тутъ только подробности такихъ событій, которыхъ сущность оглашена была самимъ правительствомъ во всемірное извѣстіе; во 2-хъ, тутъ все такъ высоко и велико, что сердце русское радуется, и только мелочныя понятія о канцелярской тайнѣ могли бы оскорбиться снятіемъ покровъ съ этихъ дивныхъ дѣлъ и, въ 3-хъ, я записываю это для себя и только исключительно для себя: потому что никто и не подозрѣваетъ, чтобы я велъ свой дневникъ.

Вѣсть о кончинѣ императора Александра достигла въ Петербургъ утромъ 27-го ноября 1825 г. Въ тотъ же день въ два часа по полудни, члены Государственного Совѣта собрались въ чрезвычайное собраніе и первымъ долгомъ почли исполнить волю покойнаго государя.

Согласно тому, предсѣдатель (кн. П. В. Лопухинъ) поручилъ правившему должность государственнаго секретаря (А. Н. Оленину) принести въ собраніе хранившійся въ архивѣ, за замкомъ и за печатью предсѣдателя, пакетъ, присланный отъ покойнаго государя, 16-го августа 1823 года, собственноручно имъ надписанный на имя Оленина. Въ этомъ пакетѣ былъ другой, на имя кн. Лопухина, а въ семъ послѣднемъ, запечатанный пакетъ съ собственноручною надписью государя. «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, прежде всякаго другаго дѣйствія, раскрыть въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта».

Во исполненіе сей высочайшей воли, пакетъ, по прочтеніи надписи и по освидѣтельствovanіи цѣлостя печати, былъ тутъ же вскрытъ Оленинымъ, и въ немъ оказались извѣстные, послѣ того напечатанные, акты о наслѣдіи престола и объ отреченіи великаго князя Константина Павловича.

По выслушаніи членами,—какъ сказано въ журналѣ,—«съ надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами, послѣдней воли» императора Александра, членъ Совѣта гр. Милорадовичъ (тогдашній петербургскій военный генералъ-губернаторъ) объявилъ собранію, что великій князь Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему манифестомъ, и первый уже «присягнулъ на подданство его величеству государю императору Константину Павловичу».

Когда члены Совѣта, вслѣдствіе этого, обратились къ гр. Милорадовичу съ просьбой исходатайствовать у великаго князя дозволеніе Совѣту явиться предъ лицо его высочества, дабы «удостоиться слышать изъ собственныхъ его устъ непреложную его по^дсему предмету волю», то они приглашены были великимъ княземъ въ бывшія комнаты великаго князя Михаила Павловича, и тутъ онъ всему Совѣту изустно подтвердилъ: «что ни о какомъ другомъ предложеніи слышать не хочетъ, какъ о томъ только, чтобы учинить вѣрноподданническую присягу государю императору Константину Павловичу, какъ то онъ самъ уже учинилъ; что бумаги, нынѣ читанныя въ Совѣтѣ, ему давно извѣстны и не колебали его рѣшимости, а потому, кто истинный сынъ отечества, тотъ немедленно послѣдуетъ его примѣру». Послѣ сего, по усиленной просьбѣ членовъ, его высочество, прочитавъ раскрытыя въ собраніи Совѣта бумаги, поспѣшилъ предложить членамъ идти въ придворную церковь для учиненія надлежащей присяги на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу.

Вслѣдствіе сего, министръ юстиціи донесъ великому князю, что, какъ онъ имѣетъ въ Сенатѣ бумаги, подобныя тѣмъ, которыя хранились въ Совѣтѣ, то уже не будетъ раскрывать ихъ въ Сенатѣ. Потомъ всѣ члены пошли вслѣдъ за великимъ княземъ въ придворную церковь. Во время принесенія ими присяги, великій князь оставался въ церкви. Наконецъ, по его приглашенію, Совѣтъ былъ введенъ въ собственные комнаты государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ при ней была и вся августѣйшая фамилія.

«Государыня императрица,—продолжаетъ далѣе журналъ,—не смотря на жестокую свою печаль, почла нужнымъ объявить членамъ Совѣта, что бумаги, нынѣ въ собраніи онаго читанныя, ея величеству извѣстны; что все сіе было учинено по добровольному желанію самого цесаревича; но что она должна по всей справедливости согласиться на подвигъ великаго князя Николая Павловича. Въ заключеніе ея величество подтвердила членамъ Совѣта служить вѣрою и правдою».

Все это было записано въ журналѣ, съ котораго списокъ положено представить «государю императору Константину Павловичу».

Спустя двѣ недѣли послѣ этого,—достопамятныя двѣ недѣли, которыя всѣ мы провели въ какомъ-то смутномъ ожиданіи,—13-го декабря члены Совѣта собрались въ секретное засѣданіе, по особымъ повѣсткамъ, въ 8 час. вечера, и были приглашены кн. Допухинимъ къ ожиданію въ это засѣданіе личнаго присутствія великихъ князей—Николая Павловича вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, котораго возвращенія въ столицу ожидали въ самомъ скоромъ времени.

Въ 12-мъ часу ночи, первый приказалъ объявить Совѣту, что, какъ Михаилъ Павловичъ еще не скоро, можетъ быть, прійдетъ, а дѣло, ко-

торое его высочество имѣетъ объявить, не терпѣть отлагательства, то онъ рѣшился прибыть немедленно въ собраніе Совѣта, что и было вслѣдъ за тѣмъ исполнено.

Отсюда я начну уже говорить подлинными словами журнала, съ сокращеніемъ лишь титуловъ.

«Его высочество, по прибытіи въ Совѣтъ, занявъ мѣсто председателя и призвавъ благословеніе Божіе, началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана, вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ сего высокаго титула великаго князя Константина Павловича. Совѣтъ, по выслушаніи сего манифеста въ глубокомъ благоговѣніи и по изъявленіи въ молчаніи нелицемѣрной вѣрноподданнической преданности новому своему государю императору, обратилъ опять свое вниманіе на чтеніе его величествомъ всѣхъ подлинныхъ приложений, объясняющихъ дѣйствія ихъ императорскихъ высочествъ. Послѣ сего государь императоръ повелѣлъ правящему должностъ государственнаго секретаря прочесть вслухъ отзывъ великаго князя Константина Павловича на имя председателя Совѣта кн. Лопухина.

«По прочтеніи сего отзыва, его величество изволилъ оный взять къ себѣ обратно, и, вручивъ министру юстиціи читанные его величествомъ манифестъ и всѣ къ нему приложения, повелѣтъ соизволилъ немедленно къ исполненію и къ напечатанію оныхъ во всенародное извѣстіе. Послѣ чего его величество, всемплощивѣйше привѣтствовавъ членовъ Совѣта, изволилъ засѣданіе онаго оставить въ исходѣ 1-го часа ночи. Положено: о семъ знаменитомъ событіи записать въ журналъ, для надлежащаго свѣдѣнія и храненія въ актахъ Государственнаго Совѣта; при чемъ положено также сегодня, т. е. 14-го декабря, исполнить вѣрноподданнической обрядъ, произнесеніемъ присяги предъ лицомъ Божиимъ, въ вѣрной и непоколебимой преданности государю императору Николаю Павловичу, что и было членами Совѣта и правящимъ должностъ государственнаго секретаря исполнено въ дворцовомъ большомъ соборѣ».

На этомъ журналъ сверху надписано: «утверждаю. Николай». Подписанъ онъ 22-мя членами (5 мѣстъ оставлено въ пробѣлѣ), изъ которыхъ теперь, черезъ 12 лѣтъ, въ живыхъ только 9. Младшимъ былъ тогда М. М. Сперанскій.

Кромѣ этого, государь въ свое царствованіе былъ въ Совѣтѣ еще два раза: 21-го декабря 1829 года, при разсмотрѣніи дѣла о пониженіи банковыхъ процентовъ, и 19-го января 1833 года, при разсужденіяхъ о введеніи въ дѣйствіе Свода законовъ. По послѣднему вопросу государь самъ открылъ засѣданіе, изъясняя, что прежде, нежели приступлено будетъ къ сужденію о предметѣ, для коего Совѣтъ собранъ, онъ

желаетъ изложить ходъ дѣла, поелику сіе относилось къ дѣйствию, собственно отъ него зависѣвшему.

Далѣе государь продолжалъ, что, при самомъ восшествіи на престолъ, онъ счелъ долгомъ обратить вниманіе на разныя части управленія, о коихъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія.

Первый предметъ, къ коему его величество, по важности онаго, устремилъ все вниманіе свое, было правосудіе. Его величество въ самой молодости своей слышалъ о недостаткахъ у насъ въ ономъ, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ, или о смѣшеніи оныхъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ. Сіе побудило его съ первыхъ дней его правленія разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится коммиссія, для составленія законовъ учрежденная. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили его, что труды коммиссіи сей не имѣли никакихъ послѣдствій. Не трудно было открыть, что сіе происходило главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ основанію на твердыхъ началахъ старыхъ. Посему, онъ призналъ за благо прежде всего опредѣлить, къ чему по законодательству правительство должно направлять виды свои, и, вслѣдствіе того, обратился къ началамъ, противнымъ тѣмъ, коими прежнія коммиссіи руководствовались, т. е. чтобы не созидать новыхъ законовъ, но собрать и привести въ порядокъ старые».

За симъ государь, означивъ въ главныхъ чертахъ данный имъ для совершенія сего труда планъ учрежденія для онаго въ собственной его канцеляріи особаго (II-го) отдѣленія и личное свое въ этомъ дѣлѣ участіе, упомянулъ еще о помѣщенныхъ въ сводѣ основныхъ законовъ, собственно до него и до августѣйшей его фамиліи относящихся.

Всѣмъ извѣстны,—продолжалъ онъ,—разныя превращенія, въ послѣдствѣ престола происходившія; блаженныя памяти родитель его установилъ первый на твердыхъ основаніяхъ права наслѣдія и издалъ учрежденіе объ императорской фамиліи, которое, такъ сказать, освятилъ, положивъ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ. Такъ, императоръ Александръ I-й дополнилъ постановленія сіи, когда великій князь Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ княгинею Ловичъ. Такъ, самъ онъ дополнилъ узаконенія сіи, постановленіемъ о правителѣ государства,—акты, кои также освящены тѣмъ, что тамъ же, гдѣ и первые императора Павла I-го находятся. Государь счелъ нужнымъ сіи основные законы, впрочемъ, уже давно изданные и всѣмъ извѣстные, соединить нынѣ вмѣстѣ.

Достопамятная рѣчь эта, которая въ журналѣ отмѣчена только въ краткихъ очеркахъ, продолжалась около часу. Государь говорилъ,—какъ

всѣ очевидцы единогласно отзываются,—съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. М. М. Сперанскій,—которому государь тутъ же надѣлъ снятую съ самого себя Андреевскую звѣзду,—сказывалъ мнѣ послѣ, что онъ говорилъ, какъ профессоръ.

Это засѣданіе имѣло послѣдствіемъ указъ 27-го января 1833 года и обнародованіе Свода, съ тою силой исключительнаго и общаго закона, которую онъ теперь имѣетъ.

24-го февраля. Сегодня хоронили жену знаменитаго нашего банкира и богача Штиглица. Это тоже можно записать въ число происшествій, потому что на похоронахъ было, я думаю, каретъ полтора ста.

Вчера съ я обѣдалъ у гр. Новосильцова втроемъ съ М. М. Сперанскимъ. Но тутъ больше имѣлся въ виду не обѣдъ (впрочемъ, славный, какъ всегда у Новосильцева), а разговоръ по дѣлу, всѣхъ насъ теперь много занимающему. Это проектъ учрежденія С.-Петербургской полиціи, огромное, многосложное, но вмѣстѣ и очень незрѣлое твореніе, составленное въ особомъ комитетѣ подѣ председательствомъ Сперанскаго. Сперва принялись было читать его въ Совѣтѣ отъ доски до доски, но увидѣли, что такъ конца не будетъ и что при томъ дѣло слишкомъ важно, чтобы довольствоваться однимъ поверхностнымъ слушаніемъ скорого и не всегда внятнаго чтенія. Поэтому испросили высочайшее повелѣніе весь проектъ напечатать и разослать къ членамъ для представленія ихъ замѣчаній письменно. Такихъ замѣчаній поступило устрашающее множество, и не на однѣ подробности, а на самыя основанія проекта.

Мы составили изъ нихъ сводъ и начали докладывать въ прошлый понедѣльникъ, но не тутъ-то было. Никто изъ членовъ не захотѣлъ останавливаться на мелочахъ, и всѣ требовали, чтобы прежде рѣшить основныя, такъ сказать, жизненныя вопросы дѣла, которые Сперанскій хотѣлъ отложить до конца частныхъ замѣчаній. Споры по обыкновенію были безпорядочныя и шумныя; но такого сильнаго нападенія я давно въ Совѣтѣ не помню. Бѣдный Сперанскій, утомленный нескончаемымъ преніемъ, долженъ былъ уступить, и въ слѣдующее засѣданіе дѣло отъ частныхъ перейдетъ уже къ общимъ началамъ. Вчерашнее совѣщаніе наше у гр. Новосильцова имѣло предметомъ установленіе этихъ началъ, и Сперанскій частью добровольно, а частью склоняясь на наши убѣжденія, согласился все то, что возбудило споры въ Совѣтѣ, т. е. гораздо болѣе важнѣйшей половины проекта изъ него исключить.

— Уступаю,—сказалъ онъ намъ,—не по убѣжденію въ томъ, чтобы мои предложенія были дурны, но потому, во 1-хъ, что у насъ вообще мало, а въ полиціи и совсѣмъ нѣтъ людей, способныхъ вразумиться въ новыя правила и достойнымъ образомъ исполнять ихъ, и во 2-хъ, чтобы

избѣжать нареканія, если дѣло пойдетъ хуло: ибо неуспѣхъ отнесутъ, конечно, не къ исполнителямъ, какъ бы слѣдовало, а къ недостаткамъ самого закона, сколько бы ни былъ онъ хорошъ.

— Вообще,—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—не намъ уже въ наши лѣта писать законы: пишите вы, а наше дѣло будетъ только обсуживать. Я слишкомъ уже старъ и чтобы писать и чтобы отстаивать написанное, а всего тяжче то, что пишешь съ увѣренностью не дожить до плода своихъ трудовъ.

И такъ этотъ проектъ, надѣлавшій столько тревоги и въ Совѣтѣ и въ публикѣ, въ будущій понедѣльникъ вѣроятно лопнетъ, какъ мыльный пузырь. И слава Богу: тутъ не полиція учреждается для жителей, а нѣкоторымъ образомъ жители предполагаются существующими для полиціи. Весь проектъ въ настоящемъ его видѣ былъ бы источникомъ къ безконечнымъ притѣсненіямъ со стороны даже самыхъ мелкихъ полицейскихъ клеветовъ, а отъ сего къ безконечнымъ неудовольствіямъ и жалобамъ, отголосокъ коихъ, къ несчастію, ложится постепенно и на высшее правительство. Это самое, со всею вѣрноподданническою преданностью и искренностью, говорилъ я на-дняхъ и великому князю Михаилу Павловичу, при бесѣдѣ его со мною объ этомъ злополучномъ проектѣ.

25-го февраля. Вчера былъ у графини Разумовской раутъ, настоящій лондонскій, тѣсный, удушливый раутъ, гдѣ все кипѣло народомъ отъ первой ступеньки лѣстницы, и гдѣ на-силу можно было пробраться до хозяйки, чтобы отдать ей поклонъ, и потомъ исчезнуть въ толпѣ, или и тотчасъ уѣхать домой, какъ многіе дѣлали. Тутъ были и государь съ императрицею, и великій князь Михаилъ Павловичъ съ супругою. Государь говорилъ со мною очень ласково. Главнымъ предметомъ нашей бесѣды было то, много-ли мы успѣли надѣлать въ Совѣтѣ въ сегодняшнее утро. Я отвѣчалъ, что засѣданія совсѣмъ не было.

— Какъ же во вторникъ гр. Новосильцовъ мнѣ сказалъ, что будетъ, а я считалъ, что непременно и нужно, потому что теперь полицейское дѣло беретъ много времени и опасно, чтобы не остановить текущія дѣла.

Я объяснилъ на это, что полицейскому дѣлу засѣданія до будущаго понедѣльника ни въ какомъ случаѣ быть не могло, потому что М. М. Сперанскій вызвался приготовить по возникшимъ вопросамъ нѣкоторыя объясненія; что текущимъ дѣламъ остановки не будетъ, ибо мы начинаемъ ими каждое засѣданіе, пока соберутся всѣ члены и что такимъ же образомъ было и въ прошлый понедѣльникъ, въ который засѣданіе продолжалось до 4-го часу.

— Да, просидѣли долго,—сказалъ государь,—да ничего не надѣлали.

Впрочемъ, объясненія М. М. уже готовы; онъ былъ у меня сегодня утромъ и ихъ читалъ.

26-го февраля. На-дняхъ умеръ униатскій митрополитъ Булгакъ¹⁾.

1-го марта. Опять лѣтопись смерти: на-дняхъ умерли архимандритъ Юрьевскаго монастыря (у Новгорода) Фотій и графъ Медемъ въ Митавѣ. Сынъ простаго дьячка въ Новгородской губерніи, Фотій обязанъ всѣмъ, что онъ былъ, самому себѣ. Жизнь его была жизнь истиннаго отшельника, преисполненная отреченій и добрыхъ дѣлъ: всѣ бѣдные монастыри и церкви новгородскія получали отъ него щедрыя пособія, и онъ явно и тайно благотворилъ тоже многимъ частнымъ лицамъ. И при всемъ томъ онъ былъ почти ненавидимъ въ публикѣ: всѣ его хулили, называли іезуитомъ, тонкимъ пронырой, а когда дѣло шло о доказательствахъ, ихъ ни у кого не было. Я познакомился съ нимъ лично лѣтомъ 1830 г., бывъ съ матушкой въ Новгородѣ на богомольѣ. Приѣмъ его всѣмъ и каждому былъ приѣмъ высокобѣрнаго прелата, гордаго своимъ саномъ, а можетъ быть и своимъ богатствомъ; но за то и принимаемы были всѣ равно: и женщины, и мужчины безъ разбора званій, онъ привѣтствовалъ простымъ «ты». Не отъ этого-ли и не жаловали его наши магнаты? Но сквозь эту грубую оболочку просвѣчивали искры свѣтлаго ума, поэзіи, даже чего-то гениальнаго. Тѣ полчаса, которые я съ нимъ провелъ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Помню и теперь нѣсколько словъ его бесѣды, относящейся къ иноческой жизни.

— Мы (монахи) и денно, и ночью, и всякую минуту нашей жизни,—говорилъ онъ,—уподобляемся воинамъ, борющимся со своими врагами; должны, какъ они, быть на всегдашней стражѣ, если не противъ внѣшнихъ, то противъ опаснѣйшихъ еще внутреннихъ враговъ — нашихъ страстей; и горе изнемогающему! Потому тѣ, которые называютъ насъ

¹⁾ Иосафатъ Булгакъ, бывшій съ 1787 года суффраганомъ и коадьюторомъ епископства пинскаго и туровскаго, въ 1798 году, при преобразованіи устройства униатской церкви, возведенъ былъ въ епископы брестскіе, а въ 1814 году въ митрополиты греко-униатскихъ церквей въ Россіи. Онъ былъ воспитанъ въ римской коллегіи пропаганды и тамъ въ 1785 году посвященъ въ униатскіе священники. Подъ конецъ своей жизни, по старости, онъ былъ почти совсѣмъ устраненъ отъ управленія дѣлами и, живя въ Петербургѣ, пользовался однимъ почетнымъ титуломъ. Онъ умеръ въ глубокой старости. Память его особенно уважается католиками за настоятельное сопротивленіе воссоединенію униатовъ, которое и совершилось уже, какъ извѣстно, послѣ его смерти.

празднолюбцами, туеядцами, горько ошибаются. Если бы было истинно такъ, то неужели въ многолюдномъ населеніи Россіи не нашлось бы болѣе охотниковъ къ монашеской жизни?

Тутъ онъ раскрылъ исторію Россійской іерархіи и въ доказательство своихъ словъ указалъ мнѣ, что всѣхъ монашествующихъ обоего пола у насъ не болѣе пяти тысячъ.

— Дай пройти еще одному, двумъ десятилѣтіямъ, — продолжалъ онъ, — и увидишь, что съ увеличеніемъ суеты мірской, никто уже не будетъ искать этой хваленной жизни, обители наши опустѣютъ, и однѣ наши могилы напомнятъ, что были люди, работавшіе Богу молитвою и отреченіемъ. Но лучше-ли будетъ оттого, что на фабрикахъ вашихъ, или въ рядахъ войскъ или въ палатахъ, станетъ лишнихъ 5000 чело- вѣкъ, которые прежде усердно на раменахъ своихъ несли бремя вашихъ прегрѣшеній; что закроютъ эти спасительныя убѣжища труждающихся духомъ, растерзанныхъ бѣдствіями и тревоженіями жизни; что желающій обречь себя Богу не найдетъ больше нигдѣ тихаго пристанища отъ житейскаго моря?

Таковы были его мысли, но не могу передать краснорѣчія словъ, которыми онъ выражалъ ихъ въ вдохновенной бесѣдѣ.

Надменное высокомѣріе Фотія проявлялось при всякомъ случаѣ, и только сильнымъ покровительствомъ гр. Аракчеева можно объяснить, какъ выносили его современники. Въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ былъ въ апогеѣ своего значенія, на экзаменѣ въ здѣшней духовной академіи, онъ шелъ съ кн. А. Н. Голицынымъ къ завтраку, какъ вдругъ одинъ маленькій чиновникъ, зайдя сбоку, подошелъ подѣ его благословеніе; но Фотій отшибъ съ презрѣніемъ поднятую къ нему руку, продолжалъ, не оглянувшись, свой путь. На томъ же экзаменѣ, Сперанскій въ лентѣ и звѣздахъ, подошелъ тоже къ его благословенію.

— Кто ты? Я тебя не знаю, — отвѣчалъ ему, съ тономъ высшаго пренебреженія и отвернувшись, дерзкій архимандритъ.

И Сперанскій, смущенный въ высшей степени, долженъ былъ назвать себя по имени.

— А, ты Сперанскій: ну, Христось съ тобою! — И, перекрестивъ его и давъ поцѣловать свою руку, онъ не прибавилъ ни слова въ извиненіе. — Оба эти анекдота рассказывалъ мнѣ очевидецъ, директоръ канцеляріи министра императорскаго двора Панаевъ.

При смерти его присутствовали три дамы: гр. Орлова (которую онъ называлъ всегда: «сестра Анна» или просто «Анна»), Державина, вдова знаменитаго поэта, и старая дѣвица Жадовская. Сверхъ нихъ находился еще тутъ кн. Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), коего родной братъ былъ монахомъ въ томъ же монастырѣ (извѣстный монахъ Аникита).

2-го марта. Сперанскій года два занимался уже съ наслѣдникомъ наукой законодательства и администраціи.

Теперь государь предложилъ гр. Канкрину заниматься съ нимъ финансами и политической экономіей. Такимъ образомъ первые два государственные человѣка наши получили новое, высокое призваніе.

Геній ихъ довершить то блестящее по всѣмъ частямъ воспитаніе, которое дано русскому царевичу.

Гр. Канкринъ рассказывалъ мнѣ, что ѣздить къ наслѣднику два раза въ недѣлю, и читаетъ ему свои тетради о высшихъ видахъ финансоваго управленія и о финансовой статистикѣ не только Россіи, но и всей Европы,—тетради, которыя онъ теперь же пишетъ по мѣрѣ того, какъ подвигаются его лекціи.

9-го марта. Возобновленіе Зимняго дворца¹⁾ или по крайней мѣрѣ приготовленія къ возобновленію идутъ очень успѣшно. Кругомъ дворца со всѣхъ сторонъ выросъ цѣлый городъ: это жилье для рабочихъ, складки для матеріаловъ и проч.

На цѣломъ дворцѣ наведена временная деревянная крыша. Вся внутренность и часть наружности устлана лѣсами и подмостками. При скорости ихъ построенія не могло обойтись и безъ несчастій. На-дняхъ нѣкоторые лѣса обвалились: два человѣка убито до смерти, а шестерыхъ отвезли въ больницу полумертвыми. Къ счастью, что это случилось въ воскресенье и отъ того было не много людей на работѣ.

9-го марта. Сегодня императрица въ первый разъ была въ Артиллерійскомъ училищѣ вмѣстѣ съ государемъ, наслѣдникомъ, съ вел. кн. Михайломъ Павловичемъ и съ двумя старшими великими княгинями. Они пробыли тамъ около часу и осматривали всѣ подробности.

Императрица тутъ же выпросила всевозможныя милости у государя. Состоящіе подъ наказаніемъ прощены, арестованные выпущены и проч. Всѣхъ воспитанниковъ распустили гулять на два дня.

12-го марта. Вчера я былъ у в. кн. Михаила Павловича съ нѣкоторыми совѣтскими бумагами, и сидѣлъ у него по обыкновенію долго. Я высоко цѣню благорасположеніе ко мнѣ этого истинно добраго, благороднаго, благонамѣреннаго человѣка, любящаго Россію столь же пламенно, сколько онъ безусловно преданъ своему брату. Онъ всегда со мной чрезвычайно откровененъ, а я съ нимъ говорю гораздо смѣлѣе и искреннѣе, чѣмъ со всѣми нашими вельможами: положеніе его такъ высоко, такъ отчуждено отъ мелочныхъ интересовъ и соображеній людей

¹⁾ Послѣ пожара.

частныхъ, въ какой бы степени они ни были поставлены, что тутъ отъ важно можно высказывать разныя истины, которыя передать другому приадумаешься. Вотъ главные моменты нашей вчерашней бесѣды:

Была рѣчь о предсѣдателѣ Совѣта гр. Новосильцовѣ.

— C'est un homme d'esprit, de lumières et tout-à-fait bien intentionné,—сказалъ я,—ce qui lui manque peut être c'est le don de la parole et celui de maîtriser la discussion.

— Dites plutôt,—отвѣчалъ онъ,—le don de la police; il ne peut pas faire taire ces messieurs et leur inspirer un peu plus de respect pour la charge qui leur est confiée. Aussi voyez combien au milieu de leur bavardage il est difficile de saisir leurs affaires ou bonnement de suivre le fil de la lecture¹⁾.

— При всемъ томъ,—продолжалъ онъ,—страшное бы было затрудненіе кѣмъ-нибудь его замѣнить. Я съ этимъ совершенно согласился, но возразилъ, что въ городѣ неоднократно носился слухъ, что займетъ его мѣсто его высочество.

— Никакъ,—отвѣчалъ онъ. Я не довольно знаю дѣла, не довольно опытенъ и не рѣшился бы принять этой важной должности.

— Однако же,—сказалъ я,—сколько важныхъ жизненныхъ для Россіи дѣлъ рѣшено еще въ послѣднее время по указаніямъ и мнѣнію вашего высочества; безъ вашей энергіи, безъ вашей высокой привязанности къ Россіи, было бы, можетъ быть, далеко не то.

Отъ этого натурально перешелъ разговоръ къ проекту новаго образованія С.-Петербургской полиціи, этому вредному дѣлу, отклоненіемъ котораго мы точно обязаны великому князю.

— Не могу не отдать при этомъ случаѣ справедливости Сперанскому,—сказалъ онъ: согласитесь, что и прочесть эту огромную книгу надобно было мѣсяцъ, а каково же написать. И при всемъ томъ, когда мы указали вредъ, могущій отъ нея произойти, онъ avec une abnégation complète de soi même, охотно уступилъ и пожертвовалъ пользѣ общей своимъ огромнымъ трудомъ, можетъ быть, своимъ убѣжденіемъ, безъ споровъ безъ mauvaise humeur. И вспомните, что ему подъ 70 лѣтъ, что слѣдственно для него уже нѣтъ будущности, что это можетъ быть была его лебединая пѣснь. Это отреченіе поставило его еще выше въ моихъ мысляхъ, и я желалъ бы, чтобы онъ увѣрился, что если я вся-

¹⁾ «Это человѣкъ умный, просвѣщенный и совершенно благонамѣренный»—сказалъ я—«чего ему, быть можетъ, не хватаетъ, это дара слова и способности управлять преніями».

— «Скажите лучше»—отвѣчалъ онъ—«поллицейскихъ способностей, онъ не можетъ заставить этихъ господъ молчать и внушить имъ нѣсколько большее уваженіе къ занимаемому имъ посту. Посмотрите, какъ поэтому трудно среди ихъ болтовни уловить суть ихъ дѣла или, просто, слѣдить за нитью чтенія».

чески оспаривалъ его работу, по убѣжденію въ ея вредѣ, то ничего не имѣю протавъ его лица.

Тутъ онъ сравнилъ Сперанскаго съ гр. Канкринымъ и отдалъ предпочтеніе первому въ томъ, что онъ дѣйствуетъ безъ страстей, тогда какъ послѣдній увлекается упрямствомъ, сердясь и осуждая каждаго, кто не согласится съ его мнѣніемъ, и употребляя даже для убѣжденія косвенныя угрозы: «что объ этомъ предваренъ государь, что противное будетъ ему непріятно и пр.».

— По мнѣ,—продолжалъ онъ,—въ этомъ случаѣ все равно: я дѣйствую по своей совѣсти и по своей присягѣ; говорю, какъ вижу и какъ думаю, не входя ни въ какія постороннія соображенія. Мы поставлены, чтобы говорить государю правду, хотя бы она могла возбудить временно гнѣвъ. Прикажетъ, и наше дѣло слѣпо повиноваться; но пока не прикажетъ, мы должны смѣло и откровенно выговаривать, какъ бы намъ казалось бы полезнымъ, чтобы онъ приказалъ.

Была рѣчь и о знаменитомъ въ свое время проектѣ закона о состояніяхъ, который въ 1830 г. былъ предложенъ Совѣту и отвергнутъ главнѣйше по настояніямъ великаго князя.

— Я дѣйствовалъ противъ этого проекта по мѣрѣ своихъ силъ,—сказалъ онъ, потому что видѣлъ въ немъ готовые элементы революціи. И сообразите обстоятельства: въ іюлѣ 1830 года произошла французская революція, въ сентябрѣ—бельгійская, въ ноябрѣ—варшавская; намъ этотъ проектъ предложенъ былъ въ предшествовавшемъ апрѣлѣ; пока бы его обнародовали и онъ отозвался во всѣхъ частяхъ широкой нашей Россіи, прошло бы нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ къ исходу года мы тоже бы созрѣли къ мятежу, какъ созрѣла послѣ Франція, Бельгія и Польша. Князь Кочубей и Сперанскій сперва крѣпко сѣтовали на меня за мою оппозицію, но потомъ, думаю, сами убѣдились, что она была не бесполезна.

Между разговорами о государственныхъ нашихъ установленіяхъ великій князь сказалъ:

— Крѣпко ошибаются иностранцы въ мысляхъ своихъ о Россіи. Tandis que toutes les nations de l'Europe barbotent dans la théorie des idées libérales, nous jouissons en plein du libéralisme dans son application pratique¹⁾. Если насъ жмутъ исправники, на которыхъ есть судъ, то тѣхъ жмутъ гораздо больше самовластные палаты, на которыя нѣтъ расправы. Но гдѣ, скажите, есть такое муниципальное правленіе, какъ у насъ? гдѣ во всѣхъ степеняхъ суда и полиціи есть

¹⁾ Между тѣмъ, какъ всѣ народы Европы копаются въ либеральныхъ теоріяхъ, мы въ полной мѣрѣ пользуемся либерализмомъ въ его практическомъ примѣненіи.

выборные отъ всѣхъ сословій? гдѣ солдатъ, поступившій изъ моихъ крѣпостныхъ людей, можетъ черезъ годъ сдѣлаться мнѣ равнымъ и имѣть самъ крѣпостныхъ людей? Въ Австріи графиню Бубна, жену знаменитаго воина, администратора, писателя, не пускали во всю жизнь ко двору потому, что она была не дворянскаго происхожденія, а мужъ при всѣхъ историческихъ своихъ заслугахъ не могъ передать ей своего состоянія!

Наконецъ, между многими другими великій князь упомянулъ, сколько онъ благодаренъ за то, что посаженъ въ Совѣтъ.

— Здѣсь только,—сказалъ онъ,—могъ я познакомиться съ людьми и съ игрою страстей,—вещь, отъ которой безъ того всегда отдалило бы меня мое положеніе. Я тутъ узналъ и цѣну людей.

Жаль, что въ Россіи мало знаютъ великаго князя, и что часто самъ онъ скрываетъ себя подъ какимъ-то покровомъ мелочей, особенно во всемъ, относящемся до военной службы.

5-го апрѣля. Умеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, и занемогъ опасно нашъ графъ Новосильцовъ; болѣзнь его еще въ самомъ разгарѣ и нельзя сказать ничего рѣшительнаго. У насъ по статсъ-секретарству новый товарищъ князь Александръ Ѳеодоровичъ Голицынъ, состоявшій долго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, въ особой милости, человѣкъ добрый, умный и образованный.

7-го апрѣля. Графу Новосильцову не лучше. Вопросъ, кому исправлять его должность временно до рѣшенія большаго вопроса о томъ: кто совсѣмъ заступитъ его мѣсто?

По общему порядку, въ отсутствіи предсѣдателя Совѣта или въ его болѣзни, должность его занимаетъ, если не послѣдуетъ особаго назначенія, старшій изъ предсѣдателей департаментовъ. Теперь здѣсь на лицо старшій князь Варшавскій, но только на нѣсколько дней, а за нимъ слѣдуетъ графъ Литта, къ которому я и обратился.

10-го апрѣля. Только три дня и сколько происшествій! Съ 7-го числа вечера графу Новосильцову гораздо сдѣлалось хуже; по желанію семейства его исповѣдовали и причащали въ полупамяти; 8-го утромъ посланному моему отвѣчали, что доктора произнесли уже смертный приговоръ и что онъ не переживетъ дня. Въ то же утро я былъ у графа Орлова и, по общему городскому слуху и разнымъ намекамъ государя, мы заключили, что предсѣдателемъ будетъ Сперанскій.

Въ 6 часовъ послѣ обѣда мнѣ дали знать о кончинѣ графа Новосильцова ¹⁾.

Мнѣ хотѣлось, чтобы погребеніе предсѣдателя сдѣлано было со всѣмъ приличіемъ и вмѣстѣ, чтобы Огаревы ²⁾ не истратили на него послѣднее, что у нихъ есть. Поэтому отъ государя я пробѣжалъ прямо къ министру финансовъ, больше за совѣтомъ, что дѣлать, чѣмъ съ просьбой. Но графъ Канкринъ, съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ, пошелъ дальше меня и совѣтовалъ, чтобы Огаревы обратились къ нему письменно съ просьбой о пособіи, а онъ тотчасъ представить объ этомъ государю. Но Огаревы на предложеніе мое рѣшительно отказались: покойный во всю жизнь свою никогда ничего не просилъ, и потому они рѣшаются лучше продать или заложить, что можно, чѣмъ просить о пособіи послѣ его смерти.

Сегодня я являлся уже въ полной формѣ къ новому моему предсѣдателю (графу Васильчикову), съ которымъ впрочемъ состою уже семь лѣтъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, сперва въ Комитетѣ министровъ, а потомъ въ Совѣтѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ. Онъ принялъ меня больше чѣмъ ласково, обнималъ, просилъ моего содѣйствія, изъявлялъ свою довѣренность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, которыя въ устахъ этого прямодушнаго и правдиваго человѣка суть не комплименты, а истина.

— Я принялъ это мѣсто съ тяжкимъ сознаніемъ своей малоспособности,—сказалъ онъ мнѣ,—съ увѣренностью, что это бремя разрушить послѣдніе остатки моего слабаго здоровья; но принялъ его по двумъ убѣжденіямъ: по необходимости, которыя видѣлъ около себя въ числѣ кандидатовъ, и потому, что васъ буду имѣть сотрудникомъ. У обоихъ насъ одна цѣль и одно желаніе: слава государя и польза Россіи. Будемъ вмѣстѣ трудиться и поддерживать другъ друга на этомъ тяжкомъ, но славномъ поприщѣ.

Почтенный старецъ былъ растроганъ до слезъ. Умиленіе его сообщилось и мнѣ. Характеристика его личности и его отношеній къ государю и къ публикѣ,—когда-нибудь послѣ при болѣшемъ досугѣ.

11-го апрѣля. Сегодня гр. Васильчиковъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ. Я встрѣтилъ его въ аванзалѣ Совѣта въ лентѣ, со всѣми старшими чинами государственной канцеляріи и тутъ его привѣтствовалъ. Засѣданіе по роду дѣлъ было незанимательное, и новому предсѣдателю не было случая показаться.

¹⁾ Дальнѣйшія подробности напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1899 г. № 6. стр. 531—553.

²⁾ Сенаторъ Огаревъ былъ женатъ на родной племянницѣ графа Новосильцова.

Я рассказывалъ сегодня гр. Литтѣ отзывъ о немъ государя. Онъ былъ въ восторгѣ и даже расцѣловалъ меня, какъ будто бы тутъ было и какое-нибудь участіе и съ моей стороны.

— Mais, cher Baron, ce que je vous demande comme un signe d'amitié, c'est de raconter cela en ville ¹⁾.

И въ восемьдесятъ четыре года это почти ребяческое тщеславіе, эта просьба къ человѣку, который почти на пятьдесятъ лѣтъ его моложе и въ которомъ онъ не можетъ предполагать необходимой обязанности скрывать, что рассказываетъ онъ именно по его просьбѣ! Впрочемъ, я потѣшу старика.

— Croyez du reste, — продолжалъ онъ, — que ce n'est ni mon nom, ni mon âge, qui ont entraîné ma nomination, mais que c'est principalement ma religion; je suis catholique et catholique en Russie — par le temps qui court c'est pire que juif. Au surplus on a parfaitement raison: il y a des questions où ma croyance me mettrait quelquefois en opposition avec tout le conseil et comme il m'est impossible de légiserver avec ma conscience ou avec leurs vérités qui ont fait ma consolation dès mon enfance, ce tout pourrait finir par des collisions nuisibles aux affaires et par là au bien public. J'aime mieux conserver ma position actuelle et il y a longtemps déjà que j'ai renoncé à ambitionner le titre de Président du Conseil ²⁾.

8-го мая. Государыня отправилась въ Берлинъ нѣсколькими днями ранѣе государя, потому что въ дорогѣ ночуетъ, а пріѣхать туда они хотятъ вмѣстѣ. Съ нею поѣхала одна великая княгиня Александра Николаевна, которой дѣдушка еще не знаетъ. Сопровождаютъ ее министръ императорскаго двора кн. Волконскій, гр. Бенкендорфъ, докторъ Арендтъ и фрейлины графиня Тизенгаузенъ и Нелидова. Первый ѣдетъ впередъ и съѣзжается съ ними только на ночлегахъ. Съ государемъ поѣхалъ наслѣдникъ; при нихъ: генералъ-адъютанты гр. Орловъ, Адлербергъ и Кавелинъ; флигель-адъютантъ кн. Долгоруковъ;

¹⁾ — Но, дорогой баронъ, что я прошу у васъ, какъ знакъ дружбы, это — рассказать объ этомъ въ городѣ.

²⁾ — Вѣрѣе впрочемъ, — продолжалъ онъ, — что ни мое имя, ни возрастъ вызвали мое назначеніе, но что это преимущественно моя религія; я католикъ, а католикъ въ Россіи по теперешнему времени хуже, чѣмъ еврей. Впрочемъ совершенно правы: есть вопросы, въ которыхъ мое вѣроисповѣданіе иногда поставили бы меня въ оппозицію со всѣмъ Совѣтомъ, и такъ какъ я не могу дѣйствовать противъ моей совѣсти или противъ ихъ истинъ, которыя были моимъ утѣшеніемъ съ дѣтства, все это могло бы кончиться спорами вредными для дѣла и поэтому и народному благу. Я предпочитаю сохранить мое теперешнее мѣсто и давно уже отказался мечтать о титулѣ Предсѣдателя Совѣта.

наставникъ наслѣдника Жуковскій; камергеръ Толстой и три товарища наслѣдника по воспитанію, гвардейскіе офицеры: гр. Віельгорскій, Адлербергъ и Паткуль. Прежде всѣхъ отправились два младшихъ великихъ князя: Николай и Михаилъ, которыхъ Прусскій король тоже еще не знаетъ. При нихъ генераль Филисовъ. Примѣчательно, что государь уѣхалъ въ ночь со 2-го на 3-е мая, а до сихъ нѣтъ еще ни слова объ его отъѣздѣ ни въ одной изъ нашихъ газетъ: вѣроятно, оттого, что безъ него и безъ гр. Бенкендорфа некому разрѣшить печатаніе. Если слѣдовать однимъ газетамъ, то мы изъ прусскихъ узнаемъ о его пріѣздѣ въ Берлинъ прежде, чѣмъ изъ нашихъ объ его отъѣздѣ.

Нѣтъ, конечно, ничего скучнѣе, какъ переписывать газеты, а между тѣмъ надо согласиться съ тѣмъ, что выборка изъ нихъ составила бы одну изъ любопытнѣйшихъ частей современныхъ записокъ, когда черезъ десятки, черезъ сотни лѣтъ всѣ эти газеты исчезнутъ и всѣ ихъ подробности перейдутъ въ область исторіи. Теперь во всѣхъ нихъ только и рѣчи, что о прибытіи нашего царя съ его семьей въ Берлинъ, о тамошнихъ праздникахъ, маневрахъ и проч. Государь совершилъ свой перѣздъ съ быстротой почти баснословною. Выѣхавъ отсюда въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, онъ въ субботу въ 6-мъ часу послѣ обѣда былъ уже на мѣстѣ. Ему нѣтъ надобности и въ желѣзныхъ дорогахъ!

31-го мая. Вчера въ ночь съ 29-го на 30-е мая мы лишились опять члена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Родофинкина, едва только вступившаго въ Совѣтъ, свѣжаго, крѣпкаго, щеголявшаго всегда своими силами и здоровьемъ, 74 лѣтняго старика, который при этихъ лѣтахъ былъ пободрѣ насъ молодыхъ. Еще въ четвергъ онъ былъ въ Совѣтѣ, еще въ воскресенье гулялъ въ Лѣтнемъ саду, а въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ его уже не стало, отъ аневризма или какой-то подобной болѣзни въ сердцѣ. За отъѣздомъ гр. Нессельроде въ чужіе края онъ управлялъ теперь временно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ отъ внезапной его смерти сдѣлалась страшная суматоха: при отсутствіи государя они не знаютъ, какъ имъ быть, и не нашлось ничего иного, какъ вступить въ управленіе министерствомъ его Совѣту впредь до повелѣнія. Родофинкинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ примѣчательный человѣкъ: родомъ грекъ, неизвѣстнаго происхожденія, пришлецъ въ Россію, онъ сперва служилъ въ военной службѣ, а потомъ однимъ умомъ успѣлъ достигнуть постепенно настоящихъ высокихъ званій. Сдѣлавшись правою рукою гр. Нессельроде, особенно по всѣмъ сношеніямъ съ востокомъ, онъ долгое время управлялъ Азіатскимъ департаментомъ, и конечно во всей Россіи нѣтъ человѣка, который бы такъ подробно зналъ Азію со всѣми ея большими владыками и маленькими князьками. Ловкій, тонкій, необыкновенно пріятный въ обще-

ствѣ, услужливый, привѣтливый, вѣжливый со всѣми безъ низости, онъ былъ любимъ почти всѣми, кто его зналъ, и хотя нѣкоторые почитали его пронырливымъ, интриганомъ, но никто не умѣлъ представить на это доказательствъ; у него остался одинъ только законный сынъ отъ давняшаго брака, который служить въ Грузіи. Между тѣмъ, когда теперь пришлось его хоронить, то должно было принять это на себя министерство, потому что, кромѣ дальнихъ и незначущихъ родственниковъ никого здѣсь нѣтъ.

Поѣздки по Царскосельской желѣзной дорогѣ идутъ съ блистательнымъ, превзошедшимъ всякія надежды и расчеты успѣхомъ. На-дняхъ открыта и дорога изъ Царскаго въ Павловское, гдѣ выстроены на счетъ общества вокзалъ,—чудо вкуса и великолѣпія. Въ послѣднюю недѣлю съ одного воскресенья до другаго включительно собрано около 50.000 р. сер., и въ томъ числѣ въ одно послѣднее воскресенье 12.880 р.! И все это въ погоду, хотя и ясную, но совсѣмъ еще не настоящую лѣтнюю.

Не смотря на довольно дорогія цѣны, ѣдутъ люди всѣхъ классовъ, разумеется, больше изъ любопытства, чѣмъ по дѣйствительной потребности. И beau monde вашъ пока совсѣмъ еще не устраняетъ себя отъ этого удовольствія. Только малое число трусливыхъ старовѣровъ предпочитаетъ еще тихую ѣзду по пыльному шоссе.

— Разъ, два, счастливо; а потомъ и быть какой-нибудь бѣдѣ; такъ лучше кататься по-старому, хоть тише, да безопаснѣе,—говорятъ они.

Это я слышалъ вчера между прочимъ отъ кн. Голицына и Сперанскаго, которые теперь часто ѣздятъ между Царскимъ и Петербургомъ; одинъ къ царскимъ дѣтямъ, а другой къ своей дочери. Но и ихъ мало кто слушаетъ и—доказательство, что въ послѣднее воскресенье не достало въ Царскомъ, подъ конецъ дня, ни шампанскаго, ни хлѣба, не говоря уже о прочемъ.

3-го іюня. Сегодня были въ Невскомъ похороны Родофиникина, менѣе великолѣпныя по наружности, нежели похороны гр. Новосильцова, но болѣе оживленныя сочувствіемъ. Хотя у насъ не принято, чтобы дамы были на похоронахъ мужчинъ, когда въ остающемся и присутствующемъ при церемоніи семействѣ нѣтъ женскаго пола, однако тутъ была графиня Нессельроде.—Примѣчательно, что покойный при всемъ отчужденномъ умѣ своемъ и совершенно европейской образованности, былъ очень суевѣренъ. Когда-то, лѣтъ сорокъ тому назадъ, бродячая цыганка предсказала ему всю его будущность, и онъ часто любилъ повторять, что всѣ ея предсказанія сбылись слово въ слово. Между прочимъ она прорицала ему, что онъ получитъ много лѣтъ и

будетъ жить и здравствовать, пока онѣ будутъ съ лѣваго плеча; но какъ скоро получить онѣ затѣмъ ленту накрестъ, т. е. съ праваго плеча, то это будетъ предзнаменованіемъ близкой его смерти. Въ концѣ прошлаго года ему дали Владимірскую ленту, которая носится именно съ праваго плеча. и я самъ помню, какъ онѣ тогда всѣмъ это рассказывалъ, прибавляя въ шутку, что желалъ бы лучше не получать никакой награды. Въ прошлый четвергъ былъ еще совсѣмъ здоровый въ Совѣтѣ, когда при началѣ засѣданія, сѣли члены за присутственный столъ, онѣ сосчиталъ, что всѣхъ ихъ ровно 13-ть и тотчасъ шепнулъ своему сосѣду (А. С. Лавинскому), что видно кому-нибудь изъ нихъ на-дняхъ умереть,—и черезъ три дня его уже не стало.

4-го іюня. Предчувствіе наше сбылось: мы знали, что маневры въ Берлинѣ кончились послѣ 20-го мая; что маневры въ Варшавѣ должны были начаться 15-го іюня. По всему этому догадывались, что государь едва-ли вынесетъ такъ долго скуку непривычнаго бездѣйствія и вѣрно воспользуется свободнымъ до 15-го іюня временемъ, чтобы посмотреть на насъ и на оставшуюся здѣсь часть своего семейства. Такъ и случилось. Въ ночь съ 25-го на 26-е число государь выѣхалъ съ наслѣдникомъ и съ обоими младшими своими сыновьями выѣхалъ изъ Берлина въ Штеттинъ, оттуда 26-го поѣхалъ съ ними на пароходѣ въ Стокгольмъ, куда прибылъ совершеннымъ сюрпризомъ для старика-короля, и наконецъ 3-го іюня утромъ въ 10-ть часовъ воротился къ намъ въ Петергофъ.

8-го іюня. На счетъ свиданія его съ королемъ шведскимъ ходятъ у насъ два сказанія. По одному государь вошелъ къ королю въ свѣтѣ наслѣдника, и когда наслѣдникъ, представивъ всѣхъ его сопровождавшихъ, обошелъ государя, то король съ удивленіемъ спросилъ, отчего не представляютъ ему этого величественнаго казачкаго генерала (государь былъ въ казачьемъ мундирѣ), котораго онѣ не знаетъ. Тогда государь, выступивъ самъ впередъ, сказалъ: «Sire, c'est le père du jeune homme, que vous venez d'accueillir avec tant d'amitié» ¹⁾. Но по другому сказанію, если менѣе поэтическому, то по крайней мѣрѣ достовернѣйшему, потому что мнѣ передалъ его очевидецъ (полковникъ Дюгамель), государь съ наслѣдникомъ вошли къ королю точно выѣхъ, но государь представилъ себя тотчасъ самъ, словами: «Sire, vous attendiez le fils et c'est le père qui vous arrive» ²⁾. Во всякомъ случаѣ это посѣщеніе было самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ для короля, и онѣ пораженъ былъ до слезъ: «cette visite consolide à jamais ma dynastie sur le

¹⁾ Государь, это отецъ молодого человѣка, котораго вы приняли такъ дружелюбно.

²⁾ Государь, вы ожидали сына, а пріѣхалъ отецъ.

trône de Suède»¹⁾),—повторялъ онъ потомъ много разъ. Не сказать-ли послѣ этого, что государь нашъ первый дипломатъ въ мірѣ и что это минутное свиданіе сильнѣе всѣхъ возможныхъ мирныхъ трактатовъ.

11-го іюня. Генераль Ермоловъ—эта знаменитая и конечно всѣхъ болѣе популярная репутація въ Россіи,—исчезнувъ давно уже съ политическаго поприща, нынче вздумалъ опять явиться вдругъ ко двору и присутствовать нѣсколько мѣсяцевъ въ Совѣтѣ. Какимъ образомъ это сдѣлалось, не знаю, но едва-ли доброю волей; по крайней мѣрѣ онъ ѣдетъ уже опять на-дняхъ въ безсрочный отпускъ въ свою подмосковную и сказывалъ мнѣ, что нарочно избѣгаетъ прощаться съ государемъ, чтобы не подпасть подъ затруднительный вопросъ: «когда онъ думаетъ воротиться опять въ Петербургъ?»—«Я чувствую,—говорилъ онъ мнѣ,—что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совсѣмъ бесполезенъ; et ce n'est pas pour mendier un compliment que je vous le dis²⁾. Я отжилъ свой вѣкъ».—Дѣйствительно, въ Совѣтѣ онъ совсѣмъ почти не говоритъ и большую часть времени дремлетъ. Не берусь судить о другихъ достоинствахъ потому, что не довольно коротко его знаю, и могу только отдать справедливость его чрезвычайному дару слова въ разсказахъ и вообще въ разговорахъ. Въ прочихъ отношеніяхъ онъ для меня совершенная загадка, но едва-ли онъ въ уровень со своею репутаціей. На-дняхъ я слышалъ отъ него испытанный имъ надъ самимъ собою примѣчательный опытъ врачующей силы гомеопатіи. Онъ отъ рожденія лишенъ былъ обонянія по крайней мѣрѣ до извѣстной очень сильной степени: «запахи извѣстны мнѣ были,—разсказываетъ онъ,—только по крѣпчайшимъ экстрактамъ; такимъ образомъ я могъ различить розовое масло отъ *éxtrait de réséda*, но не зналъ ни запаха розы, ни запаха резеды въ естественномъ ихъ положеніи; тушлую говядину, отъ которой всѣ бѣжали изъ комнаты, я ѣлъ за свѣжую. Въ прошлую зиму въ Москвѣ я сталъ лѣчиться гомеопатически у очень искуснаго врача, и вдругъ родилось для меня новое чувство, чувство самага тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ поставленъ горшокъ съ цвѣтами».

15-го іюня. Настали наши вакаціи, а съ ними нашъ отъѣздъ, на первый разъ въ Кіевъ, а потомъ куда Богъ дастъ, можетъ быть и далѣе на югъ. Я ѣду съ женою и съ сестрою и съ обоими нашими птенцами, разсѣяться, подышать другимъ воздухомъ, посмотрѣть на

¹⁾ Это посѣщеніе на всегда укрѣпить мою династію на шведскомъ престолѣ.

²⁾ И я говорю это не для того, чтобы вымолить комплиментъ.

нашу Русь святую. Сейчас отслужим молебенъ, чтобы попросить благословеніе свыше на дальній путь.

13-го числа я обѣдалъ еще у предсѣдателя на прощаньи, и потомъ мы подписали полугодовой отчетъ нашъ государю: дѣлъ за Совѣтомъ не осталось ни одного; за справками и проч.—только восемь; отчетъ блпстательный, особенно послѣ непомѣрнаго множества и относительной важности бывшихъ у насъ въ это полугодіе дѣлъ.

У предсѣдателя обѣдалъ опять партизанъ-поэтъ Давыдовъ, столько же любезный въ обществѣ, сколько острый и умный съ перомъ въ рукѣ. Онъ рассказывалъ между прочимъ множество анекдотовъ о славномъ Платовѣ, одинъ другаго забавнѣе. Теперь за уборкой и хлопотами дорожныхъ приготовленій, мнѣ, къ сожалѣнію, некогда ихъ уже записывать; но одинъ всѣхъ смѣшнѣе. Платовъ обѣдалъ съ Карамзиннымъ: послѣ обѣда, когда первый, по обыкновенію, былъ уже совсѣмъ навеселѣ, послѣдній вздумалъ спрашивать его объ успѣхахъ просвѣщенія въ Донскомъ войскѣ.

— Я, батюшка,—отвѣчалъ Платовъ,—объ этомъ много не хлопочу, потому что терпѣть не могу ученыхъ: они всѣ или каналы или пьяницы.

Надобно замѣтить, что это говорилъ подгулявшій Платовъ ученому Карамзину.

18-го сентября. Вотъ я опять дома, опять въ кругу своихъ, въ томъ Петербургѣ, который мнѣ иногда такъ надоѣдаетъ, когда я въ немъ и въ который опять такъ хочется назадъ, когда изъ него выѣдешь.

20-го сентября. Смерть князя Лобанова-Ростовскаго возбудила во мнѣ разныя воспоминанія изъ временъ первой молодости. При вступленіи моемъ послѣ выпуска изъ Лицея въ 1817 г. въ министерство юстиціи, министромъ былъ еще Трошчянской, но онъ въ томъ же году смѣненъ княземъ Лобановымъ. Я дежуривалъ при немъ въ числѣ прочихъ младшихъ чиновниковъ департамента по разу въ недѣлю и болѣе. Дежурство это состояло въ томъ, что мы часу въ 8-мъ являлись къ нему въ парадныхъ мундирахъ, докладывали о пріѣзжающихъ, подавали ему получаемыя бумаги и печатали конверты. Потомъ дежурный обѣдалъ всегда за его столомъ, а вечеромъ онъ отпускалъ насъ часу въ 8-мъ или 9-мъ. Можно представить, что все это бывало не очень забавно и что при механической работѣ печатанія и докладыванія князю трудно было ему ознакомиться съ нашими способностями, тѣмъ болѣе, что за обѣдомъ хотя мы и сидимъ вмѣстѣ, но дежурный долженъ былъ хранить самое глубокое и святое молчаніе, и князь никогда не обращалъ къ нему ни одного слова. При всемъ томъ онъ какъ-то меня по-

любилъ и отличалъ нѣсколько отъ другихъ. Между прочимъ, ему вздумалось поручить мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить ей систематическій реестръ. Я обрадовался этому порученію, надѣясь, что оно на долго освободитъ меня отъ скучнаго переписыванія набѣло бумагъ въ департаментѣ,—все, чѣмъ тогда меня занимали. Но не тутъ-то было! Вся библіотека его сіятельства оказалась однимъ небольшимъ шкафомъ съ сотнями тремя книгъ, большею частью такихъ, которыя поднесены ему были отъ авторовъ или переводчиковъ, и моя работа, сколько ни старался я ее протянуть, продолжилась не болѣе трехъ дней. Между тѣмъ, въ это время образовалась новая канцелярія при министрѣ, и все мое честолюбіе устремлено было къ тому, чтобы занять въ ней мѣсто переводчика—какъ нѣчто уже самостоятельное послѣ писарскихъ моихъ обязанностей. Кандидатовъ было много и нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, задали пробныя работы. Мнѣ пришлось перевести какую-то преогромную тетрадь по провіантской части съ нѣмецкаго на русскій языкъ, и незнакомый съ техническими терминами ни на томъ, ни на другомъ языкѣ, тѣмъ меньше знакомый съ предметомъ и сущностью дѣла,—всего 17-ти лѣтъ отъ роду, едва вышедъ изъ школы, я, вѣроятно, Богъ знаетъ, что такое напутать. По крайней мѣрѣ, помню какъ теперь, что «Grutze»—крупу, я вездѣ переводилъ безъ справки съ лексикономъ какъ вещь обыкновенную «кашею»; помню по неистощимымъ насмѣшкамъ, къ которымъ подали поводъ эти «кули и пуды каши» моимъ служебнымъ товарищамъ, между которыми я слылъ, по тогдашнему выраженію, «ученымъ» что въ ихъ понятіяхъ составляло почти синонимомъ съ «безтолковымъ и негоднымъ на службу». Несмотря на то, переводъ мой,—по протекціи барона Бюллера,—оказался лучшимъ, и я получилъ желанное мѣсто, на которомъ отъ бездѣлья чуть было не погибъ для службы. Но навыкъ къ занятіямъ, не погасшій еще во мнѣ отъ Лицея, и добрые совѣты тогдашняго близкаго пріятеля нашего семейства Отто Виттенгейма внушили мнѣ мысль заняться чѣмъ-нибудь хоть не совсѣмъ служебнымъ, то по крайней мѣрѣ близкимъ къ обязанностямъ моей должности. Я перевелъ съ латинскаго языка на русскій курляндскіе статуты, законъ, и теперь еще дѣйствующій, но который приводился тогда по дѣламъ въ Сенатѣ въ разныхъ негодныхъ переводахъ, дѣланныхъ мѣстными переводчиками по частямъ.

Эта работа по связи со школьными моими занятіями была мнѣ больше по плечу, нежели «провіантская каша», и я убитъ ею, какъ говорятъ нѣмцы, сразу двухъ мухъ. Одинъ экземпляръ я поднесъ князю, и какъ переводъ, по разсмотрѣніи въ тогдашней комиссіи составленія законовъ, оказался соответственнымъ своей цѣли, то его велѣно употреблять въ Сенатѣ, а мнѣ, 18-ти лѣтъ отъ роду, дали Анну 3-ей степени. Другой экземпляръ я представилъ курляндскому

дворянству, и оно прислало мнѣ табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ своего шифра. Сверхъ того, за эту работу я былъ причисленъ къ комиссіи составленія законовъ, и отсюда началась настоящая моя служебная школа. Но съ княземъ Лобановымъ я все еще не разстался, продолжая числиться по-прежнему у него переводникомъ. Отъ него же я въ началѣ 1820 года былъ командированъ съ сенаторами на ревизію Подольской губерніи и Бессарабской области и по его же представленіямъ пожалованъ въ 1821 году орденомъ Владимира 4-й степени, а въ 1823 году—камеръ-юнкеромъ. Окончательно разстались мы уже въ маѣ 1823 года, когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментъ податей и сборовъ. Сперва за эту перемѣну службы, столько во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодную, онъ крѣпко на меня сердился, но потомъ, съ перемѣной обстоятельствъ и съ постепеннымъ моимъ возвышеніемъ, этотъ гнѣвъ прошелъ и, наконецъ, по назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ,—котораго членомъ онъ оставался до самой своей кончины,—мы жили лучшими друзьями.

24-го сентября. Вчера возвратился изъ деревни нашъ предсѣдатель: свѣжій и румяный, какъ обыкновенно послѣ лѣтняго отдыха, съ ретивостью къ дѣлу и желаніями всего лучшаго. При всемъ томъ онъ горюетъ о томъ, что пролетѣли часы отдохновенія и праздности и что надобно опять приниматься за работу. «Пріѣхавъ назадъ въ городъ,—сказалъ мнѣ,—я совершенно вспомнилъ на опытѣ тѣ чувства, которые бывали у меня въ ребячествѣ, когда въ воскресенье вечеромъ приходилось ворочаться изъ родительскаго дома въ пенсіонъ».

Вчера я видѣлся тоже съ многими изъ членовъ Государственнаго Совѣта и между прочимъ съ М. М. Сперанскимъ, который купилъ себѣ славный домъ на Сергіевской улицѣ за 240.000 руб. Эти деньги или, лучше сказать, весь домъ достались ему даромъ. Домъ у прежняго владѣльца заложенъ былъ въ банкъ во 140.000 руб., но гдѣ взять остальную сумму? М. М. выпросилъ у государя, чтобы вмѣсто банка домъ заложить на 37-ти-лѣтнихъ правилахъ въ государственномъ казначействѣ съ выдачей подъ оный всей суммы по купчей крѣпости, т. е. 240.000 руб. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ теперь собственный домъ и платитъ за него въ казну въ продолженіе 37 лѣтъ по 15.000 руб. ежегодно, тогда какъ прежде платилъ за наемъ квартиры въ чужомъ домѣ по 14.000 руб.

30-го сентября. Новый нашъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ нынѣшнемъ году совершилъ большое путешествіе по Россіи, чтобы постепенно ознакомиться и съ бытомъ и потребностями казенныхъ крестьянъ, и съ другими частями вѣреннаго ему многосложнаго управленія. На-дняхъ мы дѣлились взаимными нашими наблюденіями и впечатлѣніями, и посреди многого существеннаго, онъ

разсказывалъ мнѣ и множество забавныхъ анекдотовъ. Некогда мнѣ ихъ здѣсь записывать, но одинъ особенно хорошъ, это посѣщеніе чувашей въ Пермской губерніи земскою полиціей. Когда въ чувашскомъ селеніи сдѣлается извѣстно, что ѣдетъ земскій судъ, все селеніе съ женами, дѣтьми и имуществомъ тотчасъ выбирается въ какой-нибудь глухой и отдаленный лѣсъ, какъ отъ нашествія непріятеля. Оттуда они высылаютъ своихъ парламентаровъ для соглашенія съ судомъ о суммѣ, за которую онъ выѣдетъ изъ селенія. Тутъ происходитъ формальный торгъ: судъ требуетъ столько-то; чуваша даютъ столько-то. Наконецъ, ударивъ по рукамъ, судъ выѣзжаетъ съ одного конца селенія, а чуваша возвращаются восвояси съ другаго. Взамѣнъ, однако, и я поподчивалъ Киселева нѣсколькими не менѣе драгоцѣнными анекдотами. Къ одному вновь опредѣленному губернатору является откупщикъ съ ходатайствомъ о его милости и съ предложеніемъ въ благодарность по 10 коп. отъ ведра, при чемъ клянется всѣми святыми, что это останется между нами совершенною тайною и что онъ натурально никому не разскажетъ.

— Нѣтъ, братецъ,—отвѣчалъ губернаторъ,—давай-ка по 20 коп. отъ ведра и разсказывай себѣ, пожалуй, кому хочешь.

28-го октября. Въ пятницу, 21-го октября, М. М. Сперанскій почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но, не смотря на то, въ субботу тотчасъ послѣ обѣда, отправился въ Царское Село, гдѣ въ тотъ же вечеръ сидѣлъ въ театрѣ и пробылъ во дворцѣ до втораго часа, послѣ чего еще цѣлый часъ дожидалъ въ холодныхъ сѣняхъ кареты. Чувствуя уже довольно сильный лихорадочный ознобъ, онъ, при всемъ томъ, на другой день былъ еще у обѣдни и обѣдалъ во дворцѣ. Все это вмѣстѣ увеличило его простуду, и на другой день онъ слегъ въ постель въ сильныхъ лихорадочныхъ припадкахъ, а съ четверга, 27-го, открылось у него воспаленіе въ боку. Вчера, въ этотъ самый четвергъ, выпустили ему утромъ двѣ чашки крови и вечеромъ приставили 15 пиявокъ, а сегодня возобновили опять кровопусканіе рожками. Лѣчитъ его en chef неизбѣжный Арендтъ, и сверхъ того день и ночь дежуритъ одинъ врачъ Маргулецъ. Со вчерашняго дня выходятъ и бюллетени по два раза въ день, которые отправляются въ Царское Село къ государю. Нельзя еще сказать, чтобы не было надежды, но опасность велика: ему 68-й годъ, и отъ такой болѣзни рѣдко выздоравливаютъ и молодые люди, или по крайней мѣрѣ выздоравливаютъ очень медленно.

Вчера по случаю этой болѣзни была у насъ большая конференція съ гр. Васильчиковымъ. Оба мы чувствуемъ по полной мѣрѣ неизмѣримую потерю, которою грозитъ Россіи смерть Сперанскаго. Съ огромными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ, съ гениальнымъ и быстрымъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ перомъ, какого нѣтъ у насъ еще

другого, этотъ человѣкъ,—сынъ простаго сельскаго священника,—положилъ себѣ путь отъ низшихъ ступеней гражданскаго общества къ высшимъ его вершинамъ; былъ всецѣльнымъ любимцемъ Александра, временщикомъ въ полной силѣ слова, потомъ испилъ горькую чашу немилости и паденія и, наконецъ, умѣлъ опять воспрянуть и возвестись выше прежняго. Четыре вещи несомнѣнно ставятъ его въ рядъ первыхъ историческихъ лицъ Россіи и вообще его времени: учрежденіе Государственнаго Совѣта, учрежденіе министерствъ, преобразованіе дѣловаго нашего языка и — выше всего — Сводъ законовъ. Сперанскій будетъ оцѣненъ въ надлежащей мѣрѣ только по смерти, когда начнется для него потомство и угаснутъ зависть и личности. При всемъ изнеможеніи отъ преклонныхъ лѣтъ и частыхъ недуговъ, духъ его въ послѣднее время былъ такъ же бодръ и объемлющъ, какъ и прежде. Съ нимъ угаснетъ предпоследній геній въ Россіи,—говорю предпоследній, потому что мы имѣемъ еще Канкрина, тоже не вполне оцѣненнаго, но стоящаго выше другихъ, какъ гора надъ равниною. Гдѣ соперники этихъ двухъ орловъ, кто изъ завистниковъ и насмѣшниковъ ихъ, старыхъ и молодыхъ, поравняется съ ихъ полетомъ? Работавъ съ Сперанскимъ съ 1825-го по 1831-й годъ почти ежедневно, возобновивъ съ нимъ самыя тѣсныя сношенія послѣ назначенія меня въ должность государственнаго секретаря,—я могъ вполне и непрерывно слѣдить за энциклопедическимъ его умомъ; но при всемъ томъ нисколько не увлекаюсь никакимъ предубѣжденіемъ или пристрастіемъ въ его пользу, и доказательство: отдавая полную высокую справедливость его уму, я никакъ не могу сказать того же объ его сердцѣ. Я разумѣю здѣсь не частную жизнь, въ которой можно его назвать истинно добрымъ человѣкомъ, ни даже сужденія по дѣламъ, въ которыхъ онъ тоже склоненъ былъ всегда къ добру и человѣколюбію, но то, что называю сердцемъ въ государственномъ или политическомъ отношеніи—характеръ, прямодушіе, правоту, непоколебимость въ избранныхъ однажды правилахъ. Сперанскій не имѣлъ (я говорю уже, къ сожалѣнію, какъ о быломъ и прошедшемъ) ни характера, ни политической, ни даже частной правоты. Участникъ и даже можетъ быть одинъ изъ возбудителей,—по тогдашнему направленію умовъ—филантропическихъ мечтаній Александра, Сперанскій былъ въ то время либераломъ, потому что видѣлъ въ этомъ личную свою пользу, а когда минулъ вѣкъ либерализма, то перешелъ, въ тѣхъ же побужденіяхъ, къ совершенно противоположной системѣ. Онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра. И поэтому я убѣжденъ, что Сперанскій никогда не могъ быть человѣкомъ опаснымъ, сколько ни старались въ томъ увѣрять его ненавистники и люди недалеконевидные. Чтобы быть опаснымъ, надобно имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы.

Съ другой стороны обѣщанія ему ничего не стоили, точно такъ же, какъ комплименты или ласки; но весьма просто былъ тотъ, кто имъ довѣрялъ или кто строилъ на этомъ шаткомъ основаніи. Обворожительное обхожденіе привлекало ему съ перваго разу всѣ сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было «всѣмъ общее, какъ чаша круговая», что подъ оболочкой этихъ гладкихъ словъ не заключалось ничего существеннаго, что это былъ одинъ обманъ ловкаго и привѣтливаго ума, безъ всякаго участія сердца: то естественно, что слѣдовало—охлажденіе. Я не думаю, чтобы Сперанскій имѣлъ хоть одного истиннаго друга и чтобы былъ на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, котораго бы онъ искренно любилъ. Политику и холодъ дѣловой жизни онъ переносилъ и въ свой кабинетъ, гдѣ продолжалъ постоянно играть роль умнаго хитреца, даже въ самыхъ тѣхъ бесѣдахъ, гдѣ,—повидимому и для незнавшихъ его близко—не могло не принимать какого-нибудь участія сердце. Сколькихъ людей обманулъ онъ лстивыми своими обѣщаніями и ласковымъ приемомъ, благодѣтельствуя истинно только тѣмъ, которые нужны были для его видовъ или когда самыя эти благодѣянія входили въ его виды.

Многое бы могъ я сказать еще о немъ и хорошаго и дурнаго, бывъ ежедневнымъ и наблюдательнымъ свидѣтелемъ его дѣйствій; но теперь, когда онъ еще между нами, какъ-то рука не поднимается. Память всего добра, которое я лично испыталъ отъ него, память всего добра, которое онъ дѣлалъ Россіи, память лучшаго и хорошаго изглаживаетъ во мнѣ въ эту минуту память дурнаго, и я горячо желаю облегченія его страданій, хотя онъ конечно пропасть уже для Россіи даже въ случаѣ выздоровленія.

Между тѣмъ послѣ всѣхъ сожалѣній, разговоръ нашъ съ гр. Васильчиковымъ, натурально, направленъ былъ къ средствамъ замѣнить по возможности эту важную потерю, а отсюда и къ укомплектованію вообще Совѣта, совсѣмъ одряхлѣвшаго и развалившагося въ своемъ составѣ.

Сперанскій теперь предсѣдателемъ въ департаментѣ законовъ, членомъ въ польскомъ департаментѣ и начальникомъ всѣхъ законодательныхъ трудовъ по II отдѣленію собственной его величества канцеляріи, отъ котораго изданъ былъ Сводъ и гдѣ теперь составляются ежегодныя его продолженія, а сверхъ того особые своды губерній привилегированныхъ—работа столько же важная, сколько и трудная.

Обратясь къ Совѣту, мы признали необходимымъ сдѣлать хоть какой-нибудь временный распорядокъ, чтобы не стали совсѣмъ текуція дѣла: ибо за болѣзнію Сперанскаго въ департаментѣ законовъ остается только два члена, Кушниковъ и Марченко, изъ коихъ первый тоже почти умирающій, а въ польскомъ—только одинъ, кн. Любедкій. Вслѣдствіе того, послѣ долгихъ разсужденій и колебаній, мы придумали сдѣлать двухъ новыхъ членовъ Совѣта: Маврина, о которомъ и прежде было рѣшено,

и графа Гурьева, бывшаго кievскаго генераль-губернатора (брата графини Нессельродъ), человека тяжелаго, но блистательнаго ума, по крайней мѣрѣ со свѣдѣніями и все лучшаго, чѣмъ другіе возможные кандидаты. Съ этимъ усиленіемъ мы полагаемъ Маврина поставить въ гражданскій департаментъ, гр. Гурьева и кн. Карла Ливена (бывшаго министра народ. просв., возвратившагося недавно къ намъ послѣ пятнадцатилѣтней отлучки) въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командировать временно, до возвращенія отсутствующихъ членовъ, гр. Левашова и адмирала Грейга, оставя ихъ и въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ они теперь. Гр. Васильчиковъ повезетъ это назначеніе на усмотрѣніе государя въ первый свой докладъ.

Послѣ того мы перешли къ предстоящему замѣщенію Сперанскаго по предсѣдательству въ департаментъ законовъ и по законодательнымъ его трудамъ.

— Надобно же мнѣ и къ этому приготовиться, — сказалъ графъ, — потому что несомнѣнно будетъ рѣчь съ государемъ.

Потомъ онъ своимъ кандидатомъ на это мѣсто назвалъ Д. Я. Дашкова, считая, что, по своимъ наклонностямъ и образу жизни, онъ совершенно сроденъ къ занятіямъ такого рода, а должность министра юстиціи можно замѣстить Блудовымъ.

30-го октября. Графъ Васильчиковъ былъ вчера у государя. Назначеніе въ Совѣтъ новыхъ членовъ отложено до обыкновеннаго къ тому времени, т. е. до 6-го декабря. Затѣмъ князь Ливенъ посаженъ въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командированы временно, съ оставленіемъ и въ прежнихъ, Грейгъ и, вмѣсто Левашова, Вилламовъ. Графа Литту государь никакъ не согласился уволить отъ предсѣдательства въ исаакіевской комиссіи.

— Это историческій памятникъ, — сказалъ онъ, — который приходится уже къ концу, а старикъ тутъ такъ давно, что совѣстно бы было лишить его удовольствія и славы положить послѣдній камень.

23-го ноября. Киселевъ рассказывалъ мнѣ о разговорѣ, который онъ имѣлъ на-дняхъ съ государемъ о Государственномъ Совѣтѣ. Государь жаловался, что Совѣтъ «очень устарѣлъ въ личномъ своемъ составѣ». Киселевъ съ своей стороны нашелъ, что это нисколько не бѣда; что Совѣтъ, по существу своему и по духу нашего правленія, долженъ быть не *promoteur*, а *conservateur*, т. е. больше оберегать существующее, нежели допускать какія-либо нововведенія, а если и допускать ихъ, то съ крайнею осмотрительностью въ отношеніи къ главнымъ началамъ и основнымъ идеямъ монархическаго правительства; что для этого лучше годятся старики, естественно привязанные къ прежнему, нежели молодые люди съ живымъ воображеніемъ; что послѣднихъ надобно сажать въ министры и правители, потому что Россія не можетъ

ни оставаться въ неподвижномъ состояніи, ни отставать отъ вѣка, и тогда ужъ ихъ дѣло будетъ выдумывать и созидать, а Совѣту останется только умѣрять ихъ жаръ и свято поддерживать главный фундаментъ. Была также рѣчь о печатаніи вносимыхъ въ Совѣтъ проектовъ. Противъ этой идеи, принятой уже государемъ по представленію графа Васильчикова, Киселевъ сильно возсталъ теперь передъ государемъ: «тогда,—сказалъ онъ,—главная идея d'un conseil conservateur, сама собой рушится. Велики-ли теперь или слабы способности членовъ Государственного Совѣта, дальновидны или ограничены они въ своихъ соображеніяхъ; по крайней мѣрѣ при образѣ доклада дѣлать въ Совѣтъ не могутъ уже быть никакихъ суфлеровъ, и всѣ замѣчанія идутъ прямо отъ членовъ. Начните только печатать проекты, и вся личность этихъ членовъ исчезнетъ: вмѣсто нихъ будутъ читать проекты столоначальники и секретари и другая молодежь, они станутъ привозить въ Совѣтъ уже не свои мысли и замѣчанія, а внушенные имъ новымъ поколѣніемъ, которое при всей осторожности и при всѣхъ мѣрахъ правительства—все-таки напояется идеями Западной Европы. Гдѣ же тогда останется опора монархическихъ понятій, которыя теперь такъ свято стерегутся этими, если не всегда даровитыми, то, по крайней мѣрѣ, старыми и опытными головами?

24-го ноября. Графъ (Васильчиковъ) имѣлъ тоже разговоръ съ государемъ объ устарѣвшемъ составѣ Совѣта и представилъ это дѣло съ другой стороны, нежели Киселевъ. Онъ думаетъ, что молодые члены въ Совѣтъ не только не вредны, а необходимы; но, чтобы не уронить этого званія и не лишить его цѣны въ глазахъ людей старыхъ, которыхъ послѣ придется сажать въ Совѣтъ, не столько для пользы дѣла, сколько изъ личныхъ уваженій, pour leur procurer une retraite honorable,—необходимо въ выборѣ молодежи быть сколько можно осторожнѣе,—словомъ, назначать только такихъ, о которыхъ впередъ можно быть увѣрену, что публика единогласно одобритъ ихъ назначеніе.

Сперанскій не только внѣ всякой опасности, но совсѣмъ уже выздоравливаетъ. Бюллетени прекратились, и думаютъ, что онъ скоро уже начнетъ заниматься дѣлами. Слава Богу, что опасенія наши были напрасны; но на долго-ли это и каковы будутъ его занятія послѣ такой тяжелой болѣзни и послѣ потери въ его лѣта такого множества крови?

Въ архивѣ Государственного Совѣта хранится собственноручный рескриптъ государя, на имя покойнаго предсѣдателя князя Кочубея, на пяти (почтовыхъ) страницахъ, который чрезвычайно интересенъ и самъ по себѣ, и по обстоятельствамъ дѣла, предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ ему.

19-го октября 1831 года получено было въ Совѣтъ представленіе министра финансовъ о необходимости по стѣсненному положенію госу-

дарственнаго казначейства возвысить въ Россіи на 1532 г. нѣкоторые казенные сборы, въ томъ числѣ и таможенные пошлины на нѣкоторые товары, съ временной прибавкой на всѣ вообще привозные по 12¹/₂ процентовъ.

Совѣтъ былъ тогда особенно занятъ проектомъ новаго закона о дворянскихъ выборахъ, который велѣно было представить къ 6—7-му декабря. Но министръ финансовъ, ссылаясь на скорый отъѣздъ свой въ Москву (гдѣ тогда государь находился), требовалъ, чтобы указъ о возвышеніи таможенныхъ сборовъ изданъ былъ непремѣнно въ ноябрѣ, чтобы, при краткости времени до новаго года, успѣть сдѣлать нужныя по таможеннымъ распоряженія. Совѣтъ собирался по проекту о выборахъ 19-го, 23-го, 26-го и 29-го октября, т. е. въ 10 дней четыре раза. Не смотря на то, въ это же время департаментъ экономіи рассмотрѣлъ помянутое представленіе министра финансовъ, и 31-го октября оно выслушано и въ общемъ собраніи, а 7-го ноября дѣло отправлено къ государю въ Москву, гдѣ и подписанъ 11-го ноября указъ съ приложеніемъ таможенной росписи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она одобрена и представлена была Совѣтомъ. Указъ былъ простой, форменный, а самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ помѣщены были въ концѣ росписи въ видѣ примѣчаній, и тутъ, между прочимъ, о времени дѣйствія оной постановлено: «что сборъ прибавочныхъ 12¹/₂ процентовъ долженъ начаться со дня полученія въ таможенныхъ указъ со всѣхъ товаровъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ безъ очистки пошлиною еще находящихся и вновь прибывающихъ».

Указъ съ росписью, по особому высочайшему повелѣнію, напечатанъ былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 14-го ноября, но отъ Сената здѣсь, въ Петербургѣ, онъ опубликованъ не прежде 20-го числа, хотя полученъ былъ еще 16-го. Между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» пришли сюда съ эстафетою 17-го числа, и натурально на другой день обнаружилось среди купцовъ стремленіе къ очисткѣ товаровъ въ здѣшней таможнѣ, чтобы избавиться отъ 12¹/₂ процентовъ, пока въ ней не былъ еще полученъ указъ. 18-го числа таможня успѣла принять необыкновенное количество денегъ, именно свыше 700.000 р., и только съ наступленіемъ ночи она прекратила по закону свои дѣйствія. Но вечеромъ того же дня директоръ департамента вѣншей торговли (тогда Бибииковъ), опасаясь съ наступленіемъ слѣдующаго дня еще большаго стремленія къ очисткѣ товаровъ, предписалъ таможнѣ взимать уже прибавочные проценты, ссылаясь на распоряженіе министра финансовъ въ Москвѣ о взиманіи ихъ процентовъ съ напечатанія указа въ таможенныхъ вѣдомостяхъ.

Между тѣмъ до государя очень скоро дошелъ ропотъ купечества, отозвавшійся во всѣхъ классахъ, на указъ 11-го ноября, въ томъ отношеніи, что онымъ велѣно взимать прибавочныя пошлины съ товаровъ,

находившихся уже во время его изданія въ пакгаузахъ; вслѣдствіе того высочайше повелѣно было министру финансовъ представить Государственному Совѣту: «причины, побудившія къ сему постановленію»—что онъ и исполнилъ не далѣе, какъ 2-го декабря. Объясненіе его было очень обширное, но въ сущности онъ представлялъ, что первоначальное побужденіе къ жалобамъ дано было запоздалымъ распубличкованіемъ указа черезъ Сенатъ, а касательно самой мѣры писалъ, что купецъ, заплатившій за товаръ болѣе пошлины, во всякомъ случаѣ выручаетъ свой авансъ съ публики, а тотъ, у кого есть товаръ, оплаченный старой пошлиной, имѣетъ даже значительный барышъ: слѣдовательно, во всѣхъ дѣлахъ сего рода сталкиваются два интереса: публики и торгующихъ. Заслуживъ онъ доказывать, что указомъ 11-го ноября охраненъ интересъ публики и, ссылаясь на примѣры прежнихъ тарифовъ и на невозможность соблюденія при чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣрахъ, строгихъ началъ общей уравнительности, замѣчалъ, что и съ достоинствомъ правительства едва-ли совмѣстно внимать въ этомъ случаѣ частнымъ домогательствамъ и отмѣнять законъ, только-что изданный, въ справедливости коего онъ остается, впрочемъ, постоянно убѣжденнымъ; если же признано будетъ полезнымъ принять какую-либо мѣру собственно въ отношеніи тѣхъ купцовъ, которые до 20-го ноября продали товары по опредѣленной цѣнѣ съ принятіемъ платежа пошлины на продавца, то сіе легко можетъ быть сдѣлано частнымъ распоряженіемъ, посредствомъ особаго указа на имя его, министра.

Въ Совѣтѣ все это, вслѣдствіе высочайшей воли, рассмотрѣно было не далѣе, какъ на другой день (3-го декабря). Совѣтъ начиналъ журналъ свой оправданіемъ въ пропускѣ означенной мѣры и оправдывался тѣмъ: 1) что представленіе министра получено было въ такое время, когда Совѣтъ занимался по два и по три раза въ недѣлю, со всею внимательностью закономъ о дворянскихъ выборахъ; 2) что министръ особенно спѣшилъ этимъ дѣломъ, требуя изданія указа непремѣнно въ ноябрѣ; 3) что ни въ представленіи его, ни въ сопровождавшихъ оное соображеніяхъ не было упомянуто о распространеніи надбавочныхъ 12½ процентовъ на товары, находившіеся уже въ таможенныхъ; 4) что расчетъ министра объ успѣхѣ доходовъ по сей части на 1832 г. основанъ былъ на годовой сложности безъ причисленія единовременнаго какого-либо сбора съ товаровъ, находившихся уже на-лицо въ таможенныхъ; 5) что по всему этому Совѣтъ не обратилъ особеннаго вниманія на примѣчанія къ росписи, гдѣ обыкновенно излагается простой распорядокъ исполненія и нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, не входящія въ составъ закона, для того, чтобы маловажною предметовъ не затемнять силы истиннаго указа; но гдѣ сверхъ ожиданія оказался предметъ, послужившій поводомъ къ настоящимъ разсужденіямъ, предметъ, по важности своей требовавшій и другаго изложенія и мѣста не

въ примѣчаніяхъ къ росписи, а въ самомъ представленіи, гдѣ помѣщеніе онаго, безъ сомнѣнія, заставило бы Совѣтъ требовать изъясненія побудительныхъ къ такой мѣрѣ причинъ и послужило бы, во всякомъ случаѣ, предметомъ особенныхъ разсужденій.

Засимъ, перейдя къ самому существу дѣла, Совѣтъ въ журналѣ своемъ изложилъ сильныя опроверженія противъ доводовъ министра финансовъ и заключилъ тѣмъ, что подобныя мѣры, противорѣча справедливости и самой пользѣ государства, не должны быть допускаемы и что, на семъ основаніи, отъ 12¹/₂ процентовъ надлежитъ изъять всѣ тѣ товары, кои, до полученія указа 11-го ноября въ таможенныхъ, поступили уже въ вѣдомство оныхъ; о чемъ и положили поднести къ высочайшему подписанію указъ такого содержанія, чтобы,—въ видѣ монаршей единственно милости,—отъ платежа сихъ процентовъ избавлены были всѣ вообще привозные товары, поступившіе въ таможенное вѣдомство до дня полученія въ каждой таможнѣ указа 11-го ноября, и чтобы тѣмъ изъ хозяевъ, съ которыхъ такіе проценты были бы уже взысканы, оныя возвратить.

Указъ сей подписанъ 7-го декабря, но передъ тѣмъ, 5-го декабря, послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ на имя графа Кочубея:

«Графъ Викторъ Павловичъ! Вамъ, какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, не только по сему званію, но и по личнымъ вашимъ достоинствамъ облеченному всею моею довѣренностью, извѣстно въ полной мѣрѣ, обращаемо мною вниманіе на представленія сихъ мѣстъ, учрежденныхъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ управленія и законодательства. Всякое мнѣніе, всякое замѣчаніе, клонящееся къ охраненію справедливости, или къ пользѣ общей, я принимаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какъ несомнѣнный, лучшій знакъ вѣрноподданническаго ко мнѣ и къ престолу моему усердія. Не въ правѣ-ли я надѣяться, что Государственный Совѣтъ, составленный изъ людей, заслужившихъ мое особенное благоволеніе, никогда не ослабнетъ въ усиліяхъ и стараніи избѣгать всего, могущаго навлечь на него нареканіе въ неосмотрительности.

«Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить случай, въ коемъ сіе справедливое ожиданіе не исполнилось.

«Указъ 11-го ноября сего года и приложенная къ нему роспись, коими возвышается привозная пошлина на нѣкоторые товары, и устанавливается добавочный таможенный сборъ, были разсмотрѣны въ комитетѣ финансовъ и въ департаментѣ государственной экономіи, и, наконецъ, въ общемъ собраніи Совѣта. Ни въ которомъ изъ сихъ мѣстъ никто изъ членовъ не замѣтилъ, что по буквальному смыслу ст. 2 примѣчанія II къ росписи, добавочный 12¹/₂ процентный сборъ распространяется и на товары, привезенные раньше обнародованія сего указа, но еще не очищенные пошлиною, на основаніи закономъ даруе-

мой для сего 6-ти мѣсячной отсрочки. и что чрезъ сіе постановленію новому дается обратное дѣйствіе. Никто, конечно, не можетъ подумать, чтобы правительство, извѣстное своимъ уваженіемъ къ справедливости и доброй вѣрѣ, имѣло намѣреніе постановить что-либо противное присвоеннымъ законами правамъ и священнѣйшему изъ всѣхъ праву собственности.

«Но не даетъ-ли поводъ къ сему ложному заключенію вкрапшаяся въ приложение къ указу 11-го ноября ошибка? Она ускользнула и отъ моего вниманія, потому, что я былъ въ правѣ ожидать тщательнаго разсмотрѣнія проекта Совѣтомъ. Препровожденіемъ онаго въ Государственный Совѣтъ я доказывалъ, что въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ совершенно довѣрить одному моему мнѣнію. Сія ошибка должна быть исправлена.

«Но не менѣе того, я считаю себя обязаннымъ изъяснить черезъ васъ всѣмъ участвовавшимъ въ сужденіи сего дѣла, особенно же завѣдующимъ въ комитетѣ финансовъ, возбужденное во мнѣ неосмотрительностію ихъ чувство прискорбія и неудовольствія.

«Они сами, какъ мнѣ извѣстно, съ благородною откровенностію признали, что не совершенно вникнули въ смыслъ постановленія. Отдавая полную справедливость столь похвальному ихъ побужденію, я въ немъ вижу новое для себя удостовѣреніе, что никогда уже не буду вынужденъ постановлять на видъ Государственному Совѣту недостатокъ вниманія въ какомъ то ни было дѣлѣ. Члены онаго не престанутъ доказывать усердными трудами, сколь они достойны моего благоволенія.

«Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Николай».

Рескриптъ этотъ, какъ сказывалъ мнѣ неоднократно Д. Н. Блудовъ,—писанъ былъ п м т; но списанъ собственною рукою государя и въ такомъ видѣ и хранится въ Архивѣ Совѣта.

Что же Совѣтъ?—Совѣтъ отвѣчалъ на это журналомъ того числа (7-го декабря) слѣдующаго содержанія:

«Государственный Совѣтъ, выслушавъ съ благоговѣніемъ высочайшую волю, положилъ: изъяснить его императорскому величеству глубокое прискорбіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть къ священнымъ стопамъ его величества чувства живѣйшей признательности за милостивыя выраженія, въ коихъ его величеству угодно было справедливое неудовольствіе свое Государственному Совѣту изъяснить».

2-го декабря. 28-го ноября былъ балъ у сенатора Бутурлина, а вчера, 1-го декабря, у гр. Левашова,—балы званые, блестящіе и богатые, какъ и всѣ балы нашей знати. Трудно выдумать тутъ что-нибудь новсе; но у гр. Левашова есть нѣчто чудесное, принадлежащее впрочемъ не столько къ балу, сколько къ дому: это огромная, безконечная

оранжерея, примыкающая къ бальнымъ заламъ, съ усыпанными краснымъ пескомъ дорожками, освѣщенная тысячею кинкетовъ, которыхъ огонь отражается на апельсинныхъ и лимонныхъ деревьяхъ. Кому надоесть шумъ и жара бала, тотъ можетъ искать тутъ отдыха и уединенія и, когда на дворѣ трещитъ морозъ, наслаждаться всѣми прелестями цвѣтущаго лѣта. Новость нынѣшней зимы состоитъ еще въ томъ, что на всѣхъ званныхъ вечерахъ всѣ кавалеры являются опять въ бѣлыхъ галстукахъ.

5-го декабря. Вчера было торжественное обрученіе герцога Лейхтенбергскаго съ великой княжной Маріей Николаевной въ Эрмитажной церкви. По тѣснотѣ этой крошечной временной церкви, въ нее введены были до церемоніи только члены Государственнаго Совѣта и дипломатическій корпусъ. Дворъ, предшествовавшій царской фамиліи, провели только черезъ церковь въ другую залу, а прочихъ никого и въ церковь не пустили. Церемонія была столько же великолѣпная, сколько и трогательная. Обрученіе совершалъ «ветхій деньми» и силами петербургскій митрополитъ Серафимъ, а въ молебнѣ благодарственномъ участвовали четыре митрополита, два архіерея и придворное духовенство—всѣ въ богатѣйшихъ ризахъ. Герцогъ былъ въ нашемъ генеральскомъ мундирѣ съ Андреевской лентой; государь въ казачьемъ мундирѣ; малютки Константинъ и Николай въ мундирахъ: первый морскомъ, а послѣдній уланскомъ; младшій Михаилъ въ русской рубашкѣ. Государь самъ поставилъ новообручаемыхъ на устроенное посреди церкви возвышеніе, а императрица размѣняла имъ кольца. Послѣ обрученія начались цѣлованія между членами императорскаго дома, при которыхъ трудно было удержаться отъ слезъ. Особенно удивительно было цѣлованіе обѣихъ сестеръ, Маріи и Ольги Николаевнъ, которыя не могли одна отъ другой оторваться. Послѣ церемоніи былъ у великой княжны общій *laissez-moi*, при которомъ герцогъ находился возлѣ нея и принималъ поклоны. Въ то же время прочтенъ былъ въ Сенатѣ манифестъ. Вечеромъ вся царская фамилія была въ театрѣ, и не въ обыкновенной своей ложѣ, а въ парадной, гдѣ публика приняла ее съ восторженными рукоплесканіями, крикомъ «ура!» и національнымъ гимномъ. Чтобы сдѣлать изъ этой замѣтки формальную газетную статью, надобно прибавить, что городъ былъ иллюминированъ и—противъ обыкновенія—мѣстамъ недурно.

18-го декабря. Вчера, 17-го декабря, минулъ годъ со времени бѣдственнаго пожара Зимняго дворца. Какъ теперь возобновленіе его идетъ исполнскими шагами, то государю захотѣлось отпраздновать этотъ день особеннымъ образомъ. Пожаръ начался, какъ извѣстно, съ Фельд-маршалской залы и, вслѣдствіе того приказано было, чтобы къ 17-му числу эта зала непременно возобновлена была въ прежнемъ своемъ

видѣ. Воля царская сильна въ Россіи и все поспѣло ко времени: зала воскресла опять какъ была тому назадъ годъ; не достаетъ только люстръ и окончательной политуры на стѣнахъ. Вчера собралась туда вся царская фамилія съ маленькою свитою, строительная коммиссія и конногвардейцы, которые прошлаго года въ этотъ самый роковой день были тутъ въ караулъ подъ предводительствомъ того же самаго офицера (моего племянника Мирбаха). Государь, привѣтствовавъ ихъ, сказалъ:

— Прошлаго года, ребята, вы въ этотъ самый день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара; мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ нашемъ дворцѣ.

Потомъ былъ, въ присутствіи царской фамиліи, благодарственный молебень съ колѣнопреклоненіемъ. — Къ святой недѣлѣ, которая будетъ очень рано (26-го марта), всѣ важнѣйшія части дворца будутъ отдѣланы, и мы будемъ праздновать Пасху въ возобновленной его большой церкви.

Дверь Сперанскаго открылась. Я тотчасъ этимъ воспользовался и сегодня былъ у него. Здоровье его совсѣмъ возстановилось, кромѣ большой слабости и совсѣмъ пропавшаго голоса, который однако современемъ, вѣроятно, тоже воротится. Я не нашелъ, чтобы онъ и въ лицѣ много перемѣнился. Свиданіе наше было самое дружеское, даже трогательное, и мы оба поплакали. Я такъ давно съ нимъ знакомъ, такъ обязанъ ему за благорасположеніе, которымъ онъ всегда меня отличаетъ, такъ привыкъ отдавать справедливость великимъ его качествамъ, и столько считаю его необходимымъ для Россіи при жалостномъ нашемъ безлюдьи, что искренне образовался, увидя его опять возвращеннымъ намъ.

Я сказалъ, что явился къ нему безъ большой надежды быть допущеннымъ по отказу, который на-дняхъ получилъ его стаць-секретарь Балугьянскій.

— Совсѣмъ другое дѣло, — отвѣчалъ онъ, — съ Балугьянскимъ не связываетъ насъ ничего кромѣ отношеній службы и мнѣ не объ чемъ было бы говорить съ нимъ, кромѣ дѣлъ, которыми мнѣ еще запрещено заниматься, а васъ я принимаю какъ друга, котораго мнѣ давно уже хотѣлось обнять.

Вчера былъ у него государь и сидѣлъ съ полчаса; старикъ рассказываетъ это всѣмъ съ видимымъ чувствомъ и радостію. Даже старый его полу-швейцаръ и полу-камердинеръ, который при немъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, не могъ не похвастать мнѣ, при выходѣ, этимъ визитомъ.

— Государь-батюшка сидѣлъ у насъ съ полчаса, и Михаилъ Михайловичъ такъ уже этимъ былъ доволенъ, такъ доволенъ, что глядя на него и я не могъ нарадоваться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа .

1839 годъ.

Новгородскій губернаторъ Сенявинъ.—Кіевскій митрополитъ Филаретъ.—Кончина князя Х. А. Ливена.—Характеристика Петербургскихъ баловъ.—Празднованіе юбилея адмирала Крузенштерна.—Графъ Орловъ.—Кончина графа Литты.—Маскарадъ у графа Левашова.—Кончина и погребеніе графа М. М. Сперанскаго.—Его характеристика.—Кончина С. С. Кушнікова.—Статсъ-секретарь Позенъ.—Выдержки изъ бумагъ М. Сперанскаго.—Я. И. Ростовцевъ.—А. П. Ермоловъ.—Графъ А. И. Чернышевъ.—Сосланные французы въ Иркутскъ.—Новыя назначенія по министерству юстиціи.—Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ.—Семейство Віельгорскихъ.—Кончина В. Тутомлина.—Балугьянскій.—Князь Васильчиковъ въ Бородинскомъ бою.—Дѣло о поселеніи крестьянъ на Калмыцкихъ земляхъ.

1-го января. Важнѣйшія сегодняшнія новости суть тѣ, что предсѣтель нашъ (Государственнаго Совѣта) Васильчиковъ пожалованъ княземъ, а Сперанскій—графомъ. Первому это важно, потому что у него много сыновей, но у послѣдняго одна замужняя дочь.

2-го января. Въ Новгородъ назначенъ новый губернаторъ, служившій прежде въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, камергеръ Сенявинъ. человекъ очень богатый и еще болѣе извѣстный по женѣ своей, урожденной Агерь, одной изъ самыхъ выдающихся женщинъ нашего большаго свѣта. Первое дѣйствіе его по приѣздѣ въ губернію было то, что онъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1904 г.

пожертвовалъ своимъ жалованьемъ (12-ть т. р.) на улучшеніе содержанія чиновъ губернскаго управленія.

Извѣстный богачъ Павелъ Демидовъ, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Курскъ, не только пожертвовалъ на тотъ же предметъ своимъ жалованьемъ, но и безпрестанно сыпалъ огромныя суммы изъ своего достоянія и, при всемъ томъ, въ два года его управленія губернія совершенно разстроилась и стала гораздо ниже прежняго.

15-го января. На-дняхъ посѣтилъ меня кіевскій митрополитъ Филаретъ, соименный московскому. Этого старца, который уже 40 лѣтъ въ монашествѣ и 20 лѣтъ архіереемъ, не возможно не любить и не уважать.

Это какой-то отрывокъ древняго русскаго міра, инокъ въ настоящемъ смыслѣ и въ томъ духѣ, въ какомъ я воображаю себѣ монаховъ при основаніи первыхъ нашихъ обителей. Онъ невольно привлекаетъ сердца какимъ-то дѣтскимъ простосердечіемъ, истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и вообще отличными качествами своей души. Въ Казани, гдѣ онъ долго былъ архіепископомъ, народъ провожалъ его съ воплемъ и стenanіями, какъ отца; въ Кіевѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто покойнаго Евгенія, знаменитаго своими учеными трудами, — народъ тоже привязался къ нему, хотя онъ тамъ еще недавно, и при томъ бѣльшую часть года вынужденъ проводить здѣсь (въ Петербургѣ) по обязанностямъ синодальнаго члена. Онъ сильно скорбитъ объ этихъ невольныхъ отлучкахъ изъ Святого града, гдѣ, какъ онъ говоритъ, «и воздухъ наполненъ святостью».

На-дняхъ пришло сюда извѣстіе о кончинѣ князя Христофора Андреевича Ливена, бывшаго долгое время посломъ нашимъ въ Лондонѣ, а послѣдніе годы занимавшаго почетное мѣсто попечителя при наслѣдникѣ—мѣсто, въ которомъ онъ и умеръ теперь въ Римѣ, сопровождая наслѣдника въ заграничномъ его путешествіи. Онъ былъ женатъ на сестрѣ гр. Ал. Хр. Бенкендорфа, женщинѣ чрезвычайно умной, которая всегда премиривала въ нашей дипломатіи, и она-то собственно, подъ именемъ мужа, была нашимъ агентомъ въ Англіи.

16-го января Вчера былъ второй балъ у княгини Кочубей для царской фамиліи. Когда государь, пріѣхавъ, вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, я одинъ изъ самыхъ первыхъ попалъ ему навстрѣчу, и онъ, проходя мимо и почти не останавливаясь, сказалъ мнѣ:

— Я еще не успѣлъ поздравить тебя съ твоимъ величіемъ. Оставайся старымъ Корфомъ, какимъ былъ.

Нынѣшній карнавалъ очень коротокъ, потому, что постъ начинается

уже 6-го февраля. За то и спѣшать натапцоваться и вообще навеселиться до-сыта. Кромѣ вчерашняго бала и многихъ ему предшедшихъ, сегодня балъ у Бутурлина, хотя не собственно для царской фамиліи, но на которомъ ожидаютъ однако же государя. Послѣ завтра, въ среду, балъ—прямо уже для царской фамиліи, у княгини Бѣлосельской, а въ четвергъ всѣ будутъ на балѣ дворянскаго собранія. Элементы, изъ которыхъ составляются всѣ эти балы большаго свѣта, довольно трудно объять какими-нибудь общими чертами. Разумѣется, что на нихъ бываетъ весь аристократическій кругъ; но кто именно составляетъ этотъ кругъ въ такомъ государствѣ, гдѣ одна знатность происхожденія не даетъ сама по себѣ никакихъ общественныхъ правъ — объяснить не легко. Въ этомъ кругу есть всего по-немножку, но нѣтъ ничего, такъ сказать, доконченнаго, округленнаго. Тутъ есть и высшіе административные персонажи, но не всѣ; нѣкоторые отдѣляются отъ свѣтскаго шума по лѣтамъ, другіе по привычкамъ и наклонностямъ. Точно также въ этомъ кругу есть и богатые и бѣдные, и знатные и ничтожные, даже такіе, о которыхъ удивляешься, какъ они туда попали, не имѣя ни связей, ни родства, ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ! Между тѣмъ, весь этотъ кругъ, какъ заколдованный: при 500.000 населенія столицы, при огромномъ дворѣ, при централизаціи здѣсь всѣхъ высшихъ властей государственныхъ — онъ состоитъ не болѣе, какъ изъ какихъ-нибудь 200 или 250 человѣкъ, считая оба пола, и въ этомъ составѣ переѣзжаетъ съ одного бала на другой, съ самыми маленькими и едва замѣтными измѣненіями, такъ что въ этомъ кругу, т. е. въ особенно, такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, невозможно и подумать дать въ одинъ вечеръ два бала вдругъ. Молодые люди-танцоры попадаютъ легче, но тоже не безъ труда. Такъ, напримѣръ, флигель-адъютанты и кавалергардскіе офицеры почти всѣ вездѣ; конногвардейскихъ много; прочихъ полковъ можно всѣхъ назвать на перечесть, а нѣкоторыхъ мундировъ, напримѣръ гусарскаго, уланскаго и большей части пѣхотныхъ гвардейскихъ, рѣшительно нигдѣ не видать. Появленіе въ этомъ эксклюзивномъ кругу новаго лица, стараго или молодого, мужчины или женщины, такъ рѣдко и необыкновенно, что составляетъ настоящее происшествіе. Заключу однимъ: человѣку, не посвященному въ таинства петербургскихъ салоновъ, невозможно ни по какимъ соображеніямъ угадать à priori, кто принадлежитъ къ большому кругу и кто нѣтъ. Есть министры, члены Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанты, статсъ-секретари, придворные чины, — не говоря уже о сенаторахъ, которыхъ нигдѣ никогда не увидишь, которые рѣшительно никуда не приглашаются; есть люди знатные по роду и богатству, просвѣщенные, со всѣми формами лучшаго общества, которые въ томъ же положеніи; и есть, напротивъ, — какъ я уже сказалъ, — люди совершенно ничтожные, которые

вездѣ бывають, которыхъ вездѣ зовутъ, большею частью потому, кажется, что они играютъ въ высокую игру, до которой нѣкоторые изъ нашихъ баричей большіе охотники.

22-го января. Вчера было празднество 50-ти лѣтней въ офицерскихъ чинахъ службы адмирала Крузенштерна,—перваго русскаго офицера, совершившаго путешествіе кругомъ свѣта. Ему данъ былъ торжественный обѣдъ морскими генералами и офицерами въ огромной залѣ морскаго кадетскаго корпуса, великолѣпно убранной и освѣщенной—съ двумя хорами музыки и хоромъ пѣвчихъ. Кромѣ собственно моряковъ, на счетъ которыхъ данъ былъ весь праздникъ, были званы и постороннія особы; всѣхъ участниковъ пира было до 400. Роль главнаго распорядителя принялъ на себя вице-адмиралъ Рикордъ, тоже извѣстный въ лѣтописяхъ нашего флота. Начальника нашего морскаго штаба князя Меншикова,—которому надлежало представить главнаго хозяина праздника, не было: онъ не охотникъ до подобныхъ репрезентацій и казался больнымъ.

Въ половинѣ обѣда принесли Крузенштерну брилліантовые знаки Александровскаго ордена, при лестномъ рескриптѣ, который прочитанъ былъ директоромъ канцеляріи Меншикова Жандромъ. Потомъ Рикордъ сказалъ Крузенштерну рѣчь довольно кудрявую, но вмѣстѣ и довольно прозаическую. «Вы первые обнесли русскаго орла кругомъ свѣта», была единственная блестящая фраза.

Во время тоста «въ честь виновника празднества» нашъ славный Петровъ отлично пропѣлъ плохіе куплеты прозаическаго Булгарина.

Наконецъ, лучшимъ во всемъ праздникѣ была та сцена, когда вошли вдругъ три покрытые сѣдинами матроса и осыпали Крузенштерна колоссальнымъ флагомъ Американской компаніи, по почину которой совершено имъ было путешествіе кругомъ свѣта. Три эти матроса остаются единственными изъ 52-хъ сподвижниковъ его плаванія. Старики очевидно были тронуты, и одинъ изъ нихъ, которому уже 82 года, заливался слезами.

Надобно впрочемъ сознаться, что, несмотря на плохія рѣчи и стихи, праздникъ былъ грандіозенъ.

Неуклюжесть, которою славится Крузенштернъ, напоминаетъ мнѣ слово о немъ великаго князя Михаила Павловича. Крузенштернъ — начальникъ морскаго кадетскаго корпуса и въ этомъ званіи долженъ маршировать передъ кадетами на парадахъ, ученьяхъ и пр., что ему очень худо удастся. Это дало поводъ великому князю сказать про него, что «обойдя нѣсколько разъ вокругъ свѣта, онъ не умѣетъ обойти вокругъ манежа».

Все это однако же не мѣшаетъ Крузенштерну пользоваться по уче-

нымъ его заслугамъ такою репутаціей въ европейскомъ ученomъ мѣрѣ, какую едва-ли имѣетъ кто-нибудь изъ другихъ нашихъ ученыхъ.

Я заѣзжалъ сегодня проститься къ Орлову ¹⁾, думая, что онъ ѣдетъ завтра или послѣзавтра; но выходитъ, что онъ отправляется не прежде субботы, 28-го числа, и потому что, не имѣя уже возможности застать наслѣдника въ Италіи, ѣдетъ только до Вѣны, куда наслѣдникъ прибудетъ 10-го февраля.

Графъ Орловъ есть нынче едва-ли не ближайшій къ государю человекъ, и если государь не цѣнитъ выше мѣры достоинство его въ государственномъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ видитъ въ немъ истинно-преданнаго себѣ, русскаго душою, благороднаго, добраго и столь благонамѣреннаго, сколько любезнаго и пріятнаго въ общественной жизни человека. Проходитъ рѣдкій день, чтобы Орловъ не видѣлъ государя, т. е. не обѣдалъ или не проводилъ съ нимъ вечера, и между тѣмъ въ этихъ близкихъ, можно сказать, сердечныхъ отношеніяхъ онъ едва-ли кому дѣлалъ зло, не упуская никакого случая дѣлать добро. На его счетъ одинъ голосъ въ публикѣ и этотъ голосъ—общая пріязнь и уваженіе. Вчера государь изъявлялъ ему сожалѣніе свое о принужденной ихъ разлукѣ и «ты можешь повѣрить,—прибавляетъ Орловъ,—какъ я былъ тронутъ, когда на глазахъ его при этомъ блеснула слеза». Орловъ говорилъ мнѣ далѣе, что при всей невольной грусти о разлукѣ съ государемъ, съ своимъ семействомъ и со всѣми здѣшними отношеніями, ему нельзя было поколебаться ни минуты въ принятіи той священной обязанности, которую ввѣряетъ ему теперь государь. Онъ жалѣетъ только, что порученіе это дается ему слишкомъ поздно и что наслѣдникъ совершилъ уже довольно значительную часть своего путешествія.

23-го января. Я былъ сегодня у гр. Сперанскаго и истинно обрадовался положенію, въ которомъ его нашелъ. Голосъ и наружность его очень поправились, и самъ онъ совершенно доволенъ примѣтнымъ восстановленіемъ силъ. Я пробылъ у него часа полтора въ неистощимой бесѣдѣ. Онъ собирается выѣхать на-дняхъ въ первый разъ къ государю, и принялся уже серьезно за дѣло, такъ что скоро надобно ожидать движенія знаменитому дѣлу о лажѣ. За то у насъ опасно занемогъ предсѣдатель другаго департамента, гр. Литта. Водяная, которой давно уже видны были въ немъ примѣты, беретъ верхъ, и сегодня были у него на консультаціи Арендтъ и Бушъ. Въ его лѣта трудно предви-

¹⁾ Послѣ смерти князя Ливена назначенному состоять при наслѣдникѣ, бывшемъ въ то время за границею.

дѣтъ хорошій конецъ, и бѣдному изнемогающему нашему Совѣту, вѣроятно, грозить опять новая потеря!

24-го января. Бѣднаго гр. Литты уже нѣтъ! Онъ скончался сегодня утромъ въ 5 час., и не отъ водяной, какъ мнѣ ошибочно говорили, а отъ грижи. Доктора не рѣшились сдѣлать ему операціи, опасаясь, что онъ умретъ подъ ножомъ, и этимъ замедлили его смерть только на нѣсколько часовъ. Почти до послѣдней минуты онъ былъ въ совершенной памяти и успѣлъ исповѣдаться и причаститься. Смерть его наѣдала мнѣ тысячу хлопотъ, какъ сейчасъ разскажу.

Отобѣдавъ вчера спокойно въ своей семьѣ, я думалъ нѣсколько отдохнуть передъ баломъ, который назначенъ былъ у гр. Левашова, какъ вдругъ докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ камердинеръ отъ гр. Бенкендорфа.

— Графъ,—сказалъ онъ,—никуда не выѣзжаетъ по случаю семейнаго своего траура (кн. Ливенъ былъ женатъ на его сестрѣ), но, имѣя крайнюю необходимость сегодня съ вами увидѣться, проситъ васъ заѣхать къ нему, въ которомъ часу вамъ угодно.

Такъ какъ онъ живетъ рядомъ съ Левашовымъ и очень не близко отъ меня, то я велѣлъ сказать, что буду передъ восемью часами, т. е. передъ самымъ баломъ. Но между тѣмъ это приглашеніе крайне меня встревожило. Чего хотеть отъ меня такъ экстренно секретная полиція, съ которою по роду дѣлъ Государственнаго Совѣта мои сношенія такъ рѣдки?

При всей чистотѣ моей совѣсти, я крѣпко испугался, повѣряя въ души моей, не сказалъ-ли гдѣ-нибудь слова, которое могло навлечь на меня неудовольствіе государя, и опасаясь еще болѣе какого-нибудь безименнаго клеветническаго доноса на меня или моихъ чиновниковъ. Но страхъ мой разсѣлся при первыхъ словахъ Бенкендорфа.

— *Le bon c-te Litta est à toute extrémité*,—сказалъ онъ мнѣ,—*et c'est vous que l'Empereur a désigné pour mettre les scellés sur ses papiers en cas de décès*¹⁾.

Послѣ этого онъ показалъ мнѣ докладную свою (французскую) записку, въ которой спрашивалъ разрѣшенія, кому запечатать и разобрать бумаги гр. Литты, если онъ умретъ, какъ то доктора полагаютъ. На запискѣ государь написалъ своею рукою: «*c'est Korff qui doit le faire; faites le lui savoir*»²⁾.

Между тѣмъ, совсѣмъ уже одѣтый къ балу, я долженъ былъ отъ

¹⁾ Добрый графъ Литта очень плохъ, и императоръ намѣтилъ васъ для того, чтобы опечатать его бумаги въ случаѣ его кончины.

²⁾ Корфъ долженъ сдѣлать это; дайте ему знать.

Цѣпнаго моста ворочаться къ Новой Голландіи, гдѣ домъ гр. Литты, чтобы узнать всѣ подробности, и велѣлъ дать знать себѣ въ случаѣ кончины, а оттуда ѣхать опять къ Цѣпному мосту, т. е. перекрестить дважды весь городъ. Едва я пріѣхалъ на балъ и государь замѣтилъ меня, какъ и подозвалъ къ себѣ. Я разсказалъ ему всѣ подробности о больномъ, а онъ повторилъ мнѣ приказаніе, данное въ письмѣ:

— Особенно,—сказалъ онъ,—посмотри, не найдется-ли тамъ какихъ бумагъ покойнаго батюшки по бывшему мальтійскому ордену (гр. Литта былъ при Павлѣ Grand-Bailli ордена). En tous cas tenez vous pour dit de mettre les scellés sur tout, dès que vous apprendrez qu'il n'est plus¹⁾.

Вся эта бесѣда была милостива; но, несмотря на то, балъ былъ для меня,—какъ вѣроятно и для многихъ другихъ,—очень грустенъ: мы такъ привыкли видѣть гр. Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ, привѣтливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на его шахматную игру, за которою онъ проводилъ цѣлые вечера, любоваться его бодрою и свѣжею старостью,—что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно воображая его мученія. Я пріѣхалъ домой во второмъ часу, и пока по обыкновенію покурить и почиталъ въ постели, а потомъ отъ душевнаго волненія провалялся безъ сна, пробило уже и три часа. Въ началѣ шестаго вошли ко мнѣ съ запискою, въ которой одинъ изъ племянниковъ Литты, гр. Браницкій, извѣщалъ меня, что онъ умеръ въ 5 час., и приглашалъ тотчасъ пріѣхать для исполненія высочайшей воли. Вслѣдъ за мною пріѣхалъ туда и другой племянникъ покойнаго, кн. Юсуповъ, и мы тотчасъ принялись за дѣло; сперва запечатали кабинетъ, въ который снесли бумаги изъ всѣхъ другихъ комнатъ, а потомъ вскрыли и прочли тутъ же вмѣстѣ завѣщаніе, въ которомъ,—какъ извѣстно было,—содержалась воля покойнаго на счетъ его погребенія. Все это заняло нѣсколько часовъ, и я воротился домой уже въ исходѣ восьмага.

26-го января. Вчера не было у меня ни одной свободной минуты, и приходится уже разсказать сегодня покороче, чтобы не запустить происшествій.

Утромъ 24-го я отправился къ предсѣдателю, чтобы донести подробнѣе о всемъ бывшемъ, и нашелъ тамъ государя.

— Тебѣ немного пришлось спать сегодня,—сказалъ онъ,—ты, я думаю, съ бала пріѣхалъ прямо на похороны.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ считайте себя обязаннымъ опечатать все, лишь только вы узнаете, что онъ скончался.

Потомъ онъ разспрашивалъ, что мы нашли, и со всею подробностью рассказывалъ при мнѣ кн. Васильчикову содержаніе завѣщанія, которое уже было ему представлено. Родственники признали это нужнымъ потому, что графъ завѣщалъ похоронить себя сколько можно проще, безъ приглашеній и проч.; государь приказалъ исполнить въ точности его волю, изъявивъ впрочемъ увѣренность, что всѣ поспѣшатъ отдать ему послѣдній долгъ.

Завѣщаніе г. Литты состоитъ кратко въ слѣдующемъ: внукъ покойной жены своей, извѣстной графинѣ Самойловой, живущей уже давно за границею, онъ назначилъ 100 т. р.¹⁾ пожизненной пенсіи; затѣмъ опредѣлены единовременные капиталы: въ пользу тюремнаго общества 100 т. р. для ежегоднаго выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги; въ инвалидный капиталъ 100 т. р. для содержанія 10-ти инвалидов, преимущественно морской службы, въ которой самъ онъ долго служилъ, 10 т. р. для раздачи бѣднымъ въ день его погребенія; единовременныя выдачи, впрочемъ не выше 10 т. р. каждая, всѣмъ состоявшимъ съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и моему Никитину, который названъ въ духовной «*mon ami*»; единовременныя же выдачи и пенсіи всѣмъ находившимся при немъ людямъ²⁾, (напримѣръ, камердинеру 15 т. р. и 1.000 руб. пенсіи, наконецъ); значительныя денежныя donazioni въ пользу всѣхъ находящихся въ Россіи (кромѣ западныхъ губерній) католическихъ церквей. Затѣмъ все прочее несмѣтное состояніе: домъ со всею драгоценною движимостью, брилліантами, серебромъ, бронзами и проч., деревни и огромные капиталы, завѣщаны двумъ роднымъ племянникамъ его, Литтамъ, австрійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Миланѣ. Государь боялся, что это породитъ процессъ, потому что законы запрещаютъ иностранцамъ владѣть въ Россіи недвижимостью, а на покупку такого исполнскаго состоянія едва-ли найдутся охотники, но я думаю, что тутъ опасаться нечего, потому что у покойнаго было всего только 4 т. душъ, а все прочее заключается въ билетахъ и акціяхъ, сумма которыхъ впрочемъ достоверно не извѣстна. Тѣло, по завѣщанію, будетъ погребено въ Царско-сельской католической церкви, гдѣ лежитъ уже другая внучка покойнаго, графиня Ожаровская.

Покойный всю жизнь свою отличался непомѣрною скупостью. Характеристическій въ этомъ отношеніи анекдотъ случился и въ послѣднія его минуты. За часъ до его смерти, когда доктора объявили уже ему самому, что нѣтъ надежды на спасеніе и когда ожидали священника для исповѣди и причастія, онъ приказалъ засвѣтить для встрѣчи его

¹⁾ Ассигнаціями, какъ и всѣ нижеслѣдующія суммы.

²⁾ Которымъ сверхъ того отданы его экипажи и гардеробъ.

свѣчи въ проходныхъ комнатахъ; но едва кончился священный обрядъ и священникъ съ дарами удался, какъ графъ вспомнилъ о свѣчахъ, велѣлъ тотчасъ ихъ гасить, чтобы не горѣли понапрасну.

27-го января. Смертью гр. Литты открылись четыре вакансіи: оберъ-камергера, предсѣдателя попечительнаго комитета о богоугодныхъ заведеніяхъ, предсѣдателя комиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора и наконецъ предсѣдателя нашего (Государственнаго Совѣта) департамента экономіи.

Послѣднія двѣ вакансіи уже замѣщены.

Предсѣдателемъ исаакіевской комиссіи назначенъ министръ императорскаго двора кн. Волконскій, который былъ уже ея членомъ.

Назначеніе предсѣдателя департамента экономіи представляло болѣе трудностей и повлекло за собою множество переговоровъ и комбинацій, къ которымъ присоединились и комбинаціи предсѣдателя гражданскаго департамента, на мѣсто уволеннаго гр. Мордвинова. По соображеніямъ государя или, лучше сказать, кн. Васильчикова, одобреннымъ государемъ—на первое мѣсто предназначался гр. Левашовъ, зять Васильчикова, а на второе—старикъ Кушниковъ, стоящій уже одною ногою въ гробу, но для исполненія этой комбинаціи надлежало обойти гр. Строганова, который гораздо старѣе Левашова, и вступить въ переговоры съ Кушниковымъ, чтобы облегчить его въ другихъ занятіяхъ. Первое, т. е. благовидное устраненіе Строганова, принялъ на себя самъ Васильчиковъ, а послѣднее поручили мнѣ. Кончилось тѣмъ, что Строганова заставили добровольно отказаться отъ занятія мѣста Литты, испугавъ его тѣмъ, что онъ плохо знаетъ по-русски; что между тѣмъ ему—какъ старшему, придется предсѣдательствовать и въ общемъ собраніи, въ случаѣ отлучки или болѣзни предсѣдателя, и пр. Кушниковъ съ своей стороны принялъ сдѣланное ему предложеніе съ восторгомъ, но не пожелалъ отказаться отъ званія предсѣдателя въ Опекунскомъ совѣтѣ, какъ о томъ ему предлагали, а вмѣсто того предложилъ сложить съ себя званіе предсѣдателя комиссіи прошеній, тѣмъ болѣе, что по общему порядку многія дѣла переходятъ изъ нея именно въ гражданскій департаментъ. Родившійся отъ этого новый вопросъ: кому быть предсѣдателемъ комиссіи прошеній, кн. Васильчиковъ разрѣшилъ съ необыкновенною для него быстротою, предложивъ на это мѣсто новаго нашего члена Тучкова, котораго никто еще не знаетъ и который можетъ многихъ изъ нынѣшнихъ членовъ комиссіи. Обо всемъ этомъ указы сегодня уже подписаны.

Вчера былъ выносъ тѣла гр. Литты изъ дому въ католическую церковь, при которомъ находился и государь, а сегодня торжественное его отпѣваніе, гдѣ были всѣ, кого можно только себѣ представить. Со-

гласно волѣ покойнаго пригласительныхъ билетовъ ни къ кому разсылаемо не было, гробъ простой, церковь не была обита чернымъ, и вообще весь парадъ состоялъ только въ соборномъ служеніи и многочисленномъ собраніи знати, между которою было и много дамъ.

Сожалѣніе о кончинѣ гр. Литты общее, не какъ о государственномъ человѣкѣ, каковымъ онъ не былъ, а какъ о привѣтливомъ, обходительномъ и пріятномъ вельможѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность всѣхъ салоновъ большаго свѣта.

3-го февраля. Вчерашній маскарадъ у графа Левашова былъ столько же роскошенъ, сколько блистателенъ. Сначала между толпами кавалеровъ и дамъ въ разнохарактерныхъ костюмахъ явилось и нѣсколько дамъ въ маскахъ, которыя по обыкновенію интриговали мужчинъ. Мы всѣ были въ цвѣтныхъ фракахъ, безъ масокъ, но и безъ лентъ, въ домино, дававшихъ намъ видъ нѣмецкихъ пасторовъ, или какихъ-то Донъ-Базиліевъ съ круглыми шляпами, которыхъ однако никто не надѣвалъ. Военные были тоже всѣ въ домино, и въ этомъ видѣ оставались мы цѣлый вечеръ, и танцующіе, и играющіе, и простые зрители. Послѣ первой французской кадрили музыка заиграла вдругъ опять польское, и явилась особая императрицина кадрили. Императрица шла въ великолѣпнѣйшемъ новогреческомъ (албанскомъ) костюмѣ, въ предшествіи восьми паръ, одѣтыхъ въ такой же костюмъ— всѣ безъ масокъ. Пары эти составляли, сверхъ великой княжны Маріи Николаевны, фрейлины и молодые камеръ-юнкеры и камергеры.

Въ этомъ полуфантастическомъ нарядѣ, съ распущенными волосами, съ фесками, въ короткихъ платьяхъ съ обтянутыми ножками, залитыя золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями,— всѣ казались красавцами и красавицами. Протанцовавъ первую кадрилию особо, эти избранные смѣшались потомъ съ толпой, и танцы продолжались отъ девятаго часа до третьяго.

Ужинъ для мужчинъ былъ въ прелестной оранжереѣ, чудесно освѣщенной, гдѣ игралъ особый хоръ музыки. Весь праздникъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, видъ оригинальности, которымъ отличался отъ обыкновенныхъ, однообразныхъ нашихъ баловъ, хотя можно себя представить, какихъ огромныхъ издержекъ стоила вся эта роскошь не столько еще для хозяина, сколько для гостей. Кромѣ особъ царской фамиліи всѣхъ великолѣпнѣе были одѣты: супруга англійскаго посла маркиза Кленрикардъ, сардинскаго—графиня Росси (бывшая знаменитая актриса и пѣвица Зонтагъ), жена церемоніймейстера Всеволожскаго, красавица, Криднеръ. Прелестны также были четыре древнегреческія дѣвы: графиня Аннета Бенкендорфъ ¹⁾, княжна Щербатова ²⁾, Карамзина и жена

¹⁾ Послѣ вышла замужъ за графа Аппони.

²⁾ Вышла послѣ за старшаго сына кн. И. В. Васильчикова.

флигель-адъютанта Толстаго (урожденная Бенкендорфъ). Особенно первыя три—близкою и изяществомъ формъ, казались настоящими изваяніями древнихъ художниковъ.

11-го февраля. Сегодня Сперанскій очень плохъ, чрезвычайно плохъ, почти уже безнадеженъ. Ночью произошелъ переломъ въ бо-
лѣзни, повергшій его въ чрезвычайную слабость, начали дѣлаться страшныя приливы крови въ голову и отъ слабости отнялся языкъ. Во второмъ часу утра, когда я тамъ былъ, употребляли послѣднія средства: облѣпили его горчицей и шпанокими мухами, поставили за уши пиявки и обложили голову льдомъ. Доктора объявили, что мало надежды.

Сейчасъ (три четверти восьмага) прискакали сказать мнѣ, что все кончилось.

12-го февраля. Свѣтило русской администраціи угасло. Сперанскій былъ, конечно, гений въ полномъ смыслѣ слова, гений съ недостатками и пороками, безъ которыхъ никто не бываетъ въ бѣдномъ нашемъ человѣчествѣ, но едва-ли не превзошедшій всѣхъ прежнихъ государственныхъ людей нашихъ,—если въ прибавокъ къ великому уму его взять огромную массу его свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ. Имя его глубоко врѣзалось въ исторію. Сперва ничтожный семинаристъ, потомъ всемогущій временщикъ, знаменитый изгнанникъ, возставшій отъ паденія съ неувыдшими силами, наконецъ, бессмертный зиждитель Свода (Законовъ), столь же исполнскаго въ мысли, какъ и въ исполненіи,—онъ и гениемъ своимъ, и чудными своими судьбами сталъ какимъ-то гигантомъ надъ всѣми современниками. Кончина его есть историческое событіе и вмѣстѣ бѣдствіе государственное. Многое въ его жизни осталось неразгаданнымъ, непонятымъ; иное объяснять намъ можетъ быть оставшіеся послѣ него мемуары, существованія которыхъ я никогда не подозрѣвалъ, но которые вчера впдѣлъ собственными глазами. Жизнь Сперанскаго, описанная перомъ Сперанскаго—можетъ-ли быть что-нибудь любопытнѣе?

И сколько съ этой горестною кончиною разрушилось частныхъ надеждъ, сколько уничтожилось будущностей! Сколько молодыхъ и старыхъ, начинающихъ только и продолжающихъ свою карьеру, ожидало отъ Сперанскаго всего, всего! И кто послѣ Сперанскаго съ равною силой, съ равнымъ краснорѣчіемъ, будетъ возвышать свой голосъ въ царской думѣ, кому завѣщалъ онъ свое золотое перо, свой увлекательный даръ слова, свое мастерство въ улаживаніи и разсѣченіи самыхъ запутанныхъ трудныхъ государственныхъ вопросовъ! Правящій долж-
ность статсъ-секретаря въ нашемъ департаментѣ законовъ, Теубель,

человѣкъ съ отличными дарованіями, но совершенно эксцентрическій, не уважающій ни чьихъ достоинствъ, не отдающій никому справедливости,—въ отвѣтъ на записку, которою я увѣдомлялъ его сегодня о кончинѣ Сперанскаго, пишетъ мнѣ: «Я уже успѣлъ узнать незамѣнимую и особенно для насъ несчастную потерю сегодня по утру. Не смѣю сравнивать себя въ чувствахъ скорби съ тѣми, которые могли имѣть лично близкія къ покойному отношенія, но какъ служащій, никто, безъ сомнѣнія, глубже меня не былъ пораженъ этимъ гибельнымъ случаемъ. Богъ пусть судить, что теперь будетъ съ департаментомъ за-коновъ».

Въ домѣ Сперанскаго я нашелъ плачъ и стонъ. Дочь его (единственная), жена сенатора Багрѣва, и дѣти ея утопали въ слезахъ; люди тоже. Въ одной комнатѣ торговались съ гробовщикомъ, а въ другой—приготовляли столъ для послѣдняго ложа; въ третьей—снимали съ покойнаго маску для бюста и слѣпокъ съ рукъ его,—прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть. На умномъ значительномъ лицѣ его, нисколько не обезображенномъ предсмертными страданіями, запечатлѣлась глубокая дума, какъ будто выспренный духъ его не улетѣлъ еще въ безвѣстныя предѣлы!

— Онъ умеръ какъ праведникъ, а теперь лежитъ какъ будто спящій святой,—шепнулъ подлѣ меня кто-то изъ людей.

Я плакалъ горько и долго, долго не могъ отойти отъ этого величественнаго трупa. И во мнѣ плакало какое-то двойное чувство: чувство осиротѣвшаго сына русской земли, и чувство привязанности къ человѣку, съ которымъ тринадцать лѣтъ состоялъ я въ ближайшихъ связяхъ,—къ истинному творцу моей карьеры: не знаю, которое плакало больше.

13-го февраля. Тѣло покойнаго вчера еще было положено въ гробъ; вчера же приготовлена траурная комната, учреждено дежурство, и начались торжественныя панихиды по два раза въ день. Народу тутъ всегда множество, но болѣе второстепеннаго. Знать и вельможи наши не любятъ гробовъ и напоминанія смерти. Вообще Сперанскій былъ бѣденъ друзьями: онъ имѣлъ множество поклонниковъ, множество почитателей, можетъ быть столько же враговъ; но свойство его характера дѣлало его малоспособнымъ къ истинной дружбѣ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ состоялъ въ особенно тѣсной связи только съ покойнымъ княземъ Кочубеемъ и съ нашимъ Васильчиковымъ; но въ первомъ—онъ всегда видѣлъ болѣе бывшаго начальника, содѣйствовавшаго блистательнымъ его успѣхамъ, а надъ вторымъ всегда чувствовалъ далекое свое превосходство. Я думаю, что они любили и уважали его болѣе, чѣмъ онъ ихъ; но истинной дружбы и тутъ не было, потому что я не-

рѣдко имѣлъ случай слышать взаимныя обоюдныя ихъ нареканія. Въ семействѣ и вообще въ домашней жизни онъ былъ обожаемъ по ровному, кроткому, незлобивому своему характеру; столько же бы онъ былъ любимъ и своими подчиненными, если бы было въ немъ—болѣе прямодушія.

Въ день кончины Сперанскаго параличъ разбилъ другаго новаго нашего предсѣдателя Кушниковъ, далеко отстоящаго отъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ умственныхъ, но всѣми любимаго старца. Онъ въ памяти, но жизнь его въ величайшей опасности. Вчера онъ исповѣдывался и приобщался; сегодняшнія извѣстія очень нехороши. Въ роковой день, 11-го февраля, увидѣвъ Арендта, онъ спрашивалъ: каковъ Сперанскій и на отвѣтъ его, что очень худъ, съ чувствомъ проговорилъ:

— Ахъ, Николай Ѳеодоровичъ, бросьте меня и идите спасать его: я человѣкъ обыкновенный, какихъ много у государя, а другаго Сперанскаго нѣтъ!

Въ этотъ же день, посреди всѣхъ печалей случился истинно комическій анекдотъ. Нашъ фізіономистъ Лемольтъ, котораго позвали снимать бюстъ съ скончавшагося Сперанскаго, услышавъ ошибочно, что умеръ и Кушниковъ (живущій очень близко къ дому Сперанскаго), рассудилъ, на всякій случай, заѣхать по дорогѣ и къ нему. И вдругъ, глупые люди Кушниковъ докладываютъ ему самому, что пріѣхалъ какой-то французъ снимать съ него маску!

14-го февраля. Сегодня въ 1-мъ часу послѣ полудня скончался и добрый нашъ старикъ Кушниковъ. И такъ, съ 24-го января по 14-е февраля мы потеряли трехъ предсѣдателей, всего же съ апрѣля прошлаго года, т. е. въ десять мѣсяцевъ, умерло восемь членовъ Совѣта, почти по одному на мѣсяцъ, именно: графъ Новосильцовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Родофиникинъ, Нарышкинъ, князь Ливень, графъ Литта, графъ Сперанскій и Кушниковъ,—въ томъ числѣ шесть Андреевскихъ кавалеровъ. Настоящее моровое повѣтріе!

16-го февраля. Вчера происходило торжественное погребеніе графа Сперанскаго въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи государя императора и великаго князя Микла Павловича, со всею добавшей высокому сану его почестью. Священный обрядъ совершалъ кievскій митрополитъ Филаретъ, котораго покойный очень любилъ и уважалъ. Государь и великій князь пріѣхали только въ церковь и на дому не были, но провожая гробъ изъ церкви до могилы на новомъ

кладбищѣ и тутъ оставались до первой горсти земли, посыпанной на гробъ.

Сегодня я посѣщалъ оставшуюся дочь (Багрѣву), которая подарила мнѣ карандашъ и листикъ бумажки. Карандашъ есть послѣдній, которымъ писалъ покойный при своей жизни; листикъ бумажки тоже содержитъ въ себѣ одно изъ послѣднихъ начертаній его руки; это сравнительная вѣдомость суммамъ, которыя правительство издерживало ежегодно на пенсіи съ 1823 по 1837 годъ.

У меня сохранилось сверхъ этого множество собственноручныхъ записокъ ко мнѣ покойнаго, которыя я теперь буду хранить какъ заветное сокровище.

Сегодня я былъ на панихидѣ у С. С. Кушника. Зала, великолѣпно убранная, великолѣпно освѣщенная и почти пустая. Наканунѣ его кончины, когда была еще надежда на выздоровленіе, я нашелъ переднюю его набитою множествомъ лицъ первой руки, и всякую минуту останавливались у подъѣзда кареты...

17-го февраля. Теперь происходятъ въ Петербургѣ обыкновенные трехлѣтніе выборы дворянства. Между выборными должностями есть нѣсколько членовъ совѣта кредитныхъ установленій,—званіе, въ которое выбираются дворяне болѣе для почета.

Вчера въ списокѣ кандидатовъ въ эту должность предложенъ былъ и извѣстный статсъ-секретарь Позень; но забаллотированъ 160-ю шарами противъ 40-ка. Исторія его несложная, но интересная.

Поступивъ на службу сперва въ министерство финансовъ, онъ долго тамъ прозябалъ незамѣченный, хотя товарищи и ближайшіе начальники умѣли уже оцѣнить его отличныя дарованія.

Потомъ взялъ его къ себѣ нынѣшній военный министръ гр. Чернышевъ, и тутъ въ самое короткое время онъ умѣлъ сдѣлать самую блистательную карьеру.

При тонкомъ умѣ, живомъ воображеніи и хорошемъ перѣ онъ тотчасъ завладѣлъ Чернышевымъ, умѣлъ приобрести всю его довѣренность и еще въ среднихъ чинахъ былъ употребляемъ ко всѣмъ важнѣйшимъ мѣрамъ и особенно ко всѣмъ новымъ предположеніямъ по военному министерству, и потомъ, сопутствуя нѣсколько разъ государю въ его путешествіяхъ, самъ объявлялъ уже высочайшія повелѣнія гр. Чернышеву. Въ 1834 г., когда я былъ перемѣщенъ въ государственные секретари, онъ стоялъ уже на такой степени, что вмѣстѣ съ директоромъ канцеляріи военнаго министерства Брискорномъ былъ предположенъ государемъ кандидатомъ на мое мѣсто въ управляющіе дѣлами Комитета министровъ, но Чернышевъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ обойтись ни безъ того, ни безъ другаго, и тогда взяли Бахтина, служившаго при

кн. Меншиковъ. Но когда, года черезъ два послѣ того, Бахтинъ былъ пожалованъ по мѣсту своему въ статсъ-секретари, то Чернышевъ потребовалъ этого же званія и для Брискорна и Позена, подъ благовиднымъ предлогомъ, что оба они не получили мѣста управляющаго дѣлами Комитета потому лишь, что были необходимы въ настоящихъ должностяхъ, и не должны отъ этого терпѣть.

Ходатайство его было уважено государемъ, и Позень былъ тогда на апогеѣ милости и силы.

Оставайся онъ при одной службѣ, и можетъ быть эта милость и сила сохранились бы и росли по-прежнему; но онъ вздумалъ сдѣлаться богатымъ—и этого завистливая толпа уже не вытерпѣла. Еще въ меньшее время, чѣмъ ему нужно было для созданія своей карьеры, онъ создалъ себѣ огромное состояніе. По словамъ его—которые и мнѣ кажутся правдоподобными,—ему посчастливилось нѣсколько смѣлыхъ спекуляцій, участіе въ золотыхъ промыслахъ, въ винныхъ откупахъ и пр. Но многочисленные враги и завистники тотчасъ обратили обогащеніе его въ сильнѣйшее противъ него орудіе, приписали оное злонамѣренному употребленію власти, нашли неприличіе даже въ тѣхъ его операціяхъ, которыя общее мнѣніе дозволяетъ каждому и, не успѣвъ повредить репутаціи его ума и дарованій, успѣли очернить его характеръ, не только въ глазахъ публики, но и самого государя, котораго милость къ нему съ тѣхъ поръ быстро уменьшилась.

Неудача при выборахъ не пройдетъ безъ вредныхъ для него послѣдствій, ибо услужливые люди не оставятъ разблаговѣстать это въ городѣ и довести до свѣдѣнія государя. Теперь онъ давно уже не сопровождаетъ государя въ путешествіяхъ и вмѣстѣ съ милостію царскою потерялъ почти и весь вѣсъ у Чернышева, который столькимъ ему обязанъ. Обезпечивъ свое состояніе, Позень давно уже поговариваетъ объ отставкѣ: исполнить-ли онъ это намѣреніе не знаю; но ясно, что блистательная его карьера кончилась и,—при томъ гнусномъ свѣтѣ, который набросили на него клевета и злословіе, не возсіяетъ уже никогда солнце милости. Я съ моей стороны считаю Позена,—и по видѣннымъ не разъ мною опытамъ,—человѣкомъ добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ.

25-го февраля. Для разбора бумагъ покойнаго гр. Сперанскаго назначена коммиссія изъ бывшаго министра юстиціи Дашкова, статсъ-секретаря Тягѣва и меня. Вчера мы приступили къ дѣлу вскрытіемъ печатей и отдѣленіемъ всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя съ перваго взгляда оказались совершенно частными и принадлежащими въ возвратъ семейству. Прочія, признанныя нами «provisoirement» казенными, но изъ которыхъ многія вѣроятно окажутся тоже частными, мы беремъ

къ себѣ для подробнаго разбора и описи. Жатва богатая, но однако не въ той степени, какъ можно было заключать по слухамъ и даже по предварительному предположенію государя.

1-го марта. Всѣ эти дни я занимался съ большимъ напряженіемъ разборомъ бумагъ Сперанскаго: раскладывалъ, читалъ и—благоговѣлъ передъ этимъ перомъ, этой бездной учености, этимъ необъятнымъ трудолюбіемъ, этимъ энциклопедическимъ умомъ! Чего тутъ нѣтъ, начиная отъ высшихъ философическихъ истинъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ мистицизма: исторія, религія, филологія, классическія и религіозныя древности, законодательство въ теоріи и практикѣ, администрація, финансы,—о всемъ тутъ есть не только матеріалы, не только отрывочныя замѣтки, но и полныя разсужденія и цѣлыя книги. И все это своею рукою и такимъ языкомъ, какимъ никто никогда не писалъ у насъ о подобныхъ предметахъ. И какъ интересна частная его переписка съ значительнѣйшими государственными людьми и учеными его вѣка. И сколько въ другихъ бумагахъ любопытнаго матеріала для его біографіи. Но настоящихъ мемуаровъ не нашлось: тѣ, что я принялъ за нихъ, оказалось краткими, къ сожалѣнію слишкомъ краткимъ дневникомъ съ 1821 по 1824 г. включительно: почти одно оглавленіе.

10-го марта. Я сказывалъ уже, что частная переписка Сперанскаго представляетъ большой и многосторонній интересъ: это живая панорама дѣлъ и людей того времени, когда Сперанскій былъ въ отлучкѣ, ибо по возвращеніи его сюда, тѣ письма, которыя онъ получалъ изъ губерній, не имѣютъ уже того общаго интереса. Все это государь приказалъ возвратитъ семейству; но покаместъ оканчивается разборъ другихъ бумагъ, письма остаются у меня. Не позволяя себѣ извлекать изъ нихъ ничего, могущаго нарушать священную письменную тайну, даже и за отдаленное время, я выпишу здѣсь только кое-что, относящееся не къ поименованнымъ лицамъ, а къ людямъ вообще и къ дѣламъ ¹⁾).

Отъ кн. Кочубея 4-го января 1821 г. «Бывъ нѣкоторое время въ отлучкѣ и не находясь въ столь непосредственныхъ отношеніяхъ къ дѣламъ, я не воображалъ себѣ, чтобы въ семъ (въ улучшеніяхъ по внутреннему положенію государства) была столь настоятельная необходимость.

«Перемена во всемъ съ 1812 г. удивительная! Какое приняло на-

¹⁾ Выписки расположены не въ хронологическомъ порядкѣ; но мы оставляемъ ихъ такъ, какъ помѣщены онѣ въ дневникѣ М. А. Корфа.

правленіе публичное мнѣніе! Какія требованія или претензіи! Но при томъ какой недостатокъ знаній и какая трудность искать людей, сколько-нибудь образованныхъ.

«Усердіе мое томилось непрестанно. Нѣтъ никакой помощи. Извелись чиновники; правила забылись; однимъ словомъ, нѣтъ никакого удовольствія, а трудовъ бездна. По своему министерству (внутреннихъ дѣлъ) сузу и о прочихъ, хотя впрочемъ министръ финансовъ запасся людьми лучшими, дѣлами части его управляющими. Но если бранятъ нерѣдко всѣхъ министровъ и довольно непристойно, то нѣтъ уже никакой мѣры въ запальчивости противъ министра юстиціи. Можетъ быть, Сенатъ ведетъ дѣла свои и не хуже, но симъ недоволенъ: надобно, говорятъ, чтобы все шло лучше. Однимъ словомъ, труда вышему правительству предстоитъ премного».

Его же 3-го апрѣля 1820 г. «Мнѣ кажется, что всѣмъ намъ должно думать не о томъ, какъ прежде лѣтъ за 50 было, но какъ сообразно направленію умовъ и вѣку расположиться должно, чтобы отвратить бѣдствія, коими болѣе или менѣе всѣ правительства угрожаемы быть могутъ. Я знаю, что мы менѣе другихъ подвержены опасностямъ; что мы можемъ даже дѣлать и зло безъ вредныхъ для правительства послѣдствій; но однако жъ и у насъ гораздо болѣе нынѣ смѣютъ требовать отъ правительства, гораздо болѣе и гласнѣе смѣютъ хулить его. И у насъ здѣсь много болтаютъ о конституціи и пр. Молодыхъ людей множество заражено полупонятіями о законодательствѣ и пр. Я не сомнѣваюсь, что все обойдется у насъ хорошо; тѣмъ не менѣе однако желаю искренно, чтобы сдѣланъ былъ приступъ къ установленію лучшаго во всѣхъ частяхъ порядка».

Изъ того же письма. «По мѣрѣ расположенія сего (государя Александра къ возвращенію Сперанскаго) обращаются уже всѣ желанія наружныя къ возвращенію вашему, къ прочному вашему въ дѣлахъ водворенію. Я вижу тѣхъ, кои самому мнѣ утверждали, что вы не вѣруете въ Христа и что всѣ ваши распоряженія клонились къ пагубѣ отечества и пр., утверждающихъ нынѣ, что правила ваши христіанскія перемѣнились и что и понятія ваши даже о дѣлахъ управленія не суть прежнія. Несчастіе заставило васъ размышлять и пр. Многіе забываютъ ко мнѣ спрашивать, будетъ-ли М. М. сюда? Какъ вы думаете: надобно бы обратить стараніе къ тому, чтобы его вызвали и пр. На все сіе отвѣтъ мой: не знаю, хорошо бы было и т. д.

«Знаете-ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мѣрѣ. но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько-нибудь насъ возвышающихъ. Я до ссылки вашей жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе

или менѣе казалось, что люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ; но тутъ я увидѣлъ, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое и говорятъ не краснѣя и смотря вамъ въ глаза, какъ бы ничего не бывало. Признаюсь, омерзѣніе мое превышаетъ мѣру и, при слабости здоровья моею, имѣеть конечно нѣкоторое надъ онымъ вліяніе».

Отъ кн. А. Н. Голицина 22-го апрѣля 1819 г. «Государь императоръ, видя изъ отвѣта вашего къ гр. Аракчееву предположеніе ваше о мнѣніи публики на счетъ вашего назначенія, поручилъ мнѣ васъ удостовѣрить, что оное произвело вообще хорошее дѣйствіе.

«Иные приписывали отличной довѣренности къ вамъ порученіе края, столь требующаго всего вниманія государя по многимъ отношеніямъ; другіе находили, что сіе назначеніе будетъ имѣть для сибирскихъ губерній самыя благодѣтельныя послѣдствія. Въ разсужденіи же просьбы вашей объ отпускѣ, мало и знала объ ней, ибо она прислана была отъ васъ къ гр. Вязмитинову, а имъ доставлена прямо къ его величеству».

О. П. Козодавлева 30-го іюня 1819 г. «Знаете-ли вы, какая рѣдкость при опредѣленіи васъ сибирскимъ начальникомъ случилась? Всѣ были онымъ довольны; никто въ томъ правительству не упрекалъ, оно попало на общее мнѣніе»....

«Вы пишете, что въ Сибири ничего не читая можно заржавѣть. Сіе въ Сибири такъ, какъ и вездѣ. Здѣсь многіе и весьма многіе ржавчиной проворяли».

Отъ самого Сперанскаго кн. Кочубею 21-го сентября 1818 г. (Когда онъ былъ еще пензенскимъ губернаторомъ).

«При самомъ отправленіи вашемъ изъ Петербурга въ письмахъ къ его величеству и особенно гр. Аракчееву я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности присовокуплялъ я другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже именно выбрали худшее и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми, и, чтобы довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ.

«Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коними появился я въ губерніи. По счастью и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія.

«Ихъ совѣтами и ихъ сильной помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ и хотя вошелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и приобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность. Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Д. А. (Гурьевъ) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился: по его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ испрошенной, и земли въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣтилъ ничего кромѣ пріятнаго. Его величество сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независащемъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ.

«Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія»...

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобы сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяцъ или два въ Петербургѣ единственно для того, чтобы заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось».

Отъ него же къ О. П. Козодавлеву 5-го ноября 1818 г. «Въ положеніи моемъ трудно оградиться отъ навѣтовъ. Къ сему сдѣлана уже привычка.

«Привыкли, напримѣръ, какъ слышу, и теперь еще продолжаютъ судить о мнѣ по извѣстіямъ, изъ Симбирска привезеннымъ. (Тамъ былъ въ то время Магницкій, удаленный вмѣстѣ съ Сперанскимъ). Но товарищъ мой въ несчастіи никогда не былъ мнѣ товарищемъ ни въ образѣ мыслей, ни въ поступкахъ и безъ большаго самолюбія, смѣю думать, что сіе сліяніе столько же само по себѣ странно, какъ и несправедливо».

14-го марта. Вчера я обѣдалъ у очень достойнаго человека, полковника Ростовцева ¹⁾, адъютанта великаго князя Михаила Павловича и вмѣстѣ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, весьма многимъ ему обязанныхъ. Хотя Ростовцевъ женатъ, но обѣдъ былъ холостой. Въ немъ участвовали статсъ-секретари Позень, Бри-скорнъ и Бахтинъ, начальникъ штаба артиллерійскаго кн. Долгоруковъ, генераль-аудиторъ Ноинскій, директоръ канцеляріи министра финансовъ Княжевичъ. Ростовцеву пріятели его заказали совершенно русскій обѣдъ, который былъ очень недуренъ; но чтобы и вино шло въ тотъ же тонъ, на бутылкахъ съ лучшими сортами французскихъ

¹⁾ Якова Ивановича, впоследствии графа.

винъ вывѣшены были ярлыки: «сантуринское, крымское и пр.», на водкѣ «ерофейчъ, пѣнникъ».

16-го марта. Киселевъ (Павель Дмитріевичъ), который читаль письмо Ермолова, сказывалъ мнѣ, что въ немъ, между прочимъ, Ермоловъ изъясняетъ удивленіе свое «благости царя, уполномочивающаго нѣсколько избранныхъ лицъ въ составъ Совѣта разбирать и измѣнять существующіе законы и составлять новые, предоставляя себѣ одно утвержденіе ихъ мнѣнія». Отвѣтъ ему сдѣланъ не черезъ гр. Бенкендорфа, а черезъ военнаго министра, и довольно колко. Тамъ сказано, между прочимъ, что государь выбралъ его въ члены Совѣта, имѣвъ въ виду, что онъ долгое время управлялъ обширнымъ и важнымъ краемъ и предполагая поэтому въ немъ соединеніе свѣдѣній и опытности по всѣмъ частямъ администраціи и законодательства; но какъ теперь онъ самъ сознается, что не имѣетъ нужныхъ для сего званія способностей, то государь и предоставляетъ ему полную свободу—присутствовать или не присутствовать въ Совѣтѣ и пр.

20-го марта. Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣшній военный министръ), страшный охотникъ хвастать своими прежними воинскими подвигами и рассказывать ихъ всякому, кто готовъ слушать, а слушателей, при теперешней его силѣ, разумѣется, пропасть. Эту страсть онъ привилъ и женѣ своей (урожденной гр. Зотовой), которая сдѣлалась, такимъ образомъ, большою распространительницей военной славы своего супруга. На-дняхъ былъ у нихъ небольшой вечеръ. Въ одномъ углу графъ игралъ въ вистъ. Въ другомъ—графиня, въ кругу усердныхъ слушателей, трактовала любимую свою матерію. Недалеко отъ нихъ стоялъ кн. Меншиковъ, столько же острый, сколько колкій и злоязычный. Вдругъ графиня среди своего рассказа забыла имя города (Кассель), взятаго ея мужемъ во французскую кампанію. «*Mais voilà le P-se Menchikoff, qui nous tirera d'embarras; dites nous donc le nom de la ville qui avait été prise par Alexandre?*»—«*Mais c'est Babilone, Madame*».—«*Eh non, c'était encore quelque autre chose!*»¹⁾.

29-го марта. Вчера я обѣдалъ у М. В. Гурьева въ довольно многочисленной компаніи, которую потѣшалъ своими рассказами генералъ путей сообщенія Дестремъ, французъ, столько же извѣстный своимъ остроуміемъ и ученостью, сколько, впрочемъ, и хвастливостью.

¹⁾ „Вотъ князь Меншиковъ насъ выручитъ; скажите намъ названіе города, взятаго Александромъ“.—„Но вѣдь это Вавилонъ“.—„Нѣтъ, это что-то другое“.

Вчера главный предметъ его разсказовъ составляла ссылка въ 1812 году. Въ числѣ многихъ французовъ, которые тогда удалены были изъ Петербурга безъ всякой другой причины, кромѣ общаго подозрѣнія въ непріязни къ Россіи, находились и четыре воспитанника Парижской политехнической школы, перезванные на нашу службу и имѣвшіе уже тогда у насъ майорскій чинъ: Дестремъ, Базенъ, Потье и Фабръ,—люди, которые впоследствии всѣ пріобрѣли себѣ имя и общую извѣстность на своемъ поприщѣ. Они отправлены были сперва въ Ярославль, а оттуда прямо въ Иркутскъ, гдѣ и прожили два года восемь мѣсяцевъ, подъ самымъ строгимъ надзоромъ съ запрещеніемъ выходить изъ дому и принимать кого-нибудь къ себѣ. Единственное утѣшеніе ихъ было взаимное сообщество, потому что ихъ заключили всѣхъ вмѣстѣ и занятіе науками. Тамъ же Дестремъ выучился по-русски и теперь можетъ поспорить въ знаніи нашего языка со многими изъ насъ. Тогдашній иркутскій губернаторъ Трескинъ, котораго Дестремъ называетъ чудовищемъ (послѣ онъ былъ за разныя преступленія подъ судомъ и разжалованъ, увеличивалъ еще ихъ страданія самыми деспотическими и превосходившими даже его инструкцію притѣсненіями. Наконецъ, когда они потеряли уже всякую надежду оставить въ жизни своей Иркутскъ, имъ вдругъ объявлена была свобода, съ правомъ возвратиться къ службѣ своей въ Петербургъ. Эту сцену описываетъ Дестремъ самымъ комическимъ образомъ. Городничій явился къ нимъ рано утромъ съ объявленіемъ, что «принесъ имъ радостную вѣсть». Въ ту минуту, какъ, читая принесенную имъ бумагу, они впали въ нѣмое оцѣпенѣніе восторга и потомъ бросались другъ другу на шею,—городничій съ таинственнымъ видомъ провозгласилъ, что имѣетъ объявить имъ «еще другую радостную вѣсть». Въ избыткѣ своего счастья, они не могли вообразить себѣ такой вещи, которая могла бы еще его увеличить. Между тѣмъ, эта радостная вѣсть состояла въ томъ, что «г. губернаторъ проситъ ихъ къ себѣ отобѣдать». *Si non vero, e ben trovato.*

12-го апрѣля. На счастье Блудова, ему даны отлично надежные помощники въ министерствѣ юстиціи. Черезъ назначеніе Дегаля статсъ-секретаремъ и Веймарна оберъ-прокуроромъ I департамента Селата, въ департаментѣ министерства юстиціи открылись вакансіи директора и вице-директора. Теперь помѣщены: на первую—оберъ-прокуроръ Давзасъ, а на послѣднюю—бывшій въ послѣднее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ Пальчиковъ—оба люди умные, образованные, отличныхъ правилъ, служившіе долго въ губерніяхъ и пріобрѣтшіе большую опытность, а что всего важнѣе, люди съ твердымъ характеромъ. Оба они учились въ лицей и вышли черезъ три года

послѣ меня (второй выпускъ 1820 г.), такъ что они не только теперь товарищи между собою по службѣ, но и бывшіе товарищи по школѣ.

На-дняхъ кн. Паскевичъ принималъ меня съ бумагами по-домашнему: на немъ сперва фланелевая фуфайка, потомъ мѣховая и, наконецъ, сверхъ всего, еще шелковый камзолъ на ваткѣ, чѣмъ и оканчивается верхній туалетъ. Ноги его покоятся въ огромномъ мѣховомъ мѣшкѣ. И все это въ комнатѣ, гдѣ температура безъ того выше обыкновенной. Онъ говоритъ, что взялъ привычку къ такой теплой одеждѣ за Кавказомъ, гдѣ она предохраняетъ отъ вѣшней жары, а теперь продолжаетъ употреблять ее въ предосторожность отъ простуды. Адъютанты сказывали мнѣ, что во всякую свободную минуту и по нѣскольку разъ въ день онъ ложится на диванъ, и тогда покрываютъ его шубами, а къ ногамъ прикладываютъ горячіе кувшины.

Фамилія графовъ Віельгорскихъ (или какъ ихъ у насъ зовутъ Велегурскихъ) издавна очень приближена ко двору: сынъ одного изъ нихъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ ¹⁾, и вообще они пользуются самой особенной милостью какъ государя, такъ и императрицы. Одинъ изъ нихъ, Матвѣй, любимый еще болѣе другаго (Михаила), теперь въ должности шталмейстера у великой княжны Маріи Николаевны и вмѣстѣ директоромъ одного изъ департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но какъ съ наступающимъ бракомъ великой княжны первая должность изъ синекуры обратится въ дѣйствительную и при томъ довольно заботливую, то Віельгорскій и принужденъ оставить послѣднюю. Гр. Нессельродъ, докладывая объ этомъ государю, испрашивалъ Віельгорскому награду; но государь никакъ на это не хотѣлъ согласиться.

— Я слишкомъ люблю Віельгорскаго, и потому подумають, что дамъ ему награду изъ пристрастія.

Не смотря на всѣ убѣжденія Нессельрода и на отличное его засвидѣтельствованіе о службѣ Віельгорскаго, государь остался непреклоненъ.

— Пусть еще послужитъ и заслужитъ,—былъ его отвѣтъ.

Итакъ, Віельгорскому за то, что государь особенно къ нему расположенъ, приходится пробыть еще нѣсколько времени въ обѣихъ должностяхъ. Вѣроятно, что государь отсрочиваетъ его награду до свадьбы ²⁾.

¹⁾ Почти въ то самое время, какъ я писалъ сіи строки, этотъ молодой человекъ умеръ въ Римѣ.

²⁾ И точно: въ день брака онъ получилъ ленту Станислава. Но съ тѣхъ поръ и посыпались уже на него награды, не по примѣру, а не въ примѣръ другимъ.

13-го апрѣля. Сегодня первый, нѣсколько весенній день. На солнцѣ 16°, а въ тѣни и въ воздухѣ есть уже что-то ароматическое. Ледъ на улицахъ однако не вездѣ еще стаялъ, особенно на сторонѣ къ сѣверу его очень много, а грязи еще болѣе.

Умеръ еще одинъ нашъ членъ, бывшій андреевскимъ кавалеромъ, Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, человѣкъ добрый и почтенный. Онъ уже лѣтъ шесть или семь удалился совсѣмъ отъ дѣлъ и хотя числился еще въ нашихъ спискахъ, но постоянно жилъ въ Москвѣ. Я состоялъ съ нимъ нѣкогда въ ближайшемъ соотношеніи, потому что онъ былъ председателемъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ въ то время, когда я числился уже его членомъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Нашъ старикъ Балугьянскій былъ всегда и совсѣмъ не по своей волѣ—человѣкъ чрезвычайно комическій. Глухота его, неловкость, нелюдскость, совершенное отсутствіе такта и какое-то простодушіе, доходящее иногда до совершеннаго ребячества, тысячу разъ давали поводъ къ презабавнымъ съ нимъ анекдотамъ.

Вотъ опять самая свѣжая уморительная сцена. Эстляндское дворянство,—по старинному обычаю своему въ отношеніи къ людямъ, которымъ хотеть оказать особенную почесть, или въ которыхъ имѣетъ нужду,—причислило его въ свое сословіе и прислало ему дипломъ на званіе эстляндскаго дворянина, что очень польстило старику. На другой день послѣ того является къ нему эстляндскій дворянинъ и ландрайтъ Гринвальдъ, который ничего не зналъ о новомъ своемъ братѣ. Можно себѣ представить удивленіе его и смущеніе, когда старикъ бѣжитъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и вдругъ, падая передъ нимъ на колѣни, кричитъ: «geben sie mir den Ritterchlag!»¹⁾ Первая идея Гринвальда была, что онъ сошелъ съ ума; вторая, что ему дана желанная Александровская лента. «Euer Exzellenz sind gewiss zum Alexanderritter ernannt worden?»²⁾ «Ja, ja»,—отвѣчаетъ ему глухой Балугьянскій, слыша совсѣмъ другое, и вотъ, Гринвальдъ, за отсутствіемъ меча, даетъ ему легкій ударъ по плечу попавшеюся линейкой—«den Ritterchlag»,—и только уже послѣ этой церемоніи, когда Балугьянскій привѣтствовалъ Гринвальда «своимъ братомъ», объяснилось обоюдное недоразумѣніе.

3-го іюня. Мой Васильчиковъ большой охотникъ разсказывать анекдоты изъ военной своей жизни, которые не всегда равно занимательны,

¹⁾ Примите меня въ рыцари.

²⁾ Ваше превосходительство вѣроятно назначены кавалеромъ Александровскаго ордена?

хотя самая карьера его, по общему свидѣтельству, была точно блистательна. Вчера мы говорили о предназначенныхъ на нынѣшнюю осень маневрахъ при Бородинѣ, и онъ рассказывалъ, что за Бородинское дѣло былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, обойдя 30 человѣкъ, и что сверхъ того въ этомъ же дѣлѣ нѣсколько разъ чудеснымъ образомъ спасена была его жизнь. Мать его, женщина набожная и богомольная, передъ отправленіемъ въ походъ 1812 г., подарила ему прекрасную греческую саблю, на клинкѣ которой былъ изображенъ ликъ Богоматери, съ просьбой надѣвать ее во всякомъ дѣлѣ.

— Но чудное дѣло,—прибавляетъ онъ,—до Бородинскаго сраженія я совсѣмъ забылъ объ этой саблѣ, а тутъ только впервые надѣлъ ее, перекрестившись съ молитвою за себя и за матушку. И что же: въ этомъ дѣлѣ убито было подо мною три лошади, меня задѣло въ три пріема и въ трехъ мѣстахъ осколками картечи, я былъ въ двухъ шагахъ отъ плѣна, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, и Божія помощь меня вынесла; отъ самой же сабли остался одинъ клинокъ съ образомъ Богородицы: эфесъ отскочилъ или его оторвало, не знаю уже какъ, но онъ пропалъ.

8-го іюня. По случаю споровъ между калмыками Бузулукскаго уѣзда и занявшими часть ихъ земель казенными крестьянами, Сенатъ, до котораго дошло это дѣло въ 1836 г., предписалъ тѣхъ изъ крестьянъ, кои окажутся дѣйствительно уже поселившимися на калмыцкихъ земляхъ, оставить тамъ безъ перевода на другія мѣста.

Вслѣдствіе сего оренбургскій военный губернаторъ Перовскій предложилъ оставить на калмыцкихъ земляхъ 41 семейство, какъ прочно водворившіяся, а остальные 108 семей (484 души) перевести въ другія мѣста. Но по представленію министра финансовъ (завѣдывавшаго еще тогда государственными имуществами), основанному на присланной отъ казенной палаты подворной описи, Сенатъ, видя, что и сіи крестьяне почти всѣ обзавелись уже на калмыцкихъ земляхъ домами и хозяйствомъ, въ 1837 году пояснилъ, что къ числу дѣйствительно поселившихсяъ, о коихъ было упомянуто въ первомъ его указѣ, не должно причислять только тѣхъ, которые не имѣютъ еще хозяйственнаго обзаведенія или живутъ въ чужихъ домахъ, а всѣхъ прочихъ слѣдуетъ оставить на мѣстѣ водворенія.

Вопреки сему Перовскій распорядился о сводѣ съ калмыцкихъ земель всѣхъ означенныхъ 108 семей; при чемъ (какъ они показываютъ) разломаны въ ихъ домахъ печи, порѣзана дворовая птица и захвачены засѣянные поля. Когда же крестьяне подали на сіе жалобу министру государственныхъ имуществъ и, извѣстясь, что по оной производится

переписка, опять, было, возвратилась на прежнія жилища, то Перовскій снова велѣлъ ихъ выслать.

Между тѣмъ, по упомянутымъ жалобамъ крестьянъ, министръ государственныхъ имуществъ требовалъ нужныхъ объясненій и, увидя изъ донесенія казенной палаты и изъ отзыва самого Перовскаго, что въ числѣ высланныхъ 108 семей у 99 были собственныя жилища и разрабатанныя земли, призналъ распоряженія военнаго губернатора несогласными съ предписаніями Сената; почему и представилъ объ отмініи сихъ распоряженій и о возвращеніи означенныхъ крестьянъ по-прежнему на занятія ими калмыцкія земли.

Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра, вошелъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, который и поступилъ по порядку на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ началѣ нынѣшняго года въ то самое время, когда былъ въ гостяхъ у насъ и самъ Перовскій.

Теперь надобно сказать нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ драмы, которая насъ ожидала.

О подсудимомъ Перовскомъ я имѣлъ уже случай говорить въ моемъ дневникѣ. Съ неоспоримымъ умомъ, но безъ высшаго образованія, самовластный, онъ не любимъ въ высшемъ кругу и едва-ли болѣе того любимъ въ управляемомъ имъ краѣ.

Судьями его были члены департамента экономіи, но съ новымъ уже своимъ предсѣдателемъ, графомъ Левашовымъ, который, при самомъ началѣ своего предсѣдательства, показалъ если не высокія финансовыя познанія, то по крайней мѣрѣ характеръ и самостоятельность. И тогда и теперь онъ одинъ рѣшаетъ дѣла въ своемъ департаментѣ.

Другой, также нѣкоторымъ образомъ подсудимый, былъ министръ государственныхъ имуществъ, Киселевъ. Надлежало рѣшить между нимъ и Перовскимъ: виноватъ-ли послѣдній или первый въ неправильномъ его обвиненіи? Всякое среднее рѣшеніе, которое очистило бы обоихъ, было тутъ невозможно. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовалъ въ такомъ случаѣ Киселевъ со всѣми запасами его ума, ловкости, смѣтливости и блистательнаго положенія въ свѣтѣ и у царя.

За тѣмъ подъ рукою могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ человѣкъ, хотя посторонній составу департамента экономіи, но не посторонній дѣлу, ибо онъ пропустилъ опредѣленіе Сената, обвинившее Перовскаго. Я говорю о тогдашнемъ министрѣ юстиціи Дашковѣ. Личный врагъ Перовскаго, Дашковъ не могъ молчать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ и онъ раздѣлялъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность Киселева.

Департаментъ экономіи не только утвердилъ докладъ Сената, но и сдѣлалъ еще такую добавку, чтобы «во вниманіе къ убыткамъ, понесеннымъ крестьянами какъ отъ неправильно-допущеннаго двукратнаго ихъ

переселенія, такъ и отъ притѣснительныхъ дѣйствій со стороны отряженныхъ для ихъ переселенія чиновниковъ, произведено было на законномъ основаніи изслѣдованіе и по оному сдѣлано крестьянамъ на счетъ виновныхъ надлежащее за убытки ихъ вознагражденіе».

Въ общемъ собраніи Совѣта это заключеніе прошло «par acclamation», безъ малѣйшей перемѣны.

Нѣкоторые члены шептали даже что-то о выговорѣ Перовскому, но это было обойдено. Князь Васильчиковъ лично, со всѣхъ сторонъ настроенный, стоялъ горячо за рѣшеніе департамента экономіи. Я не помню дѣла, въ которомъ бы онъ имѣлъ такое сильное убѣжденіе.

Но и Перовскій не дремалъ. Зная заключеніе Сената, узнавъ тотчасъ, какъ само собою разумѣется, и заключеніе Совѣта, онъ предварилъ поднесеніе государю сенатской меморіи, представленіемъ отъ себя обширной записки, въ которой, изложивъ подробно все дѣло (съ своей точки), описалъ побужденія и виды, которыми руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ, и уперся главнѣйше на томъ, съ одной стороны, что и теперь считаетъ неудобнымъ и даже невозможнымъ исполнить распоряженіе Сената, а съ другой, что возвращеніемъ крестьянъ на калмыцкія земли значило бы совсѣмъ уронить въ общемъ мнѣніи власть и образъ дѣйствія мѣстнаго начальника, и поощрить какъ тѣхъ крестьянъ, такъ и всѣхъ другихъ жителей, къ самовольному упорству. Потому онъ просилъ, если бы дѣйствія его признаны были неправильными (въ чемъ онъ впрочемъ отнюдь не сознавался), подвергнуть его какой угодно отвѣтственности, но крестьянъ оставить тамъ, куда онъ перевелъ ихъ тому назадъ уже два года.

Послѣдствіемъ этой искусной эволюціи было то, что меморію совѣтскую государь остановилъ, а записку Перовскаго прислалъ, частнымъ образомъ, къ Васильчикову, съ надписью, свидѣтельствовавшей, что она вполне убѣдила его въ правотѣ Перовскаго и изъяснявшей надежду, что она такимъ же образомъ убѣдитъ и его, Васильчикова.

Что тутъ было дѣлать? Уступить безусловно не позволяло Васильчикову его убѣжденіе, честь Совѣта и интересъ тѣхъ лицъ, которыхъ обвинили Перовскаго; спорить и идти прямо наперекоръ представлялось тоже неумѣстнымъ, особенно потому, что въ запискѣ Перовскаго излагались разныя новыя обстоятельства и уваженія, которыхъ не было въ виду ни Сената, ни Совѣта. И такъ послѣ долгихъ совѣщаній мы рѣшились на средній путь: Васильчиковъ послалъ государю докладную записку, въ которой изъяснилъ, что хотя главный фактъ, именно неисполненіе мѣстнымъ начальствомъ сенатскаго указа, и послѣ новыхъ объясненій Перовскаго остается очевиднымъ и неопровергаемымъ; однако же записка его содержитъ въ себѣ разныя подробности, которыя, можетъ быть, ближе пояснятъ предлагающій разсмотрѣнію вопросъ; что,

во всякомъ случаѣ, какъ его величеству благоугодно уже было удостоить изъясненія Перовскаго высочайшаго вниманія, то не безполезнымъ представляется подвергнуть ихъ совокупному съ дѣломъ пересмотру; но что такъ какъ Государственный Совѣтъ по правиламъ своимъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ губернскими начальствами не имѣетъ, а Оренбургское казачье войско, къ которому принадлежать и бузулукскіе калмыки, состоитъ въ главномъ завѣдываніи военнаго министерства, то всего удобнѣе было бы для возможнаго обезпеченія правильности рѣшенія дѣла, предоставить военному министру истребовать отъ Перовскаго подробное объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дѣйствовать вопреки указу Сената, и по сношеніи затѣмъ о сущности дѣла съ министромъ государственныхъ имуществъ, внести въ Государственный Совѣтъ окончательное къ развязкѣ сего заключеніе.

На этой запискѣ государь написалъ своею рукою: «будетъ совершенно правильно», вслѣдствіе чего князь Васильчиковъ объявилъ Совѣту соотвѣтственное тому высочайшее повелѣніе, а я сообщилъ его для исполненія военному министру и для свѣдѣнія министру юстиціи.

Такимъ направленіемъ дѣла присоединилось къ числу дѣйствующихъ лицъ еще новое: военный министръ графъ Чернышевъ.

Результатомъ всего этого было, что «un beau matin» вмѣсто ожидаемаго нами общаго отъ графа Чернышева и графа Киселева представленія въ Совѣтъ, князь Васильчиковъ получилъ отъ перваго бумагу, въ которой сообщалось ему, что «государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ вытребованныя имъ, графомъ Чернышевымъ, по положенію Государственнаго Совѣта, объясненія Перовскаго, поручить ему изволить увѣдомить князя, что его величество по зрѣломъ обсужденіи сего дѣла изволить находить, что разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшеніемъ общаго собранія Сената очевидно было бы нарушено неоспоримое законное право собственности Оренбургскаго войска на занятые казенными крестьянами принадлежащія ему земли. Въ огражденіе сего права, которое необходимо и во всѣхъ случаяхъ должно быть неприкосновеннымъ, его величество повелѣтъ изволить: 1) оставить на земляхъ калмыцкихъ только тѣ 41 семейство, которыя военнымъ губернаторомъ признаны были прочно поселившимися, причисливъ ихъ навсегда къ казачьему войску; 2) остальныхъ крестьянъ, уже выведенныхъ, не переводя обратно, оставить въ настоящемъ положеніи; 3) впредь воспретить строжайше казенныхъ крестьянъ и вообще выходцевъ изъ внутреннихъ губерній допускать къ поселенію на казачьихъ земляхъ, иначе какъ по истребованіи предварительнаго заключенія военнаго губернатора и по испрошеніи высочайшаго разрѣшенія и 4) дѣло о переселеніи вышеупомянутыхъ крестьянъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно производится, считать за симъ рѣшительно окончаннымъ». Это

отношеніе графъ Чернышевъ заключилъ еще болѣе неумѣстною и щекотливою для князя Васильчикова фразою: «Монаршую волю сію сообщая вамъ, милостивый государь, для зависящаго распоряженія, имѣю честь быть и пр.».

Я сказалъ выше, что не помню дѣла, въ которомъ Васильчиковъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе; теперь прибавлю, что не помню и случая, въ которомъ бы я видѣлъ его такъ взбѣшеннымъ. Въ первомъ пылу своемъ онъ тотчасъ прислалъ за мною, и тутъ изъ добраго старика сдѣлался какимъ-то ожесточеннымъ, неистовствующимъ.

На другой день князь Васильчиковъ поѣхалъ къ государю и возвратился въ полномъ торжествѣ.

Бесѣда ихъ, какъ мнѣ рассказывалъ князь, была очень длинная, живая и съ обѣихъ сторонъ настойчивая. Главнымъ убѣжденіемъ, кромѣ сказаннаго выше, послужили, кажется, двѣ вещи: 1) что послѣднее высочайшее повелѣніе выставило бы Васильчикова въ самомъ двусмысленномъ видѣ передъ цѣлымъ Совѣтомъ, который, не имѣя свѣдѣнія ни о прежней докладной его, Васильчикова, запискѣ, ни о послѣдовавшей на ней резолюціи государя, знаетъ только объявленную имъ высочайшую волю, наперекоръ которой Чернышевъ объявляетъ теперь совсѣмъ другую, какъ бы уничтожая тѣмъ достовѣрность объявленной прежде имъ, Васильчиковымъ; 2) что отъ государя всегда зависѣть будетъ окончить дѣло это по благоусмотрѣнію, но тогда, когда оно придетъ къ нему по порядку, имъ самимъ указанному, со всѣхъ сторонъ обсуженное, а не по одноличнымъ изъясненіямъ Перовскаго.

Какъ бы то ни было, но вотъ отношеніе, которое сегодня (8-го іюня) послано княземъ Васильчиковымъ къ графу Чернышеву:

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему объ отношеніи ко мнѣ вашего сіятельства (касательно того-то), высочайше повелѣть изволилъ дѣло сіе возвратить въ тотъ порядокъ, какой указавъ оному былъ монаршею волею, объявленной мною Государственному Совѣту и сообщенной вамъ, милостивый государь, въ отношеніи государственнаго секретаря отъ 18-го прошлаго марта, именно, чтобы ваше сіятельство, снесясь по полученнымъ отъ генералъ-адъютанта Перовскаго объясненіямъ съ г. министромъ государственныхъ имуществъ, окончательно къ развязкѣ дѣла сего заключеніе внесли въ Государственный Совѣтъ».

«Сообщая вамъ, милостивый государь, о таковой высочайшей волѣ, для зависящаго, къ исполненію оной распоряженія, имѣю честь быть и проч.».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

1839 годъ.

II¹⁾.

Кончина А. Θ. Воейкова.—Бракосочетаніе герцога Лейхтенбергскаго.—Спускъ корабля „Россія“.—Балы у великаго князя Михаила Павловича и принца Ольденбургскаго.—Лицейскіе товарищи барона Корфа: И. В. Малиновскій, П. Н. Мясоѣдовъ, графъ С. Ф. Брогліо, Θ. Х. Стевень, А. П. Бакунинъ, А. Д. Тарковъ, К. К. Данзасъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ А. А. Дельвицъ, С. Д. Комовскій, С. С. Есаковъ, М. Л. Яковлевъ, Н. А. Корсаковъ, В. Д. Вальховскій, И. И. Пущинъ, Θ. Θ. Матюшкинъ, А. С. Пушкинъ, П. Θ. Саврасовъ, баронъ П. Θ. Гревеницъ, А. Д. Илличевскій, Д. Н. Масловъ, А. А. Корниловъ, С. Г. Ломоносовъ, В. К. Кюхельбекеръ, П. М. Юдинъ и Н. А. Ржевскій.—Наводненіе въ Петербургѣ.—Дѣло о лажѣ.—Вятки.—Бородинскіе маневры.—Настоятель Сергіевской пустыни Игнатій Брянчаниновъ.—Мяѣніе Государственнаго Совѣта о войскахъ.—Манифестъ объ уничтоженіи лажа.—Закладка храма Христа Спасителя.—Васильчиковъ и князь Голицынъ.—Болѣзнь графа Толя.—Болѣзнь императрицы.—Русскій языкъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.—Мельгуновъ и Гумбольдтъ.—Чтенія Н. И. Греча.—Болѣзнь графа Канкрина.

29-го іюня. На-дняхъ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ Воейковъ. Онъ принадлежалъ еще къ старой школѣ, но пользовался большою извѣстностью особенно по своимъ ненапечатаннымъ сатирамъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ въ рукописяхъ; по насмѣшкамъ, которымъ онъ подвергался отъ современныхъ освистанныхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

имъ журналистовъ, и по жестокой полемикѣ, которая была необходимымъ послѣдствіемъ. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», которыхъ онъ долго былъ издателемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ употреблялъ псевдонимъ Корблинскаго.

3-го іюля. Вчера отпраздновали мы свадьбу великой княжны, которая предполагалась было въ день рожденія государыни, 1-го іюля, но отложена до слѣдующаго дня, потому что 1-е іюля случилось нынче въ субботу. Все происходило по церемоніалу, и потому замѣчу здѣсь только то, чего въ немъ нѣтъ. Вѣнцы держали: надъ невѣстой наследникъ, а надъ женихомъ старикъ гр. Паленъ (посолъ въ Парижѣ), о которомъ всѣ мы искренно жалѣли потому, что женихъ высокаго роста, а церемонія продолжалась очень долго. Обрядъ совершалъ духовникъ государевъ Музовскій, а бракъ по католическому обряду (во внутреннихъ комнатахъ) новый митрополитъ Павловскій, но при послѣднемъ присутствовали только члены царской фамиліи и баварскій посланникъ. Невѣста была восхитительна: въ церковь она вошла съ заплаканными глазами; но послѣ обряда водворилась на ея лицѣ улыбка счастья, которая болѣе ее уже не оставляла.

Обѣдъ былъ (для трехъ классовъ) вслѣдъ за церемоніей въ мраморной (большой аванзалѣ) залѣ,—пышный великолѣпный, съ чудесной вокальной музыкой, въ которой отличались всѣ наши сценическія знаменитости и пѣлъ также актеръ Вѣнскаго театра Поджи-теперь, только что пріѣхавшій, огромный теноръ. Въ ту минуту какъ отворились двери въ столовую залу для царской фамиліи, поднялась страшная вьюга, загремѣла гроза, и пошелъ проливной дождь. Старики говорили, что это счастливое предзнаменованіе и что «молодымъ богато жить». Но огромныя массы народа, окружавшія Зимній дворецъ, орошаемая цѣлымъ водопадомъ дождя, не раздѣляли нашей радости и обошлись бы безъ этого «предзнаменованія». Во весь обѣдъ раскаты грома сливались съ искусственнымъ громомъ пушекъ, слѣдовавшимъ съ крѣпости за нашими тостами. Но къ концу обѣда погода опять прояснѣла и возстановились прежніе 20° въ тѣни.

5-го іюля. Въ день свадьбы вечеромъ на Исаакіевской и Дворцовой площадяхъ и на Адмиралтейскомъ бульварѣ играла въ пяти мѣстахъ музыка—вещь совершенно новая и невиданная въ Петербургѣ, гдѣ музыка подъ открытымъ небомъ бываетъ слышна только за городомъ или передъ рядами войскъ. На балѣ государь въ сопровожденіи всего двора вывелъ молодую чету на дворцовый балконъ къ собравшемуся народу, и тутъ поднялись восторженные крики радости и «ура!» Городъ

въ этотъ день и въ оба послѣдующіе былъ прекрасно иллюминированъ, и такой иллюминаціи мы не запомнимъ съ коронаціи 1826 года. Вчера утромъ былъ общій *baise-main* у новой великой княгини, а вечеромъ огромный балъ въ танцевальной (прежней бѣлой) залѣ. Балъ начался въ 9-мъ часу и хотя при свѣчахъ, но съ открытыми окнами и поднятыми сторами, такъ что съ часъ времени дневной свѣтъ боролся съ искусственнымъ. До бала на большомъ дворцовомъ дворѣ играла музыка, и народъ, которому открытъ былъ этотъ дворъ, толпился тутъ до поздней ночи, любуясь въ открытыя окошки на балъ и на царскую фамилію. Государь и наслѣдникъ были въ казачьихъ мундирахъ; всѣ прочіе въ парадной формѣ и башмакахъ, кромѣ великаго князя Михаила Павловича, который при этихъ случаяхъ давно уже бываетъ въ ботфортахъ.

Вчера я, по указанію кн. Васильчикова, велѣлъ доложить государю, что пришелъ благодарить за пожалованную мнѣ звѣзду; но ему некогда было меня принять, и мнѣ велѣно явиться сегодня на Елагинъ въ 12 часовъ. Это разстраивало нѣсколько мои планы, потому что я собирался ночью ѣхать назадъ на свою дачу и утѣшался надеждою, что государь скажетъ мнѣ нѣсколько словъ на балѣ, чѣмъ все и кончится. Но вмѣсто того государь, подойдя ко мнѣ на балѣ, сказалъ: «ожидаю тебя въ 12-тъ час. на Елагиномъ; въ 11 ч. у насъ спускъ корабля, и потому тебѣ придется, можетъ быть, подождать съ полчаса; но я надѣюсь, что ты не будешь за это въ претензіи»,—и такъ я сегодня туда отправляюсь.

Аудіенція моя кончилась. Государь принялъ меня на Елагиномъ вмѣстѣ съ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ статсъ-секретаремъ Бахтинымъ. Привѣтствія его намъ обоимъ были очень милостивы, исполнены благодарности за прошедшее и надежды на продолженіе въ будущемъ. Потомъ онъ перешелъ къ большимъ похваламъ кн. Васильчикову:

— Теперь 22 года,—сказалъ онъ,—что мы съ нимъ знакомы и что я привыкъ любить и уважать его, сперва какъ начальника, а теперь какъ совѣтника и друга; это самая чистая, самая благородная, самая преданная душа: дай Богъ только ему здоровья.

На замѣчаніе Бахтина, что ему всегда бываетъ лучше вечеромъ, нежели утромъ, государь отвѣчалъ, что это всегда бываетъ съ людьми нервными:

— Вотъ вамъ въ доказательство моя жена, которая утромъ никуда не годится, а къ вечеру всегда разгуляется, оправится.

8-го іюля. 5-го іюля спущено у насъ новое огромное судно, 120-ти-пушечный корабль «Россія» въ присутствіи всей царской фамиліи. Для кораблей этого размѣра нѣтъ въ Петербургѣ настоящихъ доковъ; но, по волѣ государя, онъ былъ построенъ въ такомъ докѣ, гдѣ съ каждой стороны оставалось отъ боковъ его не болѣе нѣсколькихъ вершковъ. Затѣмъ при спускѣ корабля угрожала очевидная опасность не только ему самому, но и всему находившемуся на немъ экипажу; малѣйшее колебаніе или пошатновеніе судна могло сокрушить громаду и обратить все въ прахъ. Наряжена была по этому случаю особая коммиссія экспертовъ, которая рѣшила, что спускъ возможенъ, но сопряженъ съ чрезвычайнымъ рискомъ. При всемъ томъ государь захотѣлъ и—сбылось. «Россія» спущена лучше, чѣмъ какой-нибудь корабль прежде, и экипажъ, съѣхавшій между жизнью и смертью, примѣрно награжденъ.

9-го іюля. Къ числу самыхъ изящныхъ, истинно очаровательныхъ праздниковъ по случаю свадьбы принадлежатъ балы вел. кн. Михаила Павловича (6-го іюля) и принца Ольденбургскаго (8-го іюля). Первый былъ данъ въ городскомъ его дворцѣ, который самъ по себѣ уже есть верхъ вкуса и великолѣпія, но на этотъ день изящнымъ вкусомъ и умѣньемъ великой княгини получилъ такой фантастическій блескъ, что превосходилъ всякое описаніе. Довольно сказать, что къ балу были свезены всѣ цвѣты изъ Павловскихъ и Ораніенбаумскихъ оранжерей, на двухстахъ возахъ и пяти баркахъ, которыя велъ особый пароходъ. За то все во дворцѣ цвѣло и благоухало, и такого обилія рѣдкихъ и многоцѣнныхъ растений мнѣ не случалось видѣть. Въ бальной залѣ, гдѣ купы цвѣтовъ, исторгался прекрасный фонтанъ, который вмѣстѣ съ тысячею огнями вторился въ безчисленныхъ зеркалахъ. Вдоль всѣхъ главныхъ залъ тянулся, лицомъ въ садъ, обширный собственнo на этотъ случай придѣланный балконъ, убранный цвѣтами, коврами и фантастическою иллюминаціей—съ чудеснымъ видомъ на Царицынъ лугъ и Неву. Главная ужиная зала была убрана тоже съ необыкновеннымъ вкусомъ: царскій столъ подъ навѣсомъ большихъ деревъ и зеркалъ составлялъ обширный полукругъ, котораго вся внутренняя, обращенная къ публикѣ, сторона была убрана въ нѣсколько рядовъ цвѣтами. Вездѣ и во всѣхъ концахъ дома раздавалась музыка, которая гремѣла и въ саду, открытомъ на этотъ день для публики и всего народа. Всѣхъ гостей было до 800 и всѣ въ парадныхъ мундирахъ. Праздникъ, кромѣ всего своего, стоилъ 50.000 р.

Балъ принца, на дачѣ его на Каменномъ островѣ, былъ въ другомъ, болѣе сельскомъ видѣ. Всѣ подъѣзды, всѣ рѣшетки, всѣ наружныя колонны были обвиты свѣжей зеленью, съ вензелями новобрачныхъ. Танцевали въ саду подъ открытымъ небомъ на огромномъ паркетномъ полу,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ возвышеніями и ступенями съ коврами. Когда уже совсѣмъ стало темно, танцы перешли въ залу, а садъ и весь домъ снаружи загорѣлись тысячею огнями. На Невѣ передъ домомъ катались между тѣмъ шлюбки съ музыкой и съ русскими пѣсельниками. Все это по самой уже новизнѣ своей было очаровательно и представляло скорѣе какой-то итальянскій, нежели сѣверный праздникъ. Гостей по тѣснотѣ мѣста было здѣсь только 300, и при томъ всѣ во фракахъ, какъ будто на дачѣ, хотя Каменный островъ числится уже нынче въ городѣ. Государь и императрица съ бала великаго князя уѣхали во время ужина, но здѣсь оставались еще долго послѣ ужина. Двухъ подобныхъ праздниковъ я не запомню въ Петербургѣ. Послѣдній отличался еще тѣмъ, что на немъ былъ и усердно танцевалъ эрцгерцогъ Альбертъ (сынъ эрцгерцога Карла), только-что въ тотъ день пріѣхавшій.

13-го іюля. Вчера я видѣлъ въ большомъ бѣшенствѣ старика гр. Толя отъ одного сдѣланнаго ему вопроса. Теперь, когда всѣ собираются на Бородинскіе маневры и когда всѣ лица, сколько-нибудь участвовавшія въ славной Бородинской битвѣ, туда особенно приглашаются,—въ разговорѣ объ этомъ гр. Бенкендорфъ спросилъ Толя почти съ удивленіемъ.

— А развѣ и вы туда собираетесь?

— Вотъ какъ трактуютъ насъ люди, которые сами не оставили для себя странички въ исторіи,—говоритъ Толь. Въ Бородинскомъ дѣлѣ я, въ чинѣ полковника, былъ генераль-квартирмейстеромъ всей арміи и первый занялъ позицію, а меня спрашиваетъ: поѣду-ли я туда, тотъ, кто былъ тогда поручикомъ, кто самъ, однако, считаетъ долгомъ туда ѣхать и кому поручено завѣдывать приглашеніями.

При этомъ случаѣ также сильно досталось Данилевскому за его описаніе войны 1812-го и послѣдующихъ годовъ.

— Это не исторія,—говоритъ Толь,—а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворѣ, того имя гремѣтъ на каждой страничкѣ, хотя онъ не получилъ ни царапинки, а о другихъ, настоящихъ дѣйствателяхъ, сошедшихъ по обстоятельствамъ со сцены, или не пользующихся особенною милостью при дворѣ, и помину нѣтъ. Время затемняетъ исторію, а лестъ совсѣмъ ее стираетъ.

17-го августа. 14-го числа государь уѣхалъ въ Бородино на маневры, прямо минуя Москву. За нимъ, передъ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ потянулась туда цѣлая вереница участниковъ Бородинской битвы, военныхъ и отставныхъ, достигшихъ знатности и оставшихся въ ничтоже-

ствѣ. Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, а въ Совѣтѣ нашемъ остались одни статскіе члены. Изъ дамъ царской фамиліи никто туда не поѣхалъ.

Теперь 23-й годъ, что я вышелъ изъ лица, и слѣдственно 23-й годъ первому выпуску изъ этого заведенія, которое въ настоящемъ времени измѣнило и наружную свою фізіономію, и многое во внутреннемъ своемъ назначеніи. Но любопытно между тѣмъ было обозрѣть, что въ эти 22 года съ каждымъ изъ насъ случилось. Всѣхъ насъ было 29, а какое разнообразіе въ житейскихъ нашихъ судьбахъ! Вотъ списокъ всѣхъ съ означеніемъ коротко исторія каждого въ той степени, въ какой она мнѣ извѣстна. Располагаю этотъ списокъ по порядку спальныхъ комнатъ, которыя мы занимали въ лицѣ.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій, вспыльчивый, вообще совершенно экцентрическій, но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку, а, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ прошлое царствованіе въ 1825 г. Онъ переселился въ деревню, въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живетъ въ своей деревнѣ.

Павелъ Николаевичъ Мясоѣдовъ, служилъ въ армейскихъ гусарахъ, кажется, до поручиковъ или штабсъ-ротмистровъ, и вышелъ въ отставку, тому назадъ лѣтъ пятнадцать или болѣе. Женатъ на побочной дочери богатаго помѣщика Мансурова и съ пропастью дѣтей живетъ въ деревнѣ верстахъ въ 20-ти отъ Тулы.

Графъ Сильвестръ Францовичъ Брогліо (или Брогли). Благодаря своему звучному эмигрантскому имени, онъ тотчасъ послѣ реставраціи получилъ отъ Бурбоновъ орденъ Лиліи, съ которымъ и щеголялъ еще въ лицейскомъ мундирѣ. Выпущенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ, но никогда въ русской службѣ не служилъ, скоро послѣ выпуска уѣхалъ во Францію и болѣе оттуда не возвращался, прекративъ и всѣ сношенія съ прежними товарищами.

Федоръ Христіановичъ Стевенъ. Финляндскій уроженецъ съ основательнымъ умомъ, скромный, добрый и благородный, одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей въ лицѣ. Съ самаго выпуска до сихъ поръ онъ служилъ при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, а надняхъ опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгъ, съ пожалованіемъ въ 4-й классъ. Женатъ на, кузинѣ своей, дочери покойнаго начальника 2-го кадетскаго корпуса генерала Маркевича.

Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Способности обыкновенныя. Недостатокъ ихъ выкупается большимъ трудолюбіемъ. Человѣкъ, которому всегда и во-время благопріятствовало необычайное

счастье. Біографія его изложится еще подробно въ этомъ дневникѣ. Теперь онъ тайный совѣтникъ и государственный секретарь. Женатъ на кузинѣ, дочери умершаго подполковника Корфа.

Александръ Павловичъ Бакунинъ, человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу. Выпущенъ былъ въ прежній Семеновскій полкъ и состоялъ адъютантомъ при генералѣ Раевскомъ, а по раскассированіи полка перешелъ въ статскую службу и занималъ разныя должности въ московскихъ губернскихъ мѣстахъ; послѣ же жилъ въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ. Теперь онъ статскій совѣтникъ и новгородскій вице-губернаторъ. Былъ женатъ сперва на дѣвицѣ Зеленской, а послѣ ея смерти женился на дѣвицѣ Шулепниковой.

Александръ Дмитріевичъ Тарковъ былъ выпущенъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ, но недолго пробылъ на службѣ и поселился въ новгородской своей деревнѣ, кажется, отставнымъ поручикомъ. Тамъ спустя нѣсколько лѣтъ, въ которыя мы видывали его наѣздомъ въ Петербургъ, ему вздумалось еще сойти съ ума, и скоро послѣ того онъ умеръ.

Константинъ Карловичъ Данзасъ. Будучи выпущенъ въ инженеры, онъ съ отличіемъ и необыкновенною храбростію участвовалъ въ кампаніяхъ персидской, турецкой и польской, и былъ раненъ такъ, что и теперь носить руку въ бинтѣ. Въ послѣднее время онъ приобрѣлъ особенную извѣстность, бывъ секундantomъ въ несчастной дуэли Пушкина (1837); за это его перевели, послѣ заключенія въ крѣпости, въ армейскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Самыя блистательныя дарованія, самое отличное окончаніе школьнаго курса, острый и тонкій умъ—словомъ все, что нужно для блестящей карьеры, служебной и свѣтской. Онъ прямо изъ лицея пошелъ въ дипломатію и всю почти жизнь свою провелъ внѣ Россіи, при разныхъ миссіяхъ. Послѣднее мѣсто его, въ чинѣ статскаго совѣтника, было совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ; но отсюда, по волѣ государя, онъ въ прошломъ году причисленъ къ министерству. При выпускѣ изъ лицея онъ получилъ вторую золотую медаль, но во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ первую.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ. Въ лицѣ милый, добрый и всѣми любимый лѣтяй, послѣ лицея—пріятный поэтъ, стоявшій въ свое время въ первой шеренгѣ нашихъ литераторовъ. Дельвигъ никогда не служилъ, никогда ничего не дѣлалъ и жилъ всегда припѣваячи съ любящей душой и добрымъ, истинно благороднымъ характеромъ. Онъ умеръ въ 1831 году, оплаканный многочисленнымъ пріятельскимъ кругомъ.

Сергѣй Дмитріевичъ Кошовскій. Добрый малый, отличный сынъ и братъ, и вѣрный, надежный пріятель. Числясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ комитетахъ, комиссіяхъ и проч., а теперь правителемъ канцеляріи въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, по-просту, секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ лицѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно расстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кампанію (1831), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ—застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка.

Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Хорошій товарищъ, надежный въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ, не безъ способности къ дѣлу, хорошій музыкантъ и пріятный композиторъ. По службѣ, которую онъ началъ въ московскомъ сенатѣ, ему сперва очень не везло; но потомъ, съ переходомъ во II отдѣленіе собственной государственной канцеляріи (къ Сперанскому), все поправилось. Теперь онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и занимаетъ мѣсто директора типографіи II отдѣленія.

Николай Александровичъ Корсаковъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, налитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угадъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при тосканской миссіи. Прахъ его погребенъ во Флоренціи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ.

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій. Первая наша золотая медаль: человекъ разсудительный, дѣльный, съ твердою, желѣзною волей надъ самимъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, скромный и кроткій. По всѣмъ качествамъ души и ума, мы звали его въ лицѣ «sapientia». И этотъ человекъ, пошедшій такъ быстро, такъ достойно отстаивавшій имя перваго нашего воспитанника—вдругъ упалъ такъ неожиданно и, должно думать, такъ невозвратно! Онъ вышелъ изъ лица прямо въ квартир-

мейстерскую часть (называвшуюся тогда свитою), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще служилъ съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря, къ которой онъ, впрочемъ, былъ прикосновенъ только слышанными разговорами,—остановила было его ходъ; но послѣ краткаго заключенія все опять пошло по-прежнему. Онъ былъ посланъ съ подарками къ персидскому шаху, участвовалъ въ кампаніяхъ персидской и турецкой и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при Паскевичѣ, пока сей послѣдній не возненавидѣлъ его именно за то, что часть его славы и успѣховъ относили къ Вальховскому. Наконецъ, онъ получилъ важное мѣсто начальника штаба Кавказскаго корпуса, но въ прошломъ году, когда государь былъ лично на Кавказѣ и открылись злоупотребленія и упущенія барона Розена, монаршіи гнѣвъ палъ и на Вальховскаго.

Подробности и степень справедливости обвиненій мнѣ неизвѣстны; но кончилось тѣмъ, что Вальховскаго перевели бригаднымъ командиромъ куда-то въ западныхъ губерніяхъ, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ еще и подъ начало къ ненавидящему его Паскевичу, то принужденъ былъ съ стѣснительнымъ сердцемъ совѣмъ оставить службу.

Теперь онъ живетъ въ отставкѣ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи, рядомъ съ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго женатъ.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой, онъ имѣлъ почти тѣ же качества, какъ Есаковъ, и кончилъ еще несчастливѣе. Сперва онъ служилъ тоже въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою, и, бросивъ ее, кажется въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили его. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнушаго 14-го декабря 1825 г., и съ этимъ погибла вся его будущность. Пущинъ причисленъ къ 2-му разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу, которая, кажется, для него еще не кончилась. Къ счастью, онъ холостой.

Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ. Чуть-ли не оригинальнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ карьеръ, потому что изъ заведенія, предназначеннаго преимущественнаго для гражданской службы и выпускавшаго воспитанниковъ своихъ въ военную только въ видѣ изытія, Матюшкинъ вышелъ—въ морскую, сдѣлавъ себѣ въ ней имя и до сихъ

поръ продолжаетъ ее съ отличіемъ. Онъ—человѣкъ пылкій и вмѣстѣ разсудительный. Ходилъ съ Головиннымъ вокругъ свѣта, участвовалъ въ извѣстной экспедиціи Врангеля въ Сибирь; имѣвъ и разныя другія важныя порученія, онъ все еще только капитанъ 1-го ранга. Теперь онъ командуетъ кораблемъ въ Черноморскомъ флотѣ. Холостъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Это историческое лицо довольно означить просто въ моемъ списокѣ. Біографія его гражданская и литературная вездѣ напечатаны, сколько онѣ были доступны печати. Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29-ти человѣкъ одинъ достигъ безсмертія, то это, конечно, ужъ очень, очень много.

Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ. Прекрасный, съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ, и его тоже уже нѣтъ съ нами! Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ—который въ лицѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ—впалъ вдругъ въ жестокую чахотку и скончался въ 1831 году за границею, куда поѣхалъ на воды. Онъ погребенъ въ Гамбургѣ, гдѣ и умеръ.

Баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Гревеницъ. Человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналъ и неюдимъ. Онъ съ самаго выпуска изъ лицея служить въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій. Еще въ лицѣ показывалъ явно желчный и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравлялъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ; но хотя при смерти его (въ 1837 г.) въ журналахъ называли его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ и путешествовалъ за границею, и, наконецъ, вступилъ опять въ министерство финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ чрезвычайно пріятенъ, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалялъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ. Статскій совѣтникъ, съ 2-го нынѣшняго августа исправляющій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ. Одинъ мой выборъ его въ эту должность доказываетъ уже высокое мое о немъ мнѣніе. Въ лицѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзиннымъ». Потомъ, служа долго въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя коммерческаго суда, онъ умѣлъ пріобрѣсти общую любовь и уваженіе купечества. При всемъ томъ онъ имѣетъ разныя странности, дѣлающія изъ него порядочнаго

оригинала. Онъ женатъ на дочери сенатора Мертваго и имѣетъ двухъ дѣтей.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ. Свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ лицѣхъ онъ лѣнился и притомъ вышелъ оттуда чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ очень путнымъ и полезнымъ. Онъ служилъ прежде въ гвардіи и дошелъ до полковника, а потомъ вышелъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и назначенъ кievскимъ губернаторомъ; но по непріятностямъ съ тогдашнимъ генераль-губернаторомъ гр. Левашовымъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Въ прошломъ году онъ, однако, снова вступилъ въ службу и теперь тамбовскимъ губернаторомъ. Женатъ на графинѣ Толстой.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ. Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый: въ лицѣхъ по этимъ свойствамъ мы называли его «кротомъ». Посвятивъ себя съ самаго начала дипломатіи и проведя, какъ Горчаковъ, почти всю жизнь за границею при разныхъ миссіяхъ, онъ теперь повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразиліи.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Какъ Данзасъ, но въ другомъ отношеніи онъ былъ предметомъ неистощимыхъ нашихъ насмѣшекъ въ лицѣхъ за свои странности, неловкости и смѣшную оригинальность. Съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною ничѣмъ вспыльчивостью, онъ всегда былъ готовъ на всякія курьезныя продѣлки и еще въ лицѣхъ пробовалъ было утопиться. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ, наконецъ, педагогическую карьеру и былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ лицѣхъ, и послѣ онъ писалъ много стиховъ съ страннымъ направленіемъ, страннымъ языкомъ, но не безъ достоинствъ и издавалъ вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ журналъ, кажется, «Мнемозину». Все это кончилось исторіей 14-го декабря, въ которую онъ былъ сильно замѣшанъ, съ осужденіемъ въ каторжную работу.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ. Человѣкъ оригинальный, съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ. Карьера его совершенно одинакова съ карьерой Гревеница. Вмѣстѣ они вступили въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ получали всѣ чины и ордена и вмѣстѣ и теперь тамъ служатъ въ совершенно равныхъ степеняхъ. Графъ Нессельроде иронически называетъ ихъ: «*Les piliers du ministère*»—хотя, кажется, на нихъ ничего не лежитъ.

Николай Александровичъ Ржевскій. Въ лицѣхъ былъ мальчикомъ не глупымъ, но примѣрнымъ лѣнтяемъ и совершенно

ничему не учился. Карьера его была очень коротка. Бывъ выпущенъ изъ лица прапорщикомъ въ армію, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и первый изъ насъ перешелъ къ вѣчному покою.

31-го августа. Августъ въ отношеніи къ погодѣ кончается ужаснымъ образомъ и достойно пѣлаго своего продолженія. Вчера съ утра задулъ сильнѣйшій морской вѣтеръ,—настоящая буря въ родѣ тѣхъ, которыя бывають у насъ въ октябрѣ и ноябрѣ, но и то не каждый годъ въ такой степени. Всѣ приморскія части города залиты были водой: во всѣхъ низменныхъ мѣстахъ она выступила изъ подземныхъ трубъ. По улицамъ отъ сильныхъ порывовъ вѣтра едва можно было ходить и даже ѣздить. Нева вся наполнилась барками и судами, пригнанными съ моря. Пароходы, отправившіеся было въ Кронштадтъ, принуждены были воротиться назадъ изъ устья Невы. Нѣсколько времени боялись такого же наводненія, какъ и въ 1824 году. Сегодня вода постепенно сбываетъ, но вѣтеръ еще не совсѣмъ стихъ: погода сумрачная, холодная, и на дачѣ невесело.

Дѣло о лажѣ пришло уже, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, въ отношеніи къ счету денегъ въ совершенный порядокъ; но уменьшенія цѣнъ, которыя были исчислены прежде на монету съ лажемъ, при разныхъ публикаціяхъ и настояніяхъ правительства никакъ еще достигнуть не могутъ: кромѣ нѣсколькихъ самыхъ значительныхъ торговыхъ заведеній, всѣ лавочники, всѣ торговцы съѣстными припасами, всѣ работники, наемщики и пр. хотять того же числа денегъ ассигнаціями по курсу 3 руб. 50 коп., какое получали прежде по счету на монету въ 3 руб. 75 коп. Даже бѣлый хлѣбъ, за который мы прежде платили по 8 коп. на монету, хотя въ полицейскихъ таксахъ съ мѣсяцъ уже переложень на 2 коп. сер. или 7 коп. асс., но нигдѣ по этой цѣнѣ достать его нельзя, и всѣ по-прежнему платять 8 коп., т. е. въ соразмѣрности одной копѣйкой болѣе, чѣмъ до манифеста 1-го іюля по тогдашнему курсу составляло. Впрочемъ, и нѣтъ тутъ мудренаго, когда правительство, проповѣдуя только на бумагѣ для частныхъ людей, само пользуется переложеніемъ для своихъ расчетовъ. Такимъ образомъ, при установленіи платы на серебро, цѣны на табачныя бандероли и на предметъ общественнаго ежедневнаго употребленія—гербовую бумагу,—не только не уменьшены въ соразмѣрности, но, напротивъ, еще возвышены. Черезъ Государственный Совѣтъ, при всей слабости его состава, эти несчастныя мѣры никогда бы не прошла; но теперь, пока не открыты еще общія собранія Совѣта, все это дѣлается черезъ Комитетъ министровъ, въ которомъ, за лѣтнимъ временемъ и Бородинскими маневрами, едва-ли теперь три или четыре члена. Особенное неудоб-

вольствіе и даже ропотъ въ публикѣ возбуждены были такою же продѣлкою со стороны театральной дирекціи, которая, назначивъ цѣны мѣстамъ на серебро, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ видомъ округленія ихъ и подняла. Но это продолжалось только три или четыре дня, а тутъ вдругъ въ афишкахъ объявлена опять новая такса, соразмѣрная прежней и даже на нѣкоторые мѣста нѣсколько ниже. Мнѣ кажется, что вторая мѣра тутъ,—въ духѣ монархическаго правленія,—еще хуже первой: не надлежало, конечно, возвышать цѣнъ и впадать такимъ образомъ въ явное противорѣчіе съ дѣлаемыми частнымъ людямъ внушеніями; но, впадъ уже въ такую неосмотрительность, еще менѣе надлежало ее отмѣнять, какъ бы повинувась требованію публики. Государю изъ всего этого едва-ли что-нибудь извѣстно.

2-го сент ября. Мой дневникъ настоящій калейдоскопъ, слѣдующій только вращенію не руки, а ума. Пишу въ немъ какъ попало, безъ всякаго тщанія и еще съ меньшею системой. Теперь, напримѣръ, пришла мнѣ въ голову, Богъ знаетъ съ чего, статья о взяткахъ. Мнѣ во всей жизни два раза только прямо ихъ предлагали, и оба эти случая, относящіеся къ тому времени, когда я былъ еще начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, чрезвычайно мнѣ памятны. Одинъ изъ предлагателей былъ простой русскій мѣщанинъ: у меня производилось дѣло о перечисленіи его изъ одного города въ другой. Онъ просто совалъ мнѣ въ руку—красную бумажку и крайне удивился, когда я объявилъ ему, что дѣло сдѣлается и безъ этого, и когда оно точно было сдѣлано въ тотъ же самый день. Другой предметъ былъ гораздо важнѣе, и лицо предлагавшее почетнѣе.

Шло дѣло объ опредѣленіи торговыхъ правъ финляндскаго купечества въ Россіи, и повѣренный онаго, тамошній негоціантъ Брунъ, послѣ неоднократныхъ со мною объясненій привезъ мнѣ наконецъ толстую пачку ассигнацій, прибавивъ, что это разные документы, которые онъ забылъ сообщить мнѣ при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ.—Считая, что тутъ не за что сердиться, потому что Брунъ мѣряетъ меня только по общему аршину, я ласково и безъ всякаго сердца отклонилъ его «дополнительные документы», и дѣло было тоже рѣшено согласно его желанію, которое соотвѣтствовало и справедливости. Тогда онъ привезъ мнѣ табакерку «въ знакъ воспоминанія отъ финляндскаго купечества за оказанное ему добро», но я попросилъ его отрекомендовать меня просто въ добрую память своихъ согражданъ, отзывавшись, что съ моей стороны буду ихъ помнить и безъ нагляднаго знака ихъ расположенія.

Бородинскіе маневры повлекли за собою множество милостей и наградъ. Изъ важныхъ и почетныхъ лицъ кто сдѣланъ шефомъ полка съ присвоеніемъ оному его имени, кто пожалованъ лентами и звѣздами. Сверхъ того есть и одна награда общая: всѣмъ участвовавшимъ въ Бородинской битвѣ, если они и теперь еще состоятъ въ рядахъ, пожалованы въ видѣ прибавочнаго содержанія тѣ оклады, которые они въ то время получали, разумѣется, пока они останутся въ службѣ. Число такихъ ветерановъ, конечно, чрезвычайно ограничено, а прибавочное содержаніе совершенно ничтожно: ибо тогда оклады были самые маленькіе, и всѣ, продолжающіе еще нынѣ службу, состояли въ неважныхъ чинахъ. Такъ, напримѣръ, Паскевичъ, Толь, Чернышевъ были только полковниками.

Всѣ газеты наши наполнены великолѣпными описаніями бывшихъ маневровъ, воздвиженія на Бородинскомъ полѣ памятника (работы гр. Канкрина) и пр., но разумѣется, что нынѣ этотъ военный праздникъ не могъ имѣть той занимательности, какъ въ Калишѣ, или въ Вознесенскѣ, потому что онъ не былъ украшенъ присутствіемъ дамъ. Всего тутъ примѣчательнѣе собственноручный приказъ государя, отданный въ день битвы (26-го августа) войскамъ: вещь, въ которой пропасть народной поэзіи и знанія русскаго сердца.

Усердіе и смысленность—особенно же когда въ союзъ съ ними твердое намѣреніе достигнуть своей цѣли и энергія характера—могутъ чрезвычайно много. Одно изъ явственныхъ тому доказательствъ—нынѣшній архимандритъ Сергіевской пустыни, находящейся близъ Стрѣльны, Игнатій Брянчаниновъ. Этотъ монастырь былъ прежде—и на очень близкой намъ памяти—въ неудовлетворительномъ состояніи. Теперь онъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ на первую ступень: благочиніе, великолѣпіе, мастерское пѣніе клиросовъ, наружное благообращеніе монаховъ, богатѣйшія облаченія—все соединяется вмѣстѣ, достигая идеала пышнаго и величественнаго и вмѣстѣ трогательнаго священнослуженія нашей церкви. Создано множество новыхъ зданій, церкви обновлены и украшены, и при всемъ томъ монастырю сбережены значительные капиталы. По велѣнію и порядку богослуженія, располагающимъ неволью душу къ набожности, не остается ничего болѣе желать. Я видѣлъ множество монастырей въ Россіи, монастыри новгородскіе, кіевскіе, воронежскіе, московскіе, видѣлъ и три главныя наши лавры: всѣ они далеко отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ Сергіевской пустыни, и развѣ только новгородскій Юрьевъ монастырь, московскіе Симоновъ и Донской могутъ быть поставлены въ нѣкоторое съ нею сравненіе.—И все это сдѣлано Игнатіемъ въ какія-нибудь пять или шесть лѣтъ при тѣхъ же почти средствахъ, которыми могли

располагать его предѣстники. Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи и бывъ воспитанъ въ Инженерномъ училищѣ, гдѣ онъ, состоя фельдфебелемъ, сдѣлался лично извѣстнымъ нынѣшнему государю, прослуживъ потомъ въ инженерахъ до поручиковъ, Брянчаниновъ наконецъ уступилъ давнишнему своему желанію принять иночество, долго послушничествовалъ по разнымъ отдаленнымъ монастырямъ, былъ послѣ настоятелемъ въ какомъ-то монастырѣ калужскомъ и переведенъ сюда архимандритомъ, кажется, въ 1832 или 1833 году. Нѣкоторые приписываютъ его постриженіе видамъ честолюбія, которыхъ не удовлетворяло начальное военное поприще въ военной службѣ; но другіе, ближе его знающіе, утверждаютъ, что онъ постригся единственно по влеченію сердца, бывъ воспитанъ съ дѣтства въ набожности и въ строгомъ исполненіи обрядовъ церкви. Какъ бы то ни было, но, судя по результатамъ, этого человѣка нельзя не назвать гениальнымъ въ своемъ родѣ. Онъ заслуживаетъ вниманія даже по строгому образу жизни и по чистотѣ, въ которой умѣлъ сохранить свою репутацію; молодой, прекрасный собою, архимандритъ изъ дворянъ, изъ военныхъ, съ свѣтскимъ воспитаніемъ ¹⁾, не могъ не заинтересовать нашихъ дамъ. Разумѣется, что достигнутые имъ по управленію монастыря результаты не могутъ не возбуждать зависти въ монашествѣ и даже въ духовныхъ нашихъ властяхъ; но эта зависть можетъ снѣдать ихъ только втайнѣ, ибо у Брянчанинова могучій оплотъ противъ ихъ козней, — именно самъ государь, любящій и отличающій его еще со временъ Инженернаго училища. Я, кажется, говорилъ уже когда-то, что государь, бывъ недоволенъ привѣтствіемъ знаменитаго (покойнаго) Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ, прислалъ его къ Брянчанинову — учиться, какъ надобно встрѣчать государя.

7-го сентября Государственный Совѣтъ помѣщался съ самаго начала своего учрежденія въ Зимнемъ Дворцѣ ²⁾. Потомъ онъ былъ переведенъ въ домъ гр. Румянцева на Дворцовой площади, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока всѣ частные дома на этой площади были срыты, для возведенія нынѣшняго зданія Главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ. Тогда Совѣтъ перемѣстили опять во дворецъ, сперва въ такъ называемый Шепелевскій, а послѣ въ нижній этажъ Эрмитажа, гдѣ онъ и теперь имѣетъ свои засѣданія ³⁾. Но при всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ, всегда болѣе помышляемо было объ удобствѣ для самого

¹⁾ Онъ говоритъ между прочимъ очень хорошо по-французски и очень любитъ изъясняться на этомъ языкѣ.

²⁾ Близъ кабинета императора Александра, который былъ въ бельэтажѣ, тамъ, гдѣ теперь комнаты императрицы.

³⁾ Писано въ 1839 году.

Совѣта, нежели для государственной канцеляріи, которая никогда не имѣла не только приличныхъ, но даже сколько-нибудь сподручныхъ комнатъ для своихъ занятій.

Оттого съ самаго начала установился такой внутренній распорядокъ, что всѣ безъ изыятія чиновники, до послѣдняго писца, работаютъ у себя по домамъ, кромѣ небольшого отдѣленія государственнаго секретаря, или личной его канцеляріи, для которой я, по примѣру моихъ предшественниковъ, нанимаю нѣсколько комнатъ при моей квартирѣ. Дурныя и даже опасныя послѣдствія подобнаго распорядка очевидны, и потому я, тотчасъ по вступленіи въ должность, вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ императорскаго двора объ отводѣ для государственной канцеляріи болѣе приличнаго и удобнаго помѣщенія, нежели то, которое она занимаетъ теперь въ темныхъ и низкихъ антресоляхъ надъ комнатами Совѣта. Но сношенія мои были безуспѣшны: сперва предполагали было Инвалидный комитетъ, помѣщающійся подлѣ Совѣта, перевести въ Таврическій дворецъ и намъ отдать его комнаты; однако государь на это не соизволилъ, а другихъ свободныхъ комнатъ по близости не оказалось. Итакъ все оставалось по-прежнему. Но, наконецъ, такой безпорядокъ, обращающійся, кромѣ вреда дѣламъ, и къ порчѣ чиновниковъ, мнѣ надоѣлъ и, по совѣщаніи съ правящими должностъ статсъ-секретарей, я приказалъ, чтобы всѣ младшіе чиновники, непременно, каждый день,—кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ,—собирались отъ 11 до 3-хъ часовъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя предназначены для государственной канцеляріи. Порядокъ этотъ воспріялъ свое начало съ 1-го текущаго сентября, и хотя онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, не нравится и антресоли наши крайне неудобны для занятій, однако по крайней мѣрѣ я теперь спокоенъ насчетъ цѣлости дѣлъ, которыя прежде каждый уносилъ съ собою на домъ, и, сверхъ того, этимъ введено болѣе порядка и удобства по внутреннимъ сношеніямъ.

8-го сентября. Государственный Совѣтъ и въ прежнее время позволялъ себѣ иногда искреннее изъясненіе своихъ мыслей предъ самодержавной властью. Такъ, на-дняхъ, попалось мнѣ дѣло 1811 года о комплектованіи арміи и флота, въ которомъ столько же любопытны разсужденія Совѣта, сколько и отмѣтки императора Александра. Въ журналѣ Совѣта, при разсужденіяхъ о рекрутскихъ наборахъ, между прочимъ, сказано было: «Россійское войско до сихъ поръ было единое въ Европѣ, храбростью своею и вѣрностью къ государю и отечеству отличающееся; но теперь едва-ли съ надлежащею основательностью можетъ быть подтверждаема сія доблесть онаго. Прежде всякій полководецъ смѣло могъ отважиться на великіе и трудные подвиги; но теперь, зная безсиліе и тщедушность вновь набираемыхъ воиновъ, не въ

состояніи ничего особенно важнаго предпринять». Противъ этой статьи государь отмѣтилъ: «Несправедливо: не всякій полководецъ, но Румянцевъ, Суворовъ; сія никогда не были на-ряду со всякимъ. Впрочемъ я вопрошаю: наборы тогдашніе развѣ были на другомъ основаніи, какъ нынѣ; посему мнѣ кажется несправедливо искать причину въ образѣ набора солдатъ, а скорѣе ее сыскать можно въ талантахъ предводителей арміи».

Въ другомъ мѣстѣ того же журнала упоминалось: «что нынѣ большая часть доставляемыхъ рекрутъ не ряды храбрыхъ защитниковъ отечества, но одни госпитали и лазареты наполняютъ. Полки, сформированные въ 1807 году, не суть-ли очевиднымъ тому доказательствомъ? Полки сіи, не бывъ употреблены противъ непріятеля, въ одинъ годъ около двухъ третей своего комплекта потеряли». Тутъ Александръ написалъ: «Совершенно несправедливо. Полки сіи были укомплектованы не рекрутами, а милиціей, коея выборъ точно былъ на томъ основаніи, на коемъ предполагается (въ томъ журналѣ Совѣта) учредить впредь наборы рекрутъ, то-есть предоставля одобренію однихъ предводителей. Гдѣ собственный интересъ дѣйствуетъ, можно-ли положиться на 500 или болѣе находящихся у насъ предводителей?»

Позенъ, который вчера пріѣхалъ изъ дальняго путешествія по Россіи, посѣтивъ самые многочисленные и промышленные ея пункты и бывъ, между прочимъ, тоже на Нижегородской ярмаркѣ, говоритъ, что манифестъ объ уничтоженіи лажа вездѣ принятъ съ крайнимъ неудовольствіемъ и нигдѣ не находитъ себѣ защитниковъ. Всѣ соглашались, что надобно было принять мѣры противъ этого нетерпимаго ажіотажа, но всѣ вопіють противъ тѣхъ именно мѣръ, которыя теперь приняты. Курсъ въ 3 р. 50 к. введенъ повсемѣстно и исполняется безпрекословно, но цѣны, вопреки ожиданіямъ и внушеніямъ правительства, нигдѣ въ соразмѣрность не упали и напротивъ даже мѣстами поднялись. Отъ этого кричатъ капиталисты, которые потерпѣли ущербъ въ своихъ капиталахъ; помѣщики, которые въ той же суммѣ денегъ получаютъ съ своихъ имѣній менѣе доходовъ; мануфактуристы и заводчики—оттого, что рабочіе требуютъ по новому курсу той же платы, какую получали прежде по счету на монеты; рабочіе, торговцы и вообще классъ промышленный принуждаютъ ихъ понижать цѣны, чего они не хотятъ и частью не могутъ сдѣлать; наконецъ, чиновники—оттого, что имъ оставляется то же самое жалованье, когда цѣна денегъ упала.

Въ Москвѣ былъ общій вопль во всѣхъ классахъ противъ князя Любецкаго, которому приписываютъ эту мѣру, сколько по общей молвѣ, столько и потому, что онъ на бѣду свою въ одинъ день съ изданіемъ манифеста получилъ брилліанты къ Александровской звѣздѣ. Вопль и

нареканія на него тѣмъ сильнѣе, что онъ полякъ и что большая масса видитъ здѣсь какой-то злой умыселъ къ утѣшенію народа. Все это вѣсти Позеновскія, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно вѣроятныя.

Бородинскіе маневры кончились. Государь пріѣхалъ оттуда въ Москву 3-го сентября вечеромъ. Свободныя гвардейскія войска, бывшія отсюда на Бородинскомъ полѣ, также вступаютъ въ Москву, и купечество собирается ихъ угостить въ экзерциргаузѣ. Потомъ будетъ торжественная закладка храма Христа Спасителя, предполагающаго еще Александромъ въ память 1812 года, начатаго на Воробьевыхъ горахъ, но потомъ несостоявшагося за совершеннымъ неудобствомъ мѣстности. Храмъ будетъ въ самомъ городѣ близъ Кремля на берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ стоялъ прежде Алексѣевскій монастырь. Когда я посѣтилъ въ прошломъ году Москву, этотъ монастырь былъ уже срытъ и планировали мѣсто. Ермоловъ, почитающійся теперь рѣшительно не въ милости, былъ однакоже въ Бородинѣ. И трудно бы ему было не пріѣхать туда, когда въ 1812 году онъ былъ тутъ начальникомъ штаба дѣйствовавшей арміи: слѣдственно однимъ изъ самыхъ первыхъ лицъ. На послѣднемъ маневрѣ, изображавшемъ самую битву, Ермоловъ былъ при государѣ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ и княземъ Д. В. Голицынымъ, и онъ много говорилъ съ ними о подробностяхъ сраженія.

15-го сентября. Опять новыя вѣсти о лажѣ. Графъ Левашовъ, возвратившійся изъ Бородина, но бывшій передъ тѣмъ во Владимирской губ., увѣряетъ, что тамъ дѣло принялось какъ нельзя лучше и мѣры правительства приняты съ большою благодарностью. Простой народъ въ особенности говоритъ, что теперь только «увидѣлъ свѣтъ Божій». Въ Москвѣ дѣло идетъ не такъ ладно. Тамъ все еще находятся барышники и спекуляторы, которые, пользуясь старыми привычками народа, выискиваютъ средства обманывать его на деньгахъ разными манерами; но мѣстное начальство не шутитъ и какъ эти люди всѣ безъ изъятія самыхъ низшихъ классовъ, то ихъ ловятъ и сѣкутъ безъ дальнѣйшаго суда по одному полицейскому разбору. На цѣны, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Петербургѣ, торговое совмѣстничество тоже начинаетъ производить свое дѣйствіе. Извѣстно, что многіе товары, которыми торгуетъ Англійскій магазинъ, можно достать и въ гостинодворскихъ лавкахъ, но всегда нѣсколькими процентами ниже. Теперь, когда Англійскій магазинъ переложилъ свои цѣны на серебро съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ, а гостинодворцы остались при прежнихъ, обоюдныя ихъ цѣны сравнялись, и оттого всѣ покупщики постепенно переходятъ отъ послѣднихъ къ первому, при увѣренности за тѣ же деньги получить товаръ безъ обману. Это непременно заставитъ гостинодворцевъ пони-

зять и свои цѣны въ прежнюю соразмѣрность, чтобы не лишиться всѣхъ покупателей, и говорить, въ нѣкоторыхъ лавкахъ къ тому уже и приступили.

17-го сентября. Государь воротился изъ Москвы въ ночь съ 15-го на 16-ое, въ Царское Село. Онъ перелетѣлъ въ 35 часовъ—немногимъ дольше, чѣмъ можно бы сдѣлать этотъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ. На дорогѣ онъ обогналъ передоваго своего фельдъегеря, за что однако же очень разгнѣвался.

4-го октября. Зимній дворецъ шалить, и предсказанія о немъ фаталистовъ сбываются. Излишняя поспѣшность въ его возобновленіи являетъ свои послѣдствія: вездѣ страшная сырость и многое надобно опять снова передѣлывать; такъ, напримѣръ, и прелестная Бѣлая зала съ своими золотыми колоннами, стоявшая столько денегъ, совсѣмъ почернѣла. Между тѣмъ на бѣду вздумали прошлымъ лѣтомъ сдѣлать разныя капитальныя передѣлки и въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ теперь тоже большая сырость. Отъ этого царской фамиліи рѣшительно негдѣ помѣститься въ Петербургѣ, и она по необходимости должна жить еще очень долго въ Царскомъ Селѣ.

Вчера пришло извѣстіе, что гр. Толя на возвратномъ пути изъ Варшавы сюда на польской границѣ передъ Юрбургомъ разбилъ парализъ, отъ котораго у него отнялась цѣлая сторона. Примѣчательно, что по наступавшему постепенно онѣмѣнію, онъ впередъ предчувствовалъ этотъ ударъ и успѣлъ еще написать нѣсколько строкъ государю. Сегодня поскакалъ къ нему отсюда его сынъ. По дошедшимъ слухамъ говорятъ, что положеніе его если не совсѣмъ безнадежно, то по крайней мѣрѣ очень опасно.

И ужасно то, что наше безлюдье примѣчается не только въ гражданской администраціи, но и въ другихъ частяхъ управленія. Въ военномъ вѣдомствѣ изъ людей значущихъ и играющихъ роль развѣ только корпусные командиры Муравьевъ (Николай), Нейдгардтъ и начальникъ штаба въ Варшавѣ кн. Горчаковъ выходятъ нѣсколько изъ ряду обыкновенныхъ; прочіе корпусные командиры: или люди самые посредственные, или еще ниже посредственности, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Мнѣ сказывалъ это Позенъ, который ближе ихъ знаетъ не только лично, но и по дѣламъ, и на мнѣніе котораго можно положиться.

Лучшіе люди еще у насъ въ дипломатіи; но посолъ нашъ во Франціи, гр. Паленъ, говорилъ мнѣ на-дняхъ, что и тамъ теперь представляется величайшее затрудненіе: лондонскій нашъ посолъ графъ Поццо-ди-Борго, за-семидесяти-лѣтній старецъ, до такой степени упалъ и упа-

даетъ моральными силами, что ему невозможно долѣе оставаться на этомъ важномъ посту.

Наши засѣданія подѣ председательствомъ Голицына идутъ своимъ порядкомъ ничуть не хуже, чѣмъ при Васильчиковѣ, хотя первый почти нисколько не занимается дѣлами, не тревожитъ меня и не отрываетъ отъ дѣла безпрестанными присылками, а ограничивается коротенькимъ словеснымъ докладомъ передъ самымъ присутствіемъ. Собственныхъ идей, собственнаго высшаго соображенія нѣтъ ни у того, ни у другого, и отъ того оба подвержены постороннимъ вліяніямъ, но у Васильчикова эти вліянія совершенно затемняютъ всякое личное сужденіе, а у Голицына болѣе прозорливости и все-таки сколько-нибудь, но болѣе дѣловой опытности. Вообще Голицынъ умнѣе Васильчикова, болѣе его имѣетъ такта, вѣса и достоинства; за то послѣдній гораздо усерднѣе къ дѣламъ, болѣе беретъ къ сердцу государственные интересы, болѣе по-своему радѣетъ объ ихъ охраненіи; но результаты въ отношеніи къ Совѣту почти одни и тѣ же, и я былъ бы очень затрудненъ, если бы пришлось рѣшать: кто изъ нихъ, какъ председатель, полезнѣе? За то какъ свѣтскій человѣкъ, какъ *homme d'esprit*, Голицынъ неоспоримо уже имѣетъ всѣ преимущества предъ Васильчиковымъ. Невозможно быть милѣе перваго, и съ нимъ можно проводить часы не соскучаясь, даже съ возрастающимъ интересомъ, тогда какъ съ послѣднимъ всякій матеріалъ къ какому-нибудь разговору очень скоро истощается.

Голицынъ былъ всегда очень близокъ ко двору, начиная съ камеръ-пажества во времена Екатерины, и помнить всѣ придворныя отношенія и интриги за 40 лѣтъ, всѣ анекдоты, все забавное, что случилось въ это время, и—все это рассказываетъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ. Слушая его, воображаешь себя совершенно, что читаешь какія-нибудь болтливые, но острые и веселые французскіе мемуары. Истинно жаль, если онъ не диктуетъ своихъ записокъ въ этомъ родѣ, которыя были бы драгоценнымъ запасомъ юмора и соли; иначе съ нимъ умрутъ всѣ эти преданія, вся живая традиція четырехъ царствованій.

12-го октября. Бухарскій ханъ прислалъ въ подарокъ государю слона, который на-дняхъ сюда прибылъ, вмѣстѣ съ двумя своими адъютантами, верблюдами. Государь осматривалъ этого слона въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи одной женщины, которая не знала государя и въ первый разъ въ жизни видѣла слона.

— А что это, батюшка, за звѣрь?—спросила она.

— Слонъ.

Государь, которому понравилось и это незнаніе его особы, и этотъ

вопросъ, съ умысломъ продолжалъ разговоръ и, между прочимъ, спросилъ женщину, какъ она довольна величиною слона?

— Чудо, батюшка, по истинѣ чудо: всякое дыханіе да хвалить Господа.

Графъ Толь, при первомъ письмѣ своемъ, отправленномъ къ государю въ близкомъ предчувствіи смерти, доставилъ между прочимъ дневникъ, который при каждомъ его пугешествіи вели всегда всѣмъ его распоряженіямъ и приказаніямъ по его части. Адъютанту, который привезъ письмо и дневникъ, велѣно было вручить послѣдній государю при первомъ извѣстіи о кончинѣ Толя; но онъ понялъ иначе и отдалъ въ одно время съ письмомъ, а тутъ вышло довольно курьезное обстоятельство: въ одномъ мѣстѣ графъ, замѣтивъ крайнюю ветхость одного дома шоссейной стражи, пишетъ, что непременно нужно, для предстоящаго проѣзда государя, исправить его хоть сколько-нибудь по наружности.

13-го октября. Государь чрезвычайно грустенъ, и русское сердце страдаетъ за него и вмѣстѣ съ нимъ. Киселевъ, который уже съ нимъ работалъ по возвращеніи изъ Москвы, говоритъ, что онъ все время сидѣлъ подперши лобъ рукою и, рассказывая о положеніи императрицы, изъявлялъ глубокую свою горестъ и малыя надежды: «Что мнѣ, что доктора говорятъ, будто бы у нея поменьше жаръ: я самъ лучше всѣхъ вижу ея грустное положеніе». И при этомъ выступили у него двѣ крупныя слезы...

22-го ноября. Васильчиковъ на-дняхъ объяснялся съ государемъ по дѣлу, бывшему въ Комитетѣ министровъ, о мѣрахъ къ распространенію въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка, и при этомъ зашла рѣчь о привилегіяхъ нашихъ остзейцевъ — предметъ, который, вмѣстѣ съ Сводомъ ихъ мѣстныхъ законовъ, долженъ скоро подвергнуться окончательному разсмотрѣнію. Васильчиковъ, хотя и русскій въ душѣ, однако русскій благоразумный и потому большой защитникъ этихъ привилегій, освященныхъ царскимъ словомъ и которыхъ остзейское дворянство — всегда преданное нашему правительству, — конечно, никогда не употребляло во зло.

— Что же касается до этихъ привилегій, — сказалъ государь, — то я теперь и всегда буду самымъ строгимъ ихъ оберегателемъ, и пусть никто и не думаетъ подъѣхать ко мнѣ съ предвареніями объ ихъ перемѣнѣ, а чтобы доказать, въ какой степени я ихъ уважаю, я готовъ бы былъ самъ сейчасъ принять дипломъ на званіе тамошняго дворянина, если бы дворянство мнѣ его поднесло.

Потомъ обратясь, къ наслѣднику, онъ прибавилъ:

— Это я говорю и для тебя: возьми за непремѣнное и святое правило всегда держать то, что ты однажды общалъ.

Кстати объ остзейскихъ губерніяхъ. Недавно вышла книга «извѣстнаго» Булгарина: «Лѣтняя прогулка по Финляндіи и Швеціи» — вещь довольно пустая, сколоченная изъ видовъ, съ примѣскою большого хвастовства. Она начинается обзорѣмъ моральнаго состоянія Остзейскаго края, особенно Лифляндіи, гдѣ Булгаринъ долго жилъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ, въ окрестностяхъ Дерпта, гдѣ онъ имѣлъ безчисленныя исторіи съ студентами изъ дворянства, не всѣ относившіяся къ его чести. Въ этомъ обзорѣніи онъ изливаетъ всю свою желчь на лифляндское дворянство; хотя и нѣтъ сомнѣнія, что тутъ много правды, однако все представлено въ преувеличенномъ видѣ и при томъ въ самыхъ язвительныхъ краскахъ, такъ что я не могъ довольно надивиться оплошности цензуры, пропустившей такую діатрибу противъ дворянскаго сословія цѣлой губерніи. Потомъ выписки изъ книги Булгарина, именно по этой статьѣ, перешли и въ нѣмецкія академическія Вѣдомости. Но какъ тутъ ругательства его сдѣлались уже доступными тѣмъ, противъ кого они направлены, то вся бѣда пала на бѣднаго редактора нѣмецкихъ Вѣдомостей Ольдекопа, который за приложенный къ переводу ихъ трудъ, долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ.

24-го ноября. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ, Мельгуновъ, давно уже путешествующій по Германіи, описываетъ свиданіе свое въ 1836 году съ Гумбольдтомъ и заключаетъ его такъ: «Но Гумбольдту все-таки 70 лѣтъ, а изъ новаго поколѣнія не видать до сихъ поръ никого, кто бы могъ не только затмить его славу, но даже къ ней приблизиться. Гумбольдтъ и Шеллингъ чуть-ли не единственные оставшіеся великаны ученаго міра Германіи; но и эти великаны скоро исчезнутъ, и эти полубоги скоро покинутъ землю, едва-ли оставивъ послѣ себя преемниковъ. Кругомъ все мелко: нашъ вѣкъ есть вѣкъ посредственности». — послѣднія строки, къ несчастію, не одно поэтическое восклицаніе, но суцная истина! Не говоря объ остальной Европѣ, страшно обернуться и на нашу Россію, гдѣ все великое, творческое, гениальное постепенно удаляется со сцены и оставляетъ на ней однихъ статистовъ, — Россію, гдѣ явленіе это тѣмъ примѣчательнѣе, что прежде мы ничему или почти ничему не учились, а теперь обилуемъ университетами и всѣми возможными училищами, общими и специальными, и всѣ эти училища переполнены и всякой годъ выпускаютъ тучи кончившихъ курсъ студентовъ и пр. Возьмемъ только послѣднія 10 лѣтъ, и что мы тутъ растеряли! Въ администраціи угасли свѣтлыя имена Кочубея и колос-

сальнаго Сперанскаго, умираетъ Канкринъ, и почти умеръ Дашковъ. Въ литературѣ не стало Карамзина и Пушкина, Жуковскій выписался, Крыловъ умолкъ въ глубокой зимѣ своихъ сѣдинъ. Съ военнаго поприща сошелъ Дибичъ, а другая знаменитость—Толь—скорыми шагами близится къ разрушенію, и кто же замѣнитъ эти народныя славы или кто общаетъ замѣнить ихъ въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ?

14-го декабря. Нынче завелась у насъ весьма полезная вещь, заимствованная отъ чужихъ краевъ, именно чтеніе по разнымъ предметамъ публичныхъ курсовъ. Чтенія эти поручаются извѣстнымъ ученымъ отъ Академіи наукъ, отъ министерства финансовъ и пр., и производятся большею частію даромъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и чтенія о русскомъ языкѣ и русской словесности извѣстнаго нашего филолога и журналиста Николая Ивановича Греча. Онъ читаетъ, впрочемъ, не по порученію, а самъ отъ себя, и не даромъ, а за деньги (15 р. серебромъ за 15 чтеній), кромѣ нѣкоторыхъ лицъ, которымъ онъ прислалъ; такъ сказать, почетныя билеты, въ томъ числѣ и мнѣ. Чтенія эти привлекаютъ довольно значительное стеченіе слушателей, до 300 и болѣе, и вообще довольно удовлетворительны, при прекрасномъ органѣ и отличномъ образѣ чтенія Греча, хотя они едва-ли бы выдержали строгую критику въ печати. Посреди многого дѣльнаго, путнаго, даже отчасти новаго, въ нихъ прорывается немало и очень извѣстнаго, обветшалаго, тоже въ родѣ «ad usum delphini», иногда мысли не совсѣмъ основательныя, шутки нѣсколько тупыя. Между тѣмъ тутъ бываютъ и министры, и члены Государственнаго Совѣта, и даже дамы, хотя никакъ нельзя еще сказать, чтобы было въ тонѣ ѣздить на Гречевы вечера, что мы едва-ли и скоро дождемся при чтеніяхъ русскихъ.

25-го декабря. Такъ какъ нынче Рождество въ понедѣльникъ, то сочельникъ, по церковному обряду, праздновался въ пятницу. За то въ субботу, какъ бы не бывало уже поста, былъ большой обѣдъ у шведскаго посланника барона Пальмстерна, на которомъ присутствовало гораздо болѣе русскихъ, нежели иностранцевъ,—въ томъ числѣ и я: обѣдъ со всею дипломатическою пышностію и гастрономическою роскошью. Пальмстерна составляетъ въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ чрезвычайно рѣдкое изытіе. Занимая уже очень давно свой постъ, онъ выучился въ совершенствѣ русскому языку и не только говорить, но и писать на немъ свободно. Привязанность его къ русскому языку простирается такъ далеко, что онъ принадлежитъ даже къ числу самыхъ ревностныхъ посѣтителей чтеній Греча.

29-го декабря. Я былъ вчера у гр. Канкрина, который все еще боленъ и страдаетъ невыразимо. Онъ теперь уже болѣе мѣсяца лежитъ въ постели, устроенной съ обыкновенною его комическою оригинальностью. Это огромная двухспальная кровать, страшной вышины, что-то въ родѣ катафалка, съ котораго онъ озираетъ всѣхъ проходящихъ. Подъ локтями у него исполинскіе фоліанты, на которые онъ упирается, какъ Зевесъ на свою молнію. При всемъ этомъ страдальческомъ положеніи и при всѣхъ этихъ причудахъ,—Канкринъ нисколько не прекращаетъ своей изумительной дѣятельности: онъ весь день читаетъ, диктуетъ, самъ пишетъ—словомъ, управляетъ своимъ министерствомъ въ полномъ его объемѣ, какъ самый трудолюбивый директоръ своимъ департаментомъ. Вчера онъ говорилъ мнѣ, что, чувствуя себя совершенно изнуреннымъ и въ здоровьи, и въ силахъ, давно желалъ бы совсѣмъ оставить службу, но удерживается въ томъ только страхомъ, что государь разгнѣвается.

— А если государь разгнѣвается,—прибавилъ онъ—то вы знаете, что мнѣ не будетъ покоя и отъ другихъ: меня тотчасъ начнутъ преслѣдовать и гнать, а при 17-тилѣтнемъ управленіи министерствомъ найдется, конечно, немало такого, за что злomu намѣренію можно будетъ придаться, и, пожалуй, вздумаютъ еще отдать подъ судъ.

Хотя я и не думаю, чтобы въ этомъ заключалась единственная причина, удерживающая Канкрина, однако помню еще за нѣсколько предъ симъ лѣтъ сказанныя мнѣ слова «что министру финансовъ, для покоя своего, надобно умирать на этомъ мѣстѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

